БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

I.

Дѣтскіе годы въ деревнѣ. — „Преступная“ любовь съ трагическимъ концомъ.—Дворовый человѣкъ Вардакъ.—Пансіонъ Гершельмана въ Верро.

Невеликъ, казалось бы, срокъ—полстолѣтія, а какъ, проживъ его, оглянешься назадъ, то во многомъ замѣтишь значительную перемѣну. Условія жизни, понятія, чувства, стремленія—на всемъ этомъ видна рука всеобновляющаго времени. Одно измѣнилось къ лучшему, другое—къ худшему, но во всякомъ случаѣ многое стало уже непохоже на прежнее. Многое изъ того, что̀ было, дѣлалось и думалось 50 и даже менѣе лѣтъ тому назадъ, уже отходитъ въ область преданій и, вѣроятно, вскорѣ пріобрѣтетъ легендарный характеръ—вскорѣ потому, что съ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія русская жизнь пошла ускореннымъ ходомъ. Великія реформы тѣхъ годовъ положили у насъ конецъ старому міру и старому духу; онѣ (не во гнѣвъ будь сказано ихъ противникамъ) широко распахнули ворота для новой, лучшей жизни нашей родины. Пусть мы бредемъ пока по новой дорогѣ робко и неувѣренно, озираясь и, по новости дѣла, относясь съ опаскою ко многому такому, что̀ не должно бы страшить разсудительныхъ людей, — это не бѣда: важно то, что залежавшаяся при крѣпостномъ правѣ Россія встала, наконецъ, на ноги и тронулась въ дорогу, пошла отыскивать свою «судьбу». Мы, старики, должны отъ всего сердца пожелать ей счастливаго пути.

«Что было, то не будетъ вновь»; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы былое подлежало забвенію. Напротивъ, чѣмъ подробнѣе будетъ оно возстановлено въ правдивыхъ очеркахъ, тѣмъ легче будетъ воспользоваться прошлымъ для нуждъ настоящаго. Въ этомъ смыслѣ даже очерки, написанные заурядным человѣкомъ, не игравшимъ никакой общественной роли, не могутъ быть совсѣмъ уже безполезны. Поучительно читать мемуары государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также записки людей, близко стоявшихъ къ нимъ; но не мѣшаетъ иногда прислушаться и къ голосу человѣка изъ толпы, жившаго ея думами и интересами. Быть можетъ, и въ его безпритязательныхъ воспоминаніяхъ отыщется та или другая черточка, которая когда-нибудь пригодится при составленіи общей картины миновавшей эпохи. Надо только, чтобы воспоминанія изложены были правдиво, безъ ухищреній и подтасовокъ, безъ тенденціозной окраски описываемыхъ лицъ и явленій. Именно такого изложенія я и намѣренъ держаться въ моихъ запискахъ.

Въ годы моего дѣтства существовало одно основное воззрѣніе, раздѣляемое нынѣ уже лишь очень немногими: полагали, что не всѣ люди родятся одинаково. Одни признавались благорожденными (enfants bien-nés), а другіе «простыми». Такое дѣленіе людей на два несходныхъ между собою сорта служило источникомъ множества нелѣпостей въ людскихъ отношеніяхъ. Человѣкъ благорожденный считалъ унизительнымъ для себя водиться съ людьми, родившимися въ «простомъ» званіи, а между тѣмъ почти всегда былъ обязанъ имъ тѣмъ, что могъ, не трудясь самъ, жить на ихъ средства. Водиться съ ними признавалось неприличнымъ, а жить трудами ихъ рукъ не только не считалось зазорнымъ, но даже вмѣнялось въ достоинство. Въ большемъ почетѣ бывалъ тотъ, у кого больше было кормильцевъ изъ простого званія; кто же кормильцевъ имѣлъ мало, или вовсе не имѣлъ, къ тому относились уже съ меньшимъ почтеніемъ, цѣня въ немъ единственно только благородное происхожденіе. Кормильцы же, крестьяне, вопреки всякой логикѣ, называли своими кормильцами именно тѣхъ благородныхъ «господъ», которыхъ сами же кормили. Подобныя отношенія, кажущіяся теперь верхомъ нелѣпости, считались въ тѣ времена правильными—и даже настолько, что всякая критика ихъ приравнивалась къ «потрясенію основъ».

Мнѣ посчастливилось оказаться въ числѣ des enfants bien-nés, за что я, впрочемъ, весьма признателенъ судьбѣ. Не будь этой случайности и родись я въ «простомъ» званіи, житейскій путь мой былъ бы совершенно иной и, во всякомъ случаѣ, болѣе обильный терніями. Оба дѣда мои—со стороны отца и со стороны матери—а потомъ и мои родители, владѣли извѣстнымъ (хотя и небольшимъ) числомъ «простыхъ» людей,

т. е. были помѣщиками. Въ нынѣшнее время было бы дико услышать, что такой-то «владѣетъ» людьми, владѣетъ настолько, что можетъ въ любую минуту сдѣлать съ ними, что̀ ему взбредетъ въ голову: женить или выдать замужъ по собственному произволу, продать, вымѣнять на салопъ или на свору собакъ, засѣчь или сдать на всю жизнь въ солдаты. Но въ дни моего дѣтства это ничуть не казалось дикимъ или противоестественнымъ, а, напротивъ, представлялось совершенно натуральнымъ. Разъ люди пріобрѣтены покупкою или пожалованы въ награжденіе, то почему же и не «владѣть» ими? Мы, дворянскія дѣти, уже съ первыми проблесками сознанія, воспринимали представленіе, что всѣ эти Прошки, Ѳедьки, Палашки только для того и родятся, чтобы принадлежать тому или другому барину. Въ пору нашего ранняго дѣтства намъ ни откуда не доводилось слышать даже намека на то, что это могло бы быть и иначе. Сами крѣпостныя нянюшки — эти самоотверженныя существа, съ которыми насъ обыкновенно соединяла горячая взаимная привязанность—сами онѣ признавали крѣпостническія отношенія дѣломъ совершенно нормальнымъ. Съ ихъ стороны бывали порою сѣтованія (да и то по секрету) на чрезмѣрную крутость тѣхъ или другихъ «господъ», но въ этомъ усматривали онѣ единственно несчастную для крестьянъ случайность, которая нисколько не колебала сущности рабовладѣнія, какъ неоспоримаго принципа. Нетрудно представить себѣ, какъ растлѣвался дѣтскій умъ въ средѣ убѣжденныхъ въ своей правотѣ рабовладѣльцевъ и покорныхъ своей участи рабовъ. Въ памяти моей запечатлѣлось происшествіе, случившееся со мною, когда мнѣ было (если не ошибаюсь) лѣтъ пять.

Мы гостили у одной изъ моихъ бабушекъ, въ ея имѣніи близъ Николаева, Херсонской губерніи. Однажды, блуждая одинъ по саду [1]), я пролѣзъ сквозь плетень на задній дворъ; здѣсь я былъ крайне пораженъ, увидѣвъ красиваго смуглаго молодого человѣка въ кучерской поддевкѣ, который вышелъ въ ту минуту изъ-за сарая. Поразило меня то, что ноги его были закованы въ кандалы, которыхъ я до тѣхъ поръ не видывалъ и не зналъ значенія. Молодой человѣкъ съ ласково-грустной улыбкой молча смотрѣлъ на меня, а я смотрѣлъ на него. Болѣе 50-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я и до сихъ поръ помню его добрый, печальный взглядъ, да и вообще всю эту сцену нашего неожиданнаго свиданія. Осмотрѣвшись по сторонамъ, онъ поманилъ меня къ себѣ, завелъ за сарай и осторожнымъ, пониженнымъ голосомъ сказалъ мнѣ, что сейчасъ сдѣлаетъ мнѣ хорошій кнутикъ. Пока онъ дѣлалъ кнутикъ, я съ любопытствомъ ощупывалъ на немъ кандалы и, наконецъ, спро-

[1]) Вѣроятно, я попалъ туда безъ провожатаго по недосмотру нянюшки, которой, можетъ быть, потомъ и досталось за это.

силъ его, зачѣмъ онъ ихъ носитъ. Оказалось, что кандалы надѣты на него по приказанію бабушки, въ наказаніе за что-то. Человѣкъ этотъ говорилъ по-русски, что̀ нечасто встрѣчалось тогда подъ Николаевомъ; впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что онъ былъ купленъ бабушкою въ одной изъ внутреннихъ губерній, откуда и переселенъ въ Новороссію.

Помнится, мнѣ стало очень жаль этого человѣка, и я не сомнѣвался, что бабушка скоро проститъ его, потому что она добрая; но чѣмъ могъ онъ заслужить эту кару и почему меня самого никогда не заковывали въ кандалы ни за какія провинности,—эти вопросы едва-ли остановили тогда на себѣ мое вниманіе. Осчастливленный подареннымъ мнѣ кнутикомъ, я тотчасъ же по возвращеніи домой освѣдомился у бабушки о добромъ человѣкѣ въ кандалахъ и живо помню такъ огорчившій меня тогда сухой и короткій отвѣтъ бабушки. Она сказала, что это не мое дѣло, что я еще слишкомъ малъ и что будетъ гораздо лучше, если я займусь какою-нибудь игрою. Отчего этотъ черствый отвѣтъ навсегда остался въ моей памяти? И отчего до сихъ поръ, несмотря на протекшіе съ того времени десятки лѣтъ, я какъ теперь вижу передъ собою еще одного человѣка, произведшаго на меня тогда сильнѣйшее впечатлѣніе? То была бабушкина комнатная дѣвушка. Я давно уже забылъ ея имя, но и донынѣ вспоминаю ея молодое, искаженное ужасомъ лицо въ ту памятную для меня минуту. Она стояла въ бабушкиной спальнѣ, подъ образами. На ней было затрапезное платье изъ домашней пестрядѝны; обнаженная шея ея была сплошь искусана блохами—это рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти (вмѣстѣ съ другими дѣвушками дворни, эта дѣвушка спала обыкновенно въ дѣвичьей на полу, на тонкой войлочной подстилкѣ). Расширившимися отъ страха глазами она въ упоръ смотрѣла въ лицо бабушкѣ, наносившей ей, одинъ за другимъ, звонкіе удары туфлею по щекамъ, и при каждомъ ударѣ, зажмуриваясь, вздрагивала. Дочь бабушки—моя тетка—въ то время невѣста, сидѣла тутъ же неподалеку и спокойно поправляла передъ зеркаломъ свою прическу; происходившая въ ея присутствіи расправа, очевидно, ни мало не безпокоила ее. Помню, что я съ плачемъ бросился къ бабушкѣ, обнялъ ее около колѣнъ (выше не могъ достать по малому росту) и началъ умолять ее, чтобы она простила дѣвушку. Но экзекуція и безъ того уже подходила къ концу: еще нѣсколько ударовъ, и просьба моя была услышана. Бабушка прогнала «поганку» вонъ, и дѣвушка со всѣхъ ногъ бросилась изъ комнаты. Мнѣ же прочитана была нотація за неумѣстное появленіе въ спальнѣ, причемъ было объяснено, что дѣвка эта—дрянная тварь, что не бить ее нѣтъ никакой возможности и проч. А такъ какъ я все еще продолжалъ плакать, то бабушка тотчасъ же ве-

лѣла запречь въ мою телѣжку имѣвшихся у нея двухъ ученыхъ козловъ, чтобы я могъ развлечься катаньемъ по деревнѣ.

Я хорошо знаю, что ни бабушка, хлеставшая дѣвушку по щекамъ туфлею, ни тетка, спокойно разглядывавшая себя при этомъ въ зеркалѣ, не были, въ сущности, ни жестоки, ни даже просто злы; но ни той, ни другой такое обращеніе съ беззащитнымъ человѣкомъ нисколько не казалось противорѣчащимъ хотя бы простому чувству порядочности. Впослѣдствіи, уже юношею, я узналъ и причину, вызвавшую какъ этотъ эпизодъ съ дѣвушкой, такъ и появленіе на заднемъ дворѣ человѣка въ кандалахъ. Причиною была «преступная» любовь между обоими этими лицами. Преступною же любовь эта оказалась потому, что бракъ ихъ не входилъ разсчеты бабушки, не желавшей лишиться своей служанки. Я слышалъ потомъ, что дѣвушкѣ остригли косу и выдали несчастную за свинопаса, такъ что хотя бабушка и лишилась-таки ея комнатныхъ услугъ, но за то порокъ былъ, по крайней мѣрѣ, наказанъ, и основы помѣщичьей власти остались не потрясенными. Человѣкъ же, за любовь свою поплатившійся кандалами, сталъ—какъ разсказывали—буйствовать, былъ нѣсколько разъ сѣченъ до полусмерти, но такъ и отбился отъ рукъ. Въ виду этого, его, какъ «мерзавца» и человѣка отпѣтаго и ни на что уже не годнаго, сдали, наконецъ, въ солдаты. Вѣроятно, предполагалось, что на дѣло защиты отечества онъ все-таки годится

Не сомнѣваюсь, что немало подобныхъ эпизодовъ осталось въ памяти всѣхъ вообще моихъ сверстниковъ, росшихъ въ одинаковыхъ со мною условіяхъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ судьба надѣлила въ дѣтскомъ возрастѣ извѣстною впечатлительностью, выростали въ то темное время среди полной путаницы понятій и чувствъ. Инстинктивный ужасъ, который вызывали въ насъ различныя потрясающія сцены, непостижимымъ образомъ уживался въ нашихъ сердцахъ съ любовью къ роднымъ, «владѣвшимъ» людьми на общемъ основаніи, т. е. на всей своей волѣ. Вся обстановка нашего дѣтства была такова, что усыпляла въ насъ всякую попытку вникнуть въ сущность отношеній между «людьми» и «господами». Многимъ изъ людей нашего круга даже до послѣднихъ лѣтъ юности едва удавалось освободиться отъ взглядовъ и привычекъ, усвоенныхъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, а нѣкоторыхъ сама крестьянская реформа застала совершенно неподготовленными. Оказались, наконецъ, и такіе, которые донынѣ считаютъ отмѣну крѣпостного права исторической ошибкой. И пусть себѣ считаютъ: того, что было, имъ все равно не вернуть.

Къ счастью для моего развитія, я лишь самое раннее дѣтство провелъ въ тогдашней деревнѣ: по шестому году родители мои взяли меня

съ собою въ Петербургъ. Здѣсь я попалъ уже въ гораздо лучшую атмосферу. Отецъ мой, быть можетъ, и не былъ безусловнымъ противникомъ крѣпостныхъ отношеній, но, сколько я помню, а потомъ слышалъ и отъ другихъ, никогда не злоупотреблялъ ими. Онъ принадлежалъ къ числу просвѣщенныхъ людей того времени, т. е. конца сороковыхъ годовъ, люди же эти, какъ извѣстно, хотя и придерживались гуманныхъ взглядовъ, но, въ большинствѣ, отъ помѣщичьихъ правъ своихъ не отказывались. Мой отецъ водилъ знакомство съ нѣкоторыми изъ писателей кружка Бѣлинскаго, которые, при всей просвѣщенности своихъ общихъ взглядовъ, съ спокойною совѣстью продолжали пользоваться даровымъ трудомъ своихъ крестьянъ. Онъ, конечно, раздѣлялъ ихъ убѣжденія, а можетъ быть и ихъ конечные выводы. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вліяніе этого кружка отразилось на немъ благотворно. Состоя на службѣ, онъ былъ свободенъ отъ пресмыкательства передъ вліятельными людьми и былъ вообще, какъ говорится, «порядочнымъ человѣкомъ». Онъ много читалъ, началъ было принимать активное участіе въ литературѣ, напечатавъ въ «Современникѣ» обширную біографію Байрона, но вскорѣ умеръ въ расцвѣтѣ лѣтъ, не успѣвъ составить себѣ литературное имя. Такихъ людей, какъ онъ, было тогда въ Петербургѣ уже немало, и въ семьяхъ ихъ дѣти, конечно, находились въ лучшихъ воспитательныхъ условіяхъ, чѣмъ въ провинціи.

Припоминая время моего ранняго дѣтства, я вижу, что отецъ мой былъ превосходнымъ педагогомъ. Шутя и играя со мною по вечерамъ, онъ незамѣтно научилъ меня чтенію и письму по-русски и по-французски. Но главное, что не часто встрѣчается въ заурядныхъ семьяхъ, какъ онъ, такъ и моя мать съумѣли поставить себя со мною такъ, что я всегда и во всемъ былъ совершенно откровененъ съ ними, не говоря уже о томъ, что я безпредѣльно любилъ ихъ. Я никогда не утаивалъ отъ нихъ ни одного изъ своихъ поступковъ. Зато и наказаній я не испытывалъ никакихъ: ихъ замѣняли спокойныя разъясненія. Въ нашемъ домѣ не было мѣста нелѣпой педагогической теоріи, по которой всякій проступокъ долженъ непремѣнно влечь за собою, какъ логическое слѣдствіе, соотвѣтственное возмездіе, причемъ забота педагога должна, будто бы, заключаться въ томъ, чтобы ребенокъ самъ видѣлъ, что слѣдствіе неизбѣжно вытекаетъ изъ причины. У насъ было проще: бывало, разскажешь о какой-нибудь своей шалости, а отецъ (или мать, смотря по случаю) только покачаетъ головой и скажетъ что-нибудь въ родѣ того, что «вотъ ужъ, молъ, никакъ не ожидалъ отъ тебя такой глупости; вѣдь отъ этого могло бы произойти то-то и то-то». И все это ничуть не докторальнымъ тономъ наставника, всегда несноснымъ для дѣтей, а просто и естественно, какъ говорятъ съ товарищемъ, котораго любятъ. Я высоко цѣню эту воспитательную манеру и на всю жизнь

сохранилъ самую теплую память объ отцѣ и матери. Манера эта мало того, что способствуетъ развитію сообразительности въ ребенкѣ, но еще и зарождаетъ въ немъ чувство собственнаго достоинства. Сколько благихъ послѣдствій могло бы имѣть ея примѣненіе и въ семьяхъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ!

Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Петербургъ, мать моя, едва достигшая двадцативосьмилѣтняго возраста, умерла, оставивъ намъ моего новорожденнаго брата. Мы съ маленькою сестрой часто ходили смотрѣть его въ ту комнату, гдѣ стояла его люлька и жила кормилица. Поднявшись на цыпочки, мы (ради устойчивости) опирались носами о край люльки и съ любопытствомъ разглядывали маленькую красную рожицу брата, теряясь въ соображеніяхъ о томъ, откуда онъ взялся. Сестра моя, старше меня двумя годами, сильно горевала о матери, я же какъ-то довольно скоро утѣшился: я еще не понималъ значенія смерти и, кажется, считалъ отсутствіе матери временнымъ. Что касается отца, то онъ, переболѣвъ своимъ горемъ, черезъ полтора года женился вторично—быть можетъ, ради насъ, дѣтей, которыхъ не рѣшался поручить навсегда боннѣ, пріисканной имъ для насъ послѣ смерти матери. Впрочемъ, мачиха прожила съ нами всего годъ и умерла въ холеру 1852 г. Подъ вліяніемъ этихъ ударовъ, здоровье отца серьезно разстроилось; онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и перебраться на югъ. Очевидно, не желая жить въ небольшомъ родовомъ малороссійскомъ имѣніи, которое предоставлено было имъ въ распоряженіе его вдовствовавшей матери [1]), онъ принялъ мѣсто секретаря или, скорѣе, компаніона, у

---

[1]) Любопытная подробность. Имѣніе бабушки я посѣтилъ впервые послѣ дѣтства черезъ десятокъ лѣтъ, причемъ поневолѣ познакомился съ нѣсколькими сосѣдними помѣщичьими семьями. Изъ окрестныхъ некрупныхъ помѣщицъ (въ раіонѣ 15 верстъ въ окружности) единственною грамотною женщиной была моя бабушка. Остальныя не только не умѣли ни читать, ни писать, но и разговоры вели слогомъ кухарокъ. Это было въ 1863 г., въ малороссійскомъ мѣстечкѣ, находившемся въ разстояніи всего 25 верстъ отъ уѣзднаго города. Маленькія помѣщичьи дѣти почти ничѣмъ не отличались отъ деревенскихъ крестьянскихъ мальчиковъ: такъ же ходили грязными и босоногими, такъ же вели себя дикарями при постороннихъ и, наравнѣ съ уличными дѣтьми, находили развлеченіе въ забрасываніи щенковъ и котятъ въ рѣку, въ выколупываніи глазъ у пойманныхъ птицъ и т. п. Домъ бабушки считался въ округѣ аристократическимъ только потому, что въ немъ была мягкая пружинная мебель и обѣденный столъ сервировался чисто; у большинства сосѣдей обѣдали даже безъ скатерти. Мнѣ припоминается забавный эпизодъ: къ бабушкѣ пріѣхала съ визитомъ одна изъ сосѣдокъ, довольно зажиточная помѣщица, толстая и потливая особа. Не имѣвъ до тѣхъ поръ случая видѣть пружинную мебель, она съ размаха грузно опустилась на мягкое кресло. Пружины подъ нею подались, и она, испуганная этою неожиданностью, закричала благимъ матомъ, прекомично брык-

богача-помѣщика, графа А., очень цѣнившаго моего отца и пожелавшаго дѣлить съ нимъ свои занятія и досуги. Что̀ было дѣлать съ нами? Малютку-брата отправили съ родственницею въ Малороссію, къ бабушкѣ, а меня съ сестрою отецъ рѣшилъ помѣстить въ нѣмецкіе пансіоны, пользовавшіеся въ то время прекрасною репутаціей: одинъ изъ нихъ былъ въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевъ), а другой неподалеку оттуда, въ Верро. Отецъ, какъ ни былъ слабъ отъ болѣзни, самъ отвезъ насъ туда.

Въ то время желѣзныхъ дорогъ было только двѣ: Царскосельская да Николаевская, по которой ѣздили въ Москву, кажется, около двухъ сутокъ. Въ Дерптъ надо было ѣхать на лошадяхъ, что̀ было сопряжено съ немалыми хлопотами. Для большихъ поѣздокъ брали обыкновенно на прокатъ у каретника грузный и неуклюжій, но крѣпкій тарантасъ, способный выдержать ѣзду по ухабистымъ дорогамъ. Заготовлялись запасы провизіи, такъ какъ на почтовыхъ станціяхъ нельзя было бы найти ничего, кромѣ помятаго и нечищеннаго самовара. Позади тарантаса привязывали сундукъ съ вещами и чемоданъ, да, сверхъ того, на крышкѣ экипажа укрѣпляли широкій плоскій ящикъ, называвшійся «важей» и тоже предназначенный для укладки вещей. А въ дорогѣ надо было почаще выглядывать изъ тарантаса, чтобы убѣдиться, не срѣзаны ли чьей-нибудь злоумышленною рукой привязанные сзади сундукъ и чемоданъ, потому что на большихъ дорогахъ въ ту пору сильно «пошаливали». Кромѣ того, надо было заручиться «подорожною», въ которой прописывалось, что ѣдетъ-де надворный совѣтникъ такой-то «съ будущимъ», причемъ путнику предоставлялось самому догадываться, что̀ можетъ означать эта непонятная приписка. Затѣмъ оставалось послать на почтовую станцію за тройкою лошадей, которыя и являлись къ дому, понурыя и разбитыя на ноги; на одной изъ нихъ сидѣлъ верхомъ ямщикъ, съ дугою и связкою возжей въ рукѣ.

Мы съ сестрою съ любопытствомъ смотрѣли изъ окна, какъ ямщикъ нашъ запрягалъ лошадей; помнится, я очень завидовалъ ему, такъ какъ самъ желалъ бы сидѣть на козлахъ и править тройкой. Тѣмъ временемъ, прислуга укладывала все нужное въ тарантасъ. Въ одинъ изъ его боковыхъ кармановъ была засунута неизбѣжная при тогдашнихъ путешествіяхъ жареная курица, завернутая въ синюю сахарную бумагу. Наконецъ, все готово; отецъ, сестра и я, одѣтые по-дорожному, выходимъ и садимся поудобнѣе на своихъ мѣстахъ; поклоны прощающихся, всхлипываніе оставляемой въ городѣ нянюшки... «Съ Богомъ, трогай!»

нувъ ногами въ воздухѣ. Помню также одного помѣщика, съ интересомъ разспрашивавшаго меня о желѣзной дорогѣ и никакъ не хотѣвшаго повѣрить, что паровозъ ходитъ самъ, безъ лошадей. Онъ настаивалъ, что этого быть не можетъ, и что лошади навѣрное только скрыты, для вида, внутри паровоза.

И тарантасъ, дребезжа всѣми желѣзными частями, выѣзжаетъ со двора на улицу и начинаетъ подпрыгивать по убійственной булыжной мостовой. На козлахъ сидитъ въ небрежной позѣ, бокомъ, ямщикъ въ заношенной поярковой шапкѣ съ павлиньимъ перомъ, а рядомъ съ нимъ помѣщается незадолго передъ тѣмъ появившійся въ нашемъ домѣ молодой человѣкъ со странною кличкой «Вардакъ». О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Изъ оставшихся послѣ смерти моего отца бумагъ мнѣ отчасти извѣстна судьба этого человѣка. Вардакъ былъ дворовымъ одного малороссійскаго помѣщика и, сколько можно догадываться, не пользовался его расположеніемъ; по крайней мѣрѣ, помѣщикъ пожелалъ, въ видѣ любезности за какую-то услугу, «подарить» Вардака моему отцу, какъ дарятъ щенятъ добрымъ знакомымъ. Отецъ подарка не принялъ, а предложилъ за Вардака опредѣленную годовую плату и, съ согласія помѣщика, взялъ его съ собою въ Петербургъ. Вардакъ оказался добрымъ, но довольно глупымъ и крайне лѣнивымъ малымъ. У насъ онъ прижился и видимо былъ доволенъ своею новою судьбой: онъ быстро раздобрѣлъ и всегда бывалъ въ отличномъ расположеніи духа. Мнѣ неразъ случалось заставать его за его любимою забавой: выкидываніемъ ружейныхъ пріемовъ кочергой. Онъ и во мнѣ стремился развить любовь къ этой забавѣ, но не имѣлъ въ томъ успѣха, такъ какъ меня въ то время манила другая мечта—сдѣлаться ямщикомъ. Тѣмъ не менѣе, между нами установились извѣстнаго рода дружественныя отношенія, и я очень огорчился бы, если бы зналъ, что была минута, когда мы съ нимъ были на волосъ отъ разлуки. По причинамъ, оставшимся неизвѣстными, владѣлецъ Вардака неожиданно возымѣлъ противъ отца моего злобу, тупую и упорную, къ какой особенно способны малороссы. Онъ послалъ въ полицію доносъ, въ которомъ заявлялъ, что по случайно дошедшимъ до него слухамъ, его бѣглый дворовый человѣкъ укрывается у такого-то надворнаго совѣтника (имя рекъ). Словомъ, онъ завинилъ моего отца въ пристанодержательствѣ. Началось, какъ водится, изнурительное дѣло, сопровождавшееся, по тогдашнему обыкновенію, обширною перепиской и доходившее почему-то до третьяго отдѣленія. Чѣмъ кончилась эта исторія на бумагѣ, я не знаю, но догадываюсь, что козни злобнаго помѣщика были разоблачены, потому что Вардакъ остался у насъ и, какъ уже сказано, сопутствовалъ намъ въ поѣздкѣ въ Дерптъ и Верро, сидя въ ватномъ картузѣ на козлахъ тарантаса.

Описывать эту поѣздку нѣтъ надобности; достаточно сказать, что она, какъ и всякія поѣздки въ то время, сопряжена была съ немалыми неудобствами и проволочками. На каждой станціи производилась прописка подорожной, причемъ моему больному, измученному дорогой

отцу приходилось всюду вести одни и тѣ же изнурительные разговоры со станціонными смотрителями: всѣ они, словно сговорившись, сперва увѣряли и клялись, что свободныхъ лошадей нѣтъ, а потомъ все-таки находили нужную намъ тройку. Въ пути, мы ночевали на одной изъ грязныхъ станцій, расположившись на принесенныхъ въ комнату ворохахъ сѣна.

Въ Дерптъ мы пріѣхали около полудня и остановились въ какой-то гостинницѣ, на дворѣ которой, какъ разъ въ это время, уличные акробаты давали представленіе. Дворъ былъ наполненъ собравшеюся съ улицы публикой; изъ оконъ гостинницы торчали высунувшіяся до половины фигуры любопытствующихъ изъ проѣзжающихъ. Помню, что во всей гостинницѣ не оказалось ни одного человѣка, который понималъ бы по-русски; изъ насъ же троихъ никто не зналъ по-нѣмецки. Поэтому заказываніе обѣда представляло собою не столько разговоръ, сколько пантомиму. Помнится, что намъ и подали совсѣмъ не то, чего мы хотѣли. Переговоры съ директрисою пансіона, куда на другой день отецъ отвезъ мою сестру, происходили на французскомъ языкѣ, потому что директриса тоже не знала по-русски.

Не безъ слезъ простившись съ сестрою, я поѣхалъ съ отцомъ, все въ томъ же тарантасѣ, и съ тѣмъ же Вардакомъ на козлахъ, далѣе въ Верро. Этотъ маленькій, очень скромнаго вида, но чистенькій городокъ Лифляндіи славился въ то время пансіономъ почтеннаго г. Гершельмана, куда и опредѣлилъ меня отецъ. Пансіонъ помѣщался въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, одинъ фасадъ котораго выходилъ въ просторный садъ, а за садомъ было озеро, служившее зимою питомцамъ Гершельмана для катанія на конькахъ. Я съ живѣйшею признательностью вспоминаю о времени, проведенномъ мною въ этомъ пансіонѣ. Не знаю, существовало ли у насъ въ то время и существуетъ ли теперь другое учебное заведеніе, въ которомъ дѣло воспитанія было бы поставлено такъ хорошо, какъ у Гершельмана. По типу онъ отчасти походилъ на извѣстныя англійскія среднеучебныя заведенія, въ родѣ Итонскаго и Гарроускаго, съ тою разницей, что онъ былъ свободенъ отъ свойственнаго этимъ британскимъ училищамъ кастоваго духа и аристократизма. Никакихъ различій по сословіямъ здѣсь не дѣлалось, и пансіонская жизнь носила чисто семейный характеръ. Гершельманъ и его жена, завѣдывавшая хозяйствомъ, относились къ воспитанникамъ съ истинно родительской лаской, участливо входили въ ихъ маленькіе личные интересы и своимъ добрымъ, всегда ровнымъ обращеніемъ съ мальчиками умѣли снискать ихъ общую любовь и уваженіе. Обѣдали мы всѣ за общимъ столомъ, въ присутствіи супруговъ Гершельманъ, причемъ директриса, точно мать большой семьи, сама разливала супъ. Директоръ, видомъ своимъ напоминавшій лютеранскаго пастора, открывалъ трапезу

чтеніемъ молитвы по-нѣмецки, а когда, по окончаніи обѣда, мы поочередно подходили къ нему благодарить, онъ степенно напутствовалъ каждаго сокращеннымъ: «Mahlzeit!» послѣ чего мы веселою гурьбой отправлялись рѣзвиться въ садъ, какая бы ни была погода. Въ саду имѣлись и гимнастическіе аппараты, и кегельбанъ для болѣе сильныхъ, и особая площадка для метанія деревянныхъ копій и дисковъ; на озерѣ стояла купальня, а зимою устраивался катокъ. Вообще, для физическихъ упражненій дѣтей сдѣлано было все, что только возможно, и я не помню изъ среды моихъ товарищей ни одного блѣднаго или унылаго мальчика, въ родѣ тѣхъ, какими изобилуетъ среда современныхъ учениковъ. Всѣ были бодры, подвижны, жизнерадостны.

Еще одна особенность, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающаяся ни въ какомъ другомъ учебномъ заведеніи: каждому изъ насъ директоръ ежемѣсячно выдавалъ на руки карманныя деньги (Taschengeld), причемъ расходованіе ихъ мы должны были записывать въ особыя тетрадки, подлежавшія контролю директора по истеченіи мѣсяца. Выдача была невелика—всего по 20 коп. въ мѣсяцъ, но важно было то, что, располагая собственными деньгами, мы до извѣстной степени пріучались къ самостоятельности въ поступкахъ. Часть денегъ мы сберегали, чтобы смастерить себѣ какой-нибудь замысловатый костюмъ (преимущественно изъ цвѣтной бумаги) ко дню рожденія директора, когда въ пансіонѣ устраивался маскарадъ. День этотъ былъ для насъ днемъ общаго веселья: мы искренно любили Гершельмана. Въ тайнѣ отъ него, ради вящшаго эффекта, сооружались вензеля и гирлянды изъ бумажныхъ цвѣтовъ, фонарики, транспаранты и картонные щиты, и всѣмъ этимъ украшаема была къ торжественному дню большая рекреаціонная зала. Старшій классъ заготовлялъ стихотворныя и прозаическія поздравленія директору и его женѣ, разучивалъ пѣсни и хоралы, и придумывалъ общую программу празднества. Надо было видѣть, какое одушевленіе господствовало въ разукрашенной залѣ, когда вечеромъ, при свѣтѣ горѣвшихъ въ кенкетахъ сальныхъ свѣчей (стеариновыхъ тогда еще и въ заводѣ не было), она наполнялась веселою толпой мальчишекъ въ одеждѣ рыцарей, матросовъ, бандитовъ, индѣйцевъ и т. п. Растроганный и радостный, возсѣдалъ старикъ Гершельманъ, рядомъ съ его милою женой, на убранныхъ бумажными цвѣтами креслахъ, любуясь общимъ весельемъ. На торжество приглашались также и члены мѣстныхъ бюргерскихъ семей, съ дочерьми; устраивались танцы и игры, смѣнявшіяся музыкою и хоровымъ пѣніемъ. Чистыя, свѣтлыя впечатлѣнія выносили мы съ этихъ вечеровъ.

Подборъ преподавателей въ пансіонѣ былъ настолько хорошъ, что ученіе во всѣхъ классахъ шло безъ заминки, лѣнивыхъ и отсталыхъ почти не бывало. Учителя, очевидно, умѣли заинтересовать своихъ

слушателей; къ тому же и слушатели-то были все здоровые, бодрые мальчики. Мое положеніе у Гершельмана оказалось, однако, на первыхъ порахъ, очень затруднительнымъ: я ни слова не зналъ по-нѣмецки, а въ пансіонѣ никто не понималъ по-русски; лишь нѣсколько времени спустя прибылъ туда маленькій сынъ француза-парикмахера изъ Петербурга, свободно владѣвшій русскимъ языкомъ. Впрочемъ, можетъ быть именно вслѣдствіе трудности положенія, вышло какъ-то такъ, что я довольно скоро освоился съ нѣмецкою рѣчью, а потомъ и онѣмечился настолько, что даже пріучился думать по-нѣмецки. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи, по переходѣ въ гимназію, я въ значительной степени утратилъ пріобрѣтенный въ Верро навыкъ въ нѣмецкомъ разговорѣ.

Поступивъ въ пансіонъ весною, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мальчиками остался тамъ и на каникулы, тогда какъ большинство другихъ моихъ товарищей разъѣхалось по домамъ. Остался же я потому, что отецъ мой, уѣхавъ въ Малороссію, въ имѣніе графа А., умеръ въ дорогѣ, о чемъ я узналъ только спустя годъ. Объ этомъ каникулярномъ времени я храню самое пріятное воспоминаніе. Вмѣстѣ съ товарищами, подъ руководствомъ одного изъ учителей, мы совершали экскурсіи въ окрестности Верро, слегка гербаризировали, рисовали съ натуры (воображаю, каковы были наши рисунки!), посѣщали развалины какого-то стариннаго замка, о бывшихъ владѣльцахъ котораго ходили мрачныя легенды; словомъ, большую часть времени мы проводили на лонѣ природы. И чѣмъ дольше жилъ я въ пансіонѣ, тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему. Много ли найдется учебныхъ заведеній, которыя, подобно гершельмановскому, оставляли бы по себѣ добрую память въ ихъ питомцахъ? Теперь, когда поднялись у насъ толки о школьной реформѣ, я невольно обращаюсь мыслью къ дорогому для меня пансіону Гершельмана, какъ къ образцу, котораго слѣдовало бы держаться. Говорятъ, нѣтъ людей для подбора надлежащаго педагогическаго персонала. Но отчего же тогда, въ ту уже далекую отъ насъ пору, найдти такихъ людей, при добромъ желаніи, было возможно?

II.

Мой переѣздъ въ Петербургъ.—П. Г. Рѣдкинъ.—Петропавловская школа.—Пансіонъ Софьи Ивановны.—Н. И. Пироговъ.—Оживленіе въ домѣ дяди послѣ окончанія крымской кампаніи.—Н. А. Милютинъ.

Въ пансіонѣ Гершельмана я пробылъ года полтора: за смертью отца, заботу обо мнѣ взялъ на себя его двоюродный братъ, мой дядя,

жившій въ Петербургѣ и, по просьбѣ бабушки, согласившійся заняться устройствомъ моей судьбы. Тяжело было мнѣ разставаться съ четою Гершельманъ, къ которой я успѣлъ всѣмъ сердцемъ привязаться, но надо было ѣхать въ столицу. Найденъ былъ надежный человѣкъ для препровожденія моего въ Дерптъ, откуда мы съ сестрою поѣхали въ Петербургъ—сколько помнится, въ дилижансѣ. Тотъ же надежный человѣкъ доставилъ насъ обоихъ на дядину квартиру.

Дядя мой, Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, былъ человѣкъ далеко не заурядный. Родомъ малороссъ, сынъ городничаго въ Ромнахъ (Полтавской губ.), онъ въ раннихъ лѣтахъ обнаружилъ большую охоту и способность къ ученію и, благодаря хорошимъ средствамъ родителей, получилъ наилучшую первоначальную подготовку, какую только можно было въ тѣ времена [1]) получить въ провинціальномъ городѣ. Затѣмъ онъ былъ отданъ въ Нѣжинскій лицей Безбородко. Родители очень гордились его учебными успѣхами, заранѣе суля ему блестящую служебную карьеру. Каково же было ихъ удивленіе и неудовольствіе, когда сынъ ихъ, по окончаніи лицейскаго курса, заявилъ имъ о своемъ намѣреніи посвятить себя не службѣ, а ученой дѣятельности! Онъ пожелалъ поступить въ Московскій университетъ, окончилъ тамъ курсъ и былъ посланъ въ Дерптъ, въ университетъ котораго правительство направило тогда нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ видахъ подготовки ихъ къ занятію профессорскихъ каѳедръ. Дядинъ отецъ, какъ разсказывалъ мнѣ позже самъ дядя, съ университетскимъ образованіемъ еще мирился, но о безразсудной, на его взглядъ, затѣѣ сына посвятить себя профессурѣ и слышать не хотѣлъ. Должность профессора представлялась ему такою же низменною, какъ и учительская; пустить же сына въ «учителишки» онъ считалъ унизительнымъ для своего городническаго достоинства. Мать дяди плакала навзрыдъ, предвидя гибель карьеры сына и позоръ для семьи. Но сынъ стоялъ на своемъ; ни приказанія отца, ни заклинанія матери не могли сломить упорства будущаго профессора: недаромъ онъ былъ хохолъ. Вышла размолвка, но сынъ все-таки уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ и началъ упорно работать, терпѣливо вынося лишенія, пропстекавшія изъ скудости средствъ, отпускавшихся ему отцомъ, упрямымъ не менѣе сына. Цѣли своей настойчивый юноша, какъ извѣстно, добился: въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ группою другихъ кандидатовъ на профессуру, былъ посланъ на казенный счетъ за-границу. Едва-ли не пѣшкомъ исходилъ онъ всю Европу, потомъ засѣлъ въ Берлинѣ и сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гегеля. Память этого философа онъ свято чтилъ во всю свою послѣдующую жизнь; въ кабинетѣ его, много лѣтъ спустя, всегда висѣла, вдѣланная въ рамку

[1]) Онъ родился въ 1808 г.

краткая собственноручная надпись Гегеля на его имя [1]). Въ Москву онъ вернулся истиннымъ гегеліанцемъ, какимъ и оставался до старости, когда началъ склоняться къ Огюсту Конту. Занявъ каѳедру энциклопедіи права въ Московскомъ университетѣ, онъ вмѣстѣ съ другими извѣстными молодыми учеными внесъ въ университетскія стѣны свѣтъ тогдашней европейской науки. Студенты любили его, находя въ немъ всегдашнюю готовность помочь, кому нужно, дѣльнымъ совѣтомъ и цѣня въ его лицѣ хорошаго лектора. Петръ Григорьевичъ отличался необыкновенною работоспособностью; постоянно слѣдя за наукой, каждый годъ тщательно перерабатывая свои лекціи, онъ находилъ время еще и для занятій педагогикою, причемъ издавалъ «Библіотеку для Воспитанія», а также и «Юридическія Записки», изданіе которыхъ перенесъ потомъ и въ Петербургъ. Эта эпоха Московскаго университета достаточно извѣстна, чтобы здѣсь нужно было останавливаться на ней; напомню только, что, подъ вліяніемъ событій конца сороковыхъ годовъ на Западѣ, положеніе молодыхъ профессоровъ въ этомъ университетѣ стало очень тяжелымъ: наука, а съ нею и служители ея заподозрѣны были въ распространеніи опасныхъ идей. Повидимому, въ ту пору преобладало во вліятельныхъ кругахъ убѣжденіе, что не жизнь родитъ идеи (каковы бы онѣ ни были), а идеи созидаютъ жизнь. Какъ бы то ни было, дѣятельность многихъ изъ молодыхъ профессоровъ пресѣклась. Опуская подробности, замѣчу, что въ 1849 году, мой дядя несмотря на всю свою любовь къ профессорской дѣятельности, уже перебрался въ Петербургъ, гдѣ и зачислился на службу, сперва по министерству внутреннихъ дѣлъ, а потомъ перешелъ въ Департаментъ Удѣловъ. Въ 1854 году, когда мы съ сестрою прибыли къ нему, онъ былъ уже довольно значительнымъ чиновникомъ. Еслибы родители его были еще живы, они, конечно, порадовались бы тому, что сынъ ихъ взялся, наконецъ, за умъ и бросилъ «учительство». А Герценъ, принадлежавшій въ Москвѣ къ тому же кружку, въ которомъ вращался и мой дядя въ бытность свою профессоромъ, взглянулъ на дѣло иначе и впослѣдствіи съ грустью отмѣтилъ въ своихъ запискахъ переходъ его къ чиновничьей карьерѣ. Такъ несходны бываютъ воззрѣнія людей.

Впрочемъ, мой дядя, хотя и обратился въ чиновника, все-таки остался, прежде всего, жрецомъ науки [2]) и неуклонно продолжалъ свои ученыя занятія. Онъ обладалъ рѣдкою въ русскомъ человѣкѣ выдержкой. Еще въ годы студенчества онъ поставилъ себѣ правиломъ вставать очень рано, въ 5 часовъ утра, обливаться ледяною водой и

---

[1]) Гдѣ находится теперь этотъ автографъ?

[2]) Извѣстно, что въ 1864 г. онъ снова сталъ профессоромъ, но уже Петербургскаго университета, гдѣ потомъ былъ ректоромъ.

все утро, до ранняго завтрака, посвящать научнымъ занятіямъ. Правила этого онъ не нарушалъ до глубокой старости и вообще велъ жизнь правильную до педантизма. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, онъ ежедневно послѣ завтрака дѣлалъ во всякую погоду опредѣленную прогулку, потомъ, позанявшись, сколько положено было по росписанію, за своею грузною конторкой стариннаго вида, уходилъ на службу и пѣшкомъ же возвращался къ обѣду домой. Часа полтора послѣ обѣда онъ проводилъ въ кругу семьи, сидя всегда на одномъ и томъ же креслѣ, около котораго ему ставили на столикѣ огромный стаканъ воды со льдомъ, емкостью не менѣе двухъ бутылокъ. Послѣдователь (въ то время) водолѣчебной системы Присница, онъ, среди разговоровъ, выпивалъ весь этотъ стаканъ; съ послѣднимъ глоткомъ онъ вставалъ и удалялся въ кабинетъ, гдѣ вновь становился за конторку и работалъ безъ перерыва до чая, т. е. до того времени, когда другіе пили чай, а ему подавалось согрѣтое молоко. Благодаря строго размѣренному и воздержному образу жизни, онъ обладалъ крѣпчайшимъ здоровьемъ и, кажется, никогда не бывалъ серьезно боленъ. Женился онъ еще въ Москвѣ, на англичанкѣ, дочери лектора англійскаго языка при университетѣ, мистера Гарве, и пользовался тихимъ семейнымъ счастіемъ. Тетка моя, красивая, стройная женщина, обладала практическимъ умомъ, была хорошо, по-англійски, воспитана, серьезна и сдержанна и, повидимому, нисколько не тяготилась установившимся въ домѣ размѣреннымъ, почти автоматическимъ ходомъ жизни. Въ то время, когда мы съ сестрою поселились въ семьѣ дяди, у тетки была уже первая дочь, маленькая, пухленькая, но крѣпкая дѣвочка, которую она содержала въ безукоризненной чистотѣ, подвергала разъ навсегда строго установленному режиму и пріучала къ порядку и систематичности въ дѣйствіяхъ.

Жизнь въ домѣ дяди носила отчасти монастырскій характеръ. Гости бывали здѣсь крайне рѣдко. Въ большихъ, высокихъ комнатахъ обширной квартиры обыкновенно господствовала почти полная тишина. Изъ кабинета, гдѣ работалъ за книгами дядя, лишь каждую четверть часа доносилась игра старинныхъ стѣнныхъ часовъ съ курантами; тетка молча сидитъ, бывало, за какимъ-нибудь рукодѣльемъ ими за книгою у себя, не упуская изъ вида своей безшумно играющей на коврѣ дочери. Голосовъ прислуги, помѣщавшейся въ дальнихъ покояхъ, не слышно; и мы съ маленькой сестрой, пріютившись гдѣ-нибудь у стола, разсматриваемъ книги съ картинками, сдерживая голоса, чтобы не нарушить жуткое для насъ безмолвіе квартиры. Вскорѣ сестру мою опредѣлили въ Николаевскій сиротскій институтъ; я же былъ еще слишкомъ малъ для поступленія въ гимназію и остался одинъ. Вѣроятно, дядя понималъ, что одиночество не можетъ быть ни пріятно, ни полезно такому живому мальчику, какимъ я былъ въ то время, и принялъ мѣры

противъ развитія во мнѣ наклонности къ праздности. Мнѣ были куплены водяныя краски и принадлежности рисованія, задаваемы были легкія упражненія въ переводѣ съ французскаго и нѣмецкаго, при чемъ дядя, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, находилъ время руководить моими работами, что̀ дѣлалъ чрезвычайно умѣло. Но такъ какъ мнѣ едва исполнилось тогда восемь лѣтъ и объ опредѣленіи моемъ въ гимназію ранѣе года нечего было и думать, то дядя призналъ за лучшее отдать меня на зимній семестръ приходящимъ въ Петропавловскую школу, болѣе извѣстную въ Петербургѣ подъ нѣмецкимъ названіемъ Petri-Schule.

Я лишь смутно помню короткое время, проведенное мною въ этомъ училищѣ. Ученья отъ меня, очевидно, не требовалось: мнѣ не задавали никакихъ уроковъ и никогда меня не «спрашивали». Вѣроятно, имѣлось въ виду единственно только то, чтобы я проводилъ дни не въ одиночествѣ, а въ средѣ сверстниковъ, и если такъ, то это было благоразумнымъ рѣшеніемъ со стороны дяди: все же я не утрачивалъ общительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ прислушивался и къ тому, что̀ преподавалось въ классѣ. Преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ, но это уже не представляло для меня затрудненій послѣ моего «онѣмеченія» въ Верро. Общій «нѣмецкій» складъ школы, во многомъ разнящійся отъ русскаго, тоже не былъ мнѣ чуждъ, и потому я не чувствовалъ себя въ классѣ отверженцемъ. А главное, шумная школьная жизнь въ теченіе дня существенно скрашивала тоску, которую я испытывалъ въ долгіе вечера, просиживая одинъ за тѣмъ или другимъ занятіемъ гдѣ-нибудь въ дальнемъ углу тихой, какъ бы погруженной въ дремоту дядиной квартиры, при уныломъ свѣтѣ высоко повѣшенной на стѣнѣ аргантовой лампы. Лѣтомъ этого года дядя уѣхалъ съ семьей въ свое родовое роменское имѣніе, а я былъ отданъ на попеченіе вдовы одного изъ преподавателей Петропавловской школы, содержавшей въ школьномъ домѣ небольшой пансіонъ. Помнится, въ числѣ непремѣнныхъ условій при опредѣленіи въ ея пансіонъ, отъ новичка требовалось представленіе серебряной ложки и вилки, а также постельныхъ принадлежностей; все это поступало въ собственность хозяйки. Содержательница пансіона была высокая, чопорная нѣмка, Софья Ивановна, съ большимъ зобомъ, очень чистоплотная, несловоохотливая и разсчетливая. Кормила она насъ преимущественно картофельными кушаньями, а воспитательную миссію свою ограничивала наблюденіемъ за чистотою нашей одежды и постелей. Спали же мы у нея въ особаго устройства комодахъ, изъ которыхъ на ночь выдвигался ящикъ, служившій кроватью. Лѣтомъ изъ всѣхъ пансіонеровъ остался у хозяйки я одинъ, и она взяла меня съ собой на дачу въ Саратовскую колонію, что̀ на Невѣ. Поселившись тамъ съ своею старушкой-сестрой, она пред-

оставила меня самому себѣ. Я могъ сидѣть въ палисадникѣ, ходить въ полѣ, отъ котораго всегда убійственно пахло, благодаря обильному унавоженію городскими отбросами, или бродить по берегу Невы и наблюдать изрѣдка подходившіе къ пристани пароходы изъ Петербурга и Шлюссельбурга. Все это было однообразно и скучно, но Софья Ивановна и ея сестра, повидимому, были очень довольны своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ. Запросы ихъ были видимо очень невысоки и не простирались далѣе желанія жить въ сытости и приличной, на среднюю мѣрку, обстановкѣ. Дачная жизнь ихъ протекала ровно и безмятежно; монотонность ея только однажды во все лѣто оживилась пріѣздомъ какого-то родственника хозяйки, котораго она называла Karl. Это былъ упитанный остзеецъ съ гордою осанкой и выхоленными усами. Онъ собирался куда-то на Liedertafel и по пути прибылъ къ намъ въ тирольскомъ костюмѣ, причемъ привезъ съ собою обвитую лентой гитару и свою Frau Gemahlin. Я до сихъ поръ живо помню его безпредѣльно самодовольную фигуру, надменно-развязную повадку и такъ непонравившійся мнѣ тонъ покровителя по отношенію къ миловидной нѣмочкѣ-женѣ, повидимому, боготворившей его. Нѣмочка была очень болтлива, звонко смѣялась по всякому пустому поводу и внесла веселье въ нашу скучную жизнь. Остзеецъ, съ своей стороны, нѣсколько разъ пѣлъ очень громко, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, а я въ это время смотрѣлъ, какъ надувались у него при этомъ жилы на шеѣ и на лбу. Онъ пилъ съ нами кофе на открытомъ воздухѣ, много разсказывалъ о себѣ и на утро уѣхалъ съ первымъ пароходомъ, забравъ съ собою и гитару, и жену, и оставивъ по себѣ самое пріятное воспоминаніе въ сердцахъ хозяйки и ея сестры. Нѣсколько дней у нихъ только и разговора было, что про милаго Карла.

Мой дядя не могъ, конечно, не знать, что въ пансіонѣ Софьи Ивановны мнѣ нечего будетъ почерпнуть, и я догадываюсь, что онъ помѣстилъ меня туда по особымъ соображеніямъ. По случаю болѣзни глаза, я нуждался тогда въ наблюденіи со стороны опытнаго врача. Изъ врачей же дядя всего болѣе довѣрялъ своему товарищу по Дерптскому университету Ник. Ив. Пирогову, уже пользовавшемуся въ то время громкою извѣстностью первокласснаго хирурга. Если не измѣняетъ мнѣ память, Пироговъ принималъ въ то лѣто больныхъ въ Максимиліановской лѣчебницѣ. И вотъ было рѣшено, чтобы разъ въ недѣлю пріѣзжала за мною на дачу на пароходѣ оставленная мною на дядиной городской квартирѣ служанка, которая возила бы меня на визитацію въ лѣчебницу. Я отчетливо помню впечатлѣніе, произведенное на меня знаменитымъ впослѣдствіи педагогомъ. Войдя въ его пріемную, я увидѣлъ сидѣвшаго за письменнымъ столомъ нескладно согнувшагося человѣка съ некрасивымъ, но удивительно добрымъ лицомъ.

Довольно сильное косогласіе страннымъ образомъ нисколько не умаляло привѣтливости его взгляда.

— А, чижикъ! Ну, здравствуй, чижикъ!—весело воскликнулъ Пироговъ, простирая ко мнѣ обѣ руки. (Слово «чижикъ» пришло ему на умъ, вѣроятно, потому, что я одѣтъ былъ въ желтую канаусовую рубашку и черные плисовые шаровары). — Ну, покажи, что у тебя такое?

Этотъ человѣкъ обладалъ рѣдкимъ даромъ сразу располагать къ себѣ дѣтей (говорили, что также и взрослыхъ); я тотчасъ же почувствовалъ себя съ нимъ просто и естественно. Осматривая меня, онъ продолжалъ шутить, отъ времени до времени вставляя нужные ему вопросы; потомъ сосредоточился на минуту и написалъ рецептъ, послѣ чего ясно, просто и тѣмъ-же добродушнымъ тономъ далъ нужныя наставленія сопровождавшей меня служанкѣ. А отпуская меня, разспросилъ о дядѣ и, на прощаніе, потрепалъ меня по плечу, прибавивъ, что у меня «все отлично» и чтобы я пріѣхалъ на будущей недѣлѣ.

Манера его обращенія была плѣнительна по простотѣ и безъискусственности: въ ней не чувствовалось ни слѣда присюсюкиванія, столь обычнаго въ обращеніи взрослыхъ съ дѣтьми, когда они разсчитываютъ расположить ихъ къ себѣ. Это была та самая манера, къ которой я привыкъ въ родительскомъ домѣ. Мнѣ кажется, она дается только тѣмъ, кто истинно любитъ дѣтей и знаетъ ихъ инстинктивное нерасположеніе ко всякой фальши. Я былъ потомъ у Пирогова еще раза два, и, право, поѣздки къ нему доставляли мнѣ огромное удовольствіе. Искренность дѣтскаго расположенія—вотъ лучшій пробный камень для опредѣленія хорошаго человѣка и особенно хорошаго педагога.

Не знаю навѣрное, раньше или позже этого лѣта Пироговъ ѣздилъ въ Крымъ, гдѣ Россія въ жестокой борьбѣ платилась тогда за свои внутренніе недуги и, истекая кровью своихъ сыновъ, въ изнеможеніи завоевывала себѣ лучшее будущее. Я былъ еще слишкомъ ребенокъ, чтобы понимать важность совершавшихся событій. За обѣдами въ домѣ дяди мнѣ доводилось, конечно, слышать разговоры взрослыхъ о войнѣ, но я интересовался ими съ чисто внѣшней стороны. Особенно любопытнымъ казалось мнѣ то, что разговоры эти велись какъ-бы тайкомъ отъ прислуги и прерывались или переходили на французскую рѣчь съ появленіемъ у стола лакея, вносившаго блюда или перемѣнявшаго тарелки.

Припоминаю, какъ съ воцареніемъ императора Александра II-го и окончаніемъ войны, въ домѣ дяди, обыкновенно такомъ тихомъ, съ почти монастырскою унылостью, внезапно зазвучали отголоски радостно встрепенувшейся жизни. Чаще стали собираться здѣсь дядины ближайшіе знакомые; въ числѣ гостей я нерѣдко видывалъ Ник. Алексѣевича

Милютина, бойко поднимавшагося тогда по іерархической лѣстницѣ. Какъ бывшій сослуживецъ моего покойнаго отца, онъ зналъ меня и ранѣе, и теперь, жалѣя во мнѣ осиротѣвшаго мальчика, относился ко мнѣ съ особенною лаской; я, съ своей стороны, очень любилъ его. На взрослыхъ онъ тоже производилъ видимо пріятное впечатлѣніе. Рослый, прекрасно сложенный, хотя и съ наклонностью къ тучности, съ раннею просѣдью въ густыхъ волосахъ, онъ привлекалъ къ себѣ открытымъ выраженіемъ лица и необыкновенно располагавшимъ въ его пользу мягкимъ взоромъ сѣро-голубыхъ, нѣсколько мечтательныхъ глазъ. Изящество манеръ, пріятный грудной голосъ, даже сама легкая картавость на буквѣ р—все это, въ связи съ недюжиннымъ даромъ слова и яснымъ умомъ, вполнѣ оправдывало его успѣхи въ высшихъ аристократическихъ и правительственныхъ сферахъ. Присутствіе его всегда вносило въ домъ дяди много оживленія. Правда, что и помимо него въ домѣ этомъ уже пронеслась новая струя. За обѣдомъ, вмѣсто прежней бесѣды въ минорномъ тонѣ, слышались уже бодрые, оживленные разговоры. Сообщали послѣднія новости, которыхъ всегда находилось великое множество, называли имена государственныхъ людей, стоявшихъ за необходимость реформъ, выражали наилучшія надежды. Дядя повеселѣлъ и оживился и даже началъ отъ времени до времени посѣщать англійскій клубъ, членомъ котораго состоялъ, но куда раньше ѣздилъ крайне рѣдко. Во всемъ остальномъ онъ остался вѣренъ своей разъ навсегда установленной программѣ; по-прежнему вставалъ съ пѣтухами, обливался ледяною водой, въ положенные часы работалъ дома и на службѣ и т. д. Не знаю, насколько онъ подходилъ въ англійскомъ клубѣ подъ общій фонъ, и готовъ предположить, что онъ былъ тамъ не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ. Средняго роста, крѣпкій и коренастый, всегда остриженный подъ гребенку, онъ говорилъ съ малороссійскимъ акцентомъ «на *о*», и какъ говорится, совсѣмъ не имѣлъ «манеръ»; одѣвался онъ небрежно и былъ, казалось, рожденъ домосѣдомъ. Привычка прямо, безъ обиняковъ, высказывать свое мнѣніе, что̀ иногда выходило у него немного грубовато, и полное отсутствіе того, что̀ называется свѣтскостью обращенія, едва-ли дѣлали его присутствіе въ клубѣ особенно пріятнымъ кое-кому изъ сочленовъ. Но, съ другой стороны, солидное служебное положеніе, помимо всѣми признаваемой учености, обезпечивало ему извѣстнаго рода уваженіе и непослѣднее мѣсто въ кругу лицъ высокаго ранга. При томъ, природная сметка несомнѣнно помогала ему находить нужный тонъ въ сношеніяхъ съ людьми, выше его стоявшими, не роняя собственнаго достоинства, ничуть не принижаясь. Въ служебныхъ сферахъ цѣнили его дѣловитость, извиняя «странности» его манеры принадлежностью его къ «ученому сословію». И дядя мой, кажется, отлично понималъ удобства своего положенія, избавлявшія его

отъ надобности кривить, при случаѣ, душою. Доживъ до глубокой старости (83 лѣтъ), онъ не запятналъ себя ни однимъ недостойнымъ поступкомъ на службѣ, что было дѣломъ нелегкимъ въ своенравную эпоху сороковыхъ годовъ. Кстати отмѣчу еще одну черту въ характерѣ этого оригинальнаго человѣка: онъ всегда былъ полнымъ хозяиномъ своего настроенія. При его умственныхъ запросахъ, служебныя занятія не могли быть для него интересны, но, разъ придя на службу, онъ цѣликомъ погружался въ свое дѣло и дѣлалъ его уже безупречно; стопло же «присутствію» окончиться, и онъ тотчасъ же совлекалъ съ себя чиновника и выходилъ на улицу совершенно другимъ человѣкомъ, т. е. сразу возвращался къ мыслямъ и интересамъ, которыми поглощенъ былъ ранѣе, до «присутствія». Точно такъ же, едва окончивъ одно занятіе и перейдя къ другому, онъ умѣлъ заставить свою мысль сейчасъ же, безъ перерыва, вполнѣ сосредоточиться на новомъ занятіи. Въ этомъ отношеніи онъ обладалъ рѣдкою силой воли.

Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

III [1]).

1-я гимназія въ 1855 г. — Директоръ В. В. Игнатовичъ и инспекторъ В. С. Бардовскій.—Субботніе отпуски.—Преподаватели.—Воспитатели.

Осенью 1855 г. меня отдали наконецъ въ 1-ю гимназію. Вступленіе на престолъ императора Александра II принесло съ собою надежду на коренное обновленіе всего строя русской жизни. Чувствовалось, что начинается переходъ отъ стараго къ новому; обществомъ овладѣло бодрое настроеніе, впослѣдствіи получившее въ лагерѣ приверженцевъ старины наименованіе «разнузданности». Новыя вѣянія, хотя еще и нерѣшительно, начинали уже отчасти отражаться на всемъ, между прочимъ, и на общихъ порядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ. При поступленіи въ гимназію, я засталъ ее въ самомъ началѣ періода преобразованій. Началось съ переобмундированія: прежніе мундиры съ фалдами, похожіе на фраки, замѣнились казакинами. Мнѣ на третій же день пригнали такой казакинъ съ краснымъ воротникомъ, на которомъ были пришиты золоченыя позументныя полоски, съ красными же отворотами на рукавахъ и съ блестящими желтыми пуговицами. Казакинъ былъ тѣсенъ, тугой стоячій воротникъ, съ непривычки, сильно натиралъ шею, но я мужественно переносилъ эти неудобства, довольный тѣмъ, что сталъ похожъ на военнаго. Для ежедневной носки дана мнѣ была куртка съ металлическими пуговицами и тоже съ краснымъ воротникомъ. Почему такое одѣяніе признавалось тогда нужнымъ для школьниковъ—неизвѣ-

[1]) См. "Русскую Старину" сентябрь, 1901 г.

стно; достовѣрно только, что о просторныхъ блузахъ, въ которыхъ ходятъ нынѣшніе гимназисты, никто тогда не думалъ. А можетъ быть, придетъ время, когда люди будутъ, пожимая плечами, разсказывать, что въ старину студенты, лицеисты, правовѣды тоже носили мундиры военнаго вида, да еще и вовсе ненужныя имъ шпаги въ придачу. Но если вѣрно, что исторія не терпитъ скачковъ, то обмундированіе и подавно. Наши гимназическія полукафтанья (казакины) были все-таки шагомъ впередъ, составляли, такъ сказать, «эволюцію» въ мундирномъ вопросѣ. Такою же эволюціей было и ослабленіе школьной дисциплины при началѣ моего гимназическаго ученія. Но, при всемъ ослабленіи ея, я все-таки сразу ощутилъ разницу между строемъ гимназической жизни и тою атмосферой, которая окружала меня до гимназіи. Правда, начальники и наставники здѣсь не внушали мнѣ, новичку, трепета, но и близости ихъ ко мнѣ они не сочли нужнымъ показать. Между мною и ими съ первыхъ же дней образовалось разстояніе: я увидѣлъ, что не найду въ нихъ друзей, какъ было въ пансіонѣ Гершельмана. Оказалось, что я попалъ не въ учебно-воспитательное заведеніе, а на педагогическую фабрику, гдѣ подготовляютъ юношество къ полученію аттестата объ окончаніи курса наукъ.

Не могу, однако, особенно хулить пріютившую меня гимназію, такъ какъ знаю, что бывали другія хуже ея. 1-я гимназія, преобразованная лѣтъ за двадцать слишкомъ передъ тѣмъ изъ университетскаго Благороднаго пансіона, выгодно отличалась въ мое время (и до меня) отъ многихъ другихъ учебныхъ заведеній, особенно же отъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ. Принимая въ питомцы исключительно дворянскихъ дѣтей, она и держала ихъ соотвѣтственно ихъ привелегированному званію. Дворянчиковъ хотя иногда и сѣкли (впрочемъ, только за особо важныя провинности), но вообще обходились съ ними хорошо, сносно кормили и очень недурно содержали. Ихъ даже обучали танцамъ, чего теперь, кажется, нигдѣ не водится. Разъ въ недѣлю воспитанники надѣвали танцовальные башмаки и являлись въ рекреаціонный залъ, гдѣ ожидалъ ихъ учитель, привозившій съ собою скрипача. Учителемъ танцевъ много лѣтъ состоялъ мосьё Дютакъ, пожилой, но все еще гибкій, какъ новый прутъ, и легкій, какъ перышко, французъ съ неизмѣнною улыбкой балетнаго танцора на подрумяненномъ лицѣ. Вниманіе къ дѣтямъ привилегированнаго класса сказывалось также и въ несвойственной тому времени умѣренности взысканій за провинности. Помимо рѣдко примѣнявшихся розогъ, цѣпь наказаній, начинаясь съ оставленія безъ отпуска на воскресенье, оканчивалась заточеніемъ въ карцеръ. Впрочемъ, и эта кара не была особенно сурова, такъ какъ узникъ не вполнѣ лишался возможности сноситься съ товарищами, оставшимися на свободѣ.

Директоромъ гимназіи былъ въ то время Викентій Викентьевичъ

Игнатовичъ, а инспекторомъ Василій Степановичъ Бардовскій. Оба они были люди добрые и жили между собою въ ладу, хотя и не во всемъ были согласны другъ съ другомъ. Директоръ, грузный и уже пожилой господинъ, лишь изрѣдка появлявшійся въ средѣ гимназистовъ, принималъ передъ ними насупленный и внушительный видъ, съ цѣлью внѣдрить своей паствѣ должное уваженіе къ его авторитету. Но всѣ мы знали, что за этою торжественною внѣшностью кроется добрѣйшая душа, неспособная къ суровости и несправедливости. Дѣтскій инстинктъ вообще трудно обмануть; поэтому даже новички—не говоря уже о воспитанникахъ старшихъ классовъ—легко постигали слабость директора, заключавшуюся въ стремленіи къ тому, чтобы мальчики считали его грозою. Слабости этой мы охотно потакали, дѣлая видъ, будто и въ самомъ дѣлѣ считаемъ его грозой. Бывало, при появленіи его въ корридорѣ, мы демонстративно притихали въ классахъ, мимо которыхъ онъ проходилъ; и сквозь стеклянныя двери намъ было видно, какъ онъ шествуетъ, строгій, величавый и довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, держа, по обыкновенію, въ рукѣ распущенный фуляровый платокъ и табакерку.

Инспекторъ держалъ себя гораздо проще. Онъ былъ прекрасно образованъ, но характеръ имѣлъ вспыльчивый и легко впадалъ въ тонъ «распеканія». Приземистый и плотный, онъ имѣлъ памятную всѣмъ его питомцамъ привычку съ рѣшительнымъ видомъ обдергивать книзу свой жилетъ, ухвативъ его за нижній край; при этомъ онъ такъ пристально смотрѣлъ въ глаза распекаемому, что тотъ такъ и ждалъ: еще минута—и послѣдуетъ наказаніе. Но дѣло почти всегда оканчивалось иначе: нашумѣвъ и едва не оборвавъ на себѣ жилета, Василій Степановичъ стихалъ и со словами: «Какъ вамъ не стыдно!» отходилъ въ сторону, оставивъ провинившагося въ состояніи сильнаго конфуза. Въ отличіе отъ директора, говорившаго намъ «ты», инспекторъ держался съ нами на «вы». Директоръ особенно цѣнилъ въ воспитанникахъ благонравіе и почтительность, въ связи съ шаблонными «успѣхами въ наукахъ»; инспекторъ же ставилъ выше всего въ мальчикахъ прямодушіе, честность и самостоятельность сужденія. Наиболѣе правдивыхъ онъ даже никогда не «распекалъ», а вмѣсто того вступалъ съ ними въ собесѣдованія, стараясь взять логикой.

Мы всѣ жили въ интернатѣ: такъ-называемыхъ «приходящихъ» воспитанниковъ тогда еще не было. Мы проводили всю недѣлю въ гимназіи, а въ субботу, по окончаніи уроковъ, насъ распускали по домамъ до утра понедѣльника. Отпускали, однако, только тѣхъ, за которыми присылаема была изъ-дома прислуга, въ качествѣ провожатаго; безъ провожатаго не пускали даже учениковъ старшаго (VII) класса, хотя между ними были тогда великовозрастные малые. Смѣшно было смотрѣть,

какъ иной изъ нихъ, высокорослый и сильный, выходилъ на улицу въ сопровожденіи какой-нибудь двѣнадцатилѣтней дѣвчонки, присланной за нимъ родителями. Какъ нарочно, самая маленькая дѣвочка приходила обыкновенно за самымъ рослымъ семиклассникомъ Л., славившимся на всю гимназію необычайною физическою силой и уже брившимъ себѣ бороду. Мы всѣ знали объ его подвигѣ съ казенной кочергою, которую онъ однажды изогнулъ въ спираль. Дежурный надзиратель (гувернеръ), принявъ такой небывалый поступокъ за преступленіе, представилъ corpus delicti инспектору. Очевидцы разсказывали, какъ В. С. Бардовскій—человѣкъ тоже необыкновенной силы—прибылъ съ кочергою въ классъ и, распекая Л., уже не обдергивалъ на этотъ разъ жилета, а силился выпрямить спираль. Л. сосредоточенно смотрѣлъ на его тщетныя попытки и, убѣдившись въ ихъ безплодности, спокойно пробасилъ:

— Позвольте, Василій Степановичъ, я расправлю.

И, къ изумленію присутствовавшихъ, въ самомъ дѣлѣ выпрямилъ кочергу. Василій Степановичъ только плечами пожалъ и даже не сказалъ обычнаго: «Стыдно!»

И за такимъ-то господиномъ присылали по субботамъ маленькую дѣвочку: установленнаго правила нельзя было нарушить.

Уже одна эта нелѣпость должна была заронить въ умахъ воспитанниковъ сомнѣніе въ доброкачественности гимназическихъ порядковъ. И дѣйствительно, чѣмъ ближе ознакомлялись мы, новички, съ подробностями гимназическаго быта, тѣмъ больше развивалась въ насъ склонность относиться ко многимъ изъ нихъ иронически. Такое же отношеніе вызывали къ себѣ и наши преподаватели, чего не должно бы быть въ надлежаще устроенномъ учебномъ заведеніи. Учительскій персоналъ въ младшихъ и старшихъ классахъ былъ у насъ далеко не однороденъ и, говоря вообще, не особенно доброкачественъ. Только потомъ, съ переходомъ въ старшее отдѣленіе, намъ довелось встрѣтить прекраснаго преподавателя, въ лицѣ извѣстнаго впослѣдствіи педагога и писателя Вас. Ив. Водовозова; но о немъ скажу послѣ. Большинство учителей относилось къ своей задачѣ чисто формально, какъ-бы слѣдуя поговоркѣ: «Отзвонилъ—и съ колокольни долой»; это были, скорѣе, чиновники, чѣмъ учителя. Въ первомъ классѣ только одинъ изъ преподавателей отдавался со страстью своему дѣлу, но зато и былъ онъ лишь учителемъ чистописанія. Онъ съ увлеченіемъ выводилъ передъ нами на классной доскѣ красивыя строки и, сочетая практику съ теоріей, старался убѣдить насъ, что каллиграфъ почти то же, что художникъ. Наиболѣе искусныхъ изъ учениковъ онъ поощрялъ подарками, давая имъ въ награду тетрадки, на которыхъ собственноручно дѣлалъ золотыми чернилами надписи, окруженныя затѣйливыми завитушками. Его можно помянуть добрымъ словомъ хоть за усердіе и за искреннее стремленіе

подѣлиться съ нами своими скромными знаніями; о другихъ же учителяхъ младшихъ классовъ даже и этого нельзя было бы сказать по чистой совѣсти. Учитель ариѳметики почему-то относился къ намъ особенно недружелюбно и, кажется, главною своею задачей считалъ улавливаніе учениковъ въ незнаніи урока, какъ бы «подсиживаніе» ихъ. Бывало, вызванный къ доскѣ излагаетъ заданное, какъ умѣетъ, а учитель молча слушаетъ, не дѣлая никакихъ поправокъ, если замѣтитъ ошибку. Слушаетъ-слушаетъ и вдругъ неожиданно: «На мѣсто. Единица!» И даже какъ будто радъ случаю огорчить мальчика. Географіи обучалъ насъ высокій старикъ изъ семинаристовъ, сумрачный въ ранніе часы, но весельчакъ и шутникъ на урокахъ, приходившихся послѣ завтрака: тутъ онъ острилъ, юмористически переиначивая фамиліи учениковъ, пересыпалъ свои разсказы по учебнику поясненіемъ географическихъ названій и проч. Я и теперь еще помню, съ его словъ, что Патагонію правильнѣе было бы называть «Потогоніею», потому что тамъ очень жарко. Если на урокъ случалось зайти директору или инспектору, учитель прерывалъ свой разсказъ на полусловѣ и начиналъ «спрашивать», вызывая, впрочемъ, только лучшихъ учениковъ, чтобы показать товаръ лицомъ. И если, глядя на него и на нѣкоторыхъ другихъ учителей, также прибѣгавшихъ къ такому пріему, не всѣ мы усвоили склонность къ мошенническимъ повадкамъ, то въ этомъ ничуть не виновны эти учителя: они дѣлали въ этомъ отношеніи, сколько умѣли, но не могли же они развратить всѣхъ до единаго. Несомнѣнно, однако, что, благодаря ихъ примѣру, среди насъ развился своего рода спортъ, заключавшійся въ томъ, чтобы, не зная урока, обмануть преподавателя. Въ этомъ отношеніи гимназисты, чѣмъ старше, тѣмъ становились изобрѣтательнѣе и изворотливѣе; нѣкоторые доходили даже прямо до наглаго надувательства, чѣмъ и похвалялись передъ товарищами. Придуманъ былъ также способъ и совсѣмъ освобождать себя на нѣкоторое время отъ всякихъ занятій: желающіе сказывались больными и поступали въ гимназическій лазаретъ, благо нашъ докторъ, изъ военныхъ врачей, принималъ всѣхъ безъ разбора. Онъ, кажется, даже бывалъ доволенъ появленіемъ каждаго новаго паціента, быть можетъ, стыдясь получать жалованье совсѣмъ ужь даромъ. Въ медицинѣ онъ, повидимому, былъ очень несиленъ и почти всѣмъ прописывалъ одно и то же излюбленное имъ средство: какую-то «зеленую мазь». По его указанію, на дощечкѣ надъ постелью мнимо-больного фельдшеръ выставлялъ обыкновенно традиціонныя слова: «Febris catarrhalis», которыя у гимназистовъ произносились, впрочемъ, нѣсколько иначе, а именно «фебрисъ притворялись». Большею частью, искавшіе въ лазаретѣ отдыха выписывались оттуда къ субботѣ совершенно «выздоровѣвшими». Ничего подобнаго я не видалъ ранѣе, въ пансіонѣ Гершельмана.

Собственно воспитательная часть находилась тоже не въ очень искусныхъ рукахъ. Воспитателей или гувернеровъ, какъ у насъ называли ихъ, было четверо и все разныхъ національностей: русскій, нѣмецъ, престарѣлый французъ, года черезъ два послѣ моего поступленія замѣненный другимъ французомъ же, и нѣкій слонообразный господинъ неизвѣстнаго племени: его считали остзейцемъ, фамилію же онъ носилъ итальянскую. Всѣ эти люди могли бы, вѣроятно, оказаться полезными на другихъ поприщахъ, но совершенно не годились въ воспитатели. Въ число ихъ обязанностей входило, между прочимъ, наблюденіе за нами во время вечерняго подготовленія къ урокамъ слѣдующаго дня, и они слѣдили за соблюденіемъ тишины—и только; помощи въ случаѣ затрудненій въ занятіяхъ мы отъ нихъ не ждали, да они и не могли бы оказать ее намъ по скудости своего образованія. Дряхлый французъ обыкновенно дремалъ надъ какою-нибудь книгой о Наполеонѣ I, котораго боготворилъ, хотя и покинулъ въ 1812 г., навсегда оставшись въ Россіи. Онъ, вѣроятно, могъ бы кое-что поразсказать намъ о своей службѣ въ великой арміи, но никогда не разсказывалъ; быть можетъ, у него все уже спуталось или потускнѣло въ памяти. Другой французъ, мосье Робэнъ, впослѣдствіи смѣнившій старца, даже и читать не любилъ, а случайные разговоры обыкновенно сводилъ на свою жену, служившую въ кордебалетѣ. Мы любили его только за то, что въ его дежурство намъ полагалось ходить поутру въ баню, куда онъ и водилъ насъ, причемъ съ истиннымъ сладострастіемъ мылся сѣрымъ казеннымъ мыломъ. Баня помѣщалась въ ближайшемъ къ гимназіи переулкѣ, который носилъ тогда названіе Баннаго. И переулокъ, и баня были прескверные, но мы охотно ходили туда, такъ какъ эти прогулки вносили нѣкоторое разнообразіе въ наше житье. Мнѣ живо вспоминаются онѣ. Раннее, сѣрое, туманное утро; на улицахъ еле мерцаютъ догорающіе масленые фонари на деревянныхъ столбахъ. Впереди, поднявъ воротникъ своего короткаго пальто, шествуетъ мелкими шажками маленькій, толстенькій мосье Робэнъ, а за нимъ идемъ мы, малыши, попарно, въ радостномъ настроеніи по случаю экстренной экскурсіи. Изъ насъ знающіе по-французски припѣваютъ сложенную ad hoc пѣсенку:

Ce beau matin,
Nous allons au bain
Avec Monsieur Robin!

Весело и намъ, весело и недалекому французу, счастливому отъ предвкушенія удовольствія всласть помыться казеннымъ мыломъ.

Русскій гувернеръ, робкій, застѣнчивый, повидимому загнанный судьбою молодой человѣкъ, совершенно стушевывался въ нашей толпѣ и не пользовался въ нашей средѣ ни малѣйшимъ авторитетомъ, такъ что не

имѣлъ и значенія въ качествѣ воспитателя. Почти то же можно сказать и о нѣмцѣ, котораго мы прозвали Вороной, въ виду его поразительнаго сходства съ этою птицей. Ворона терпѣливо отбывалъ свои дежурства, относясь къ нимъ единственно какъ къ службѣ, которая доставляла ему пропитаніе. Скудныя средства свои онъ пополнялъ тѣмъ, что, состоя также гимназическимъ библіотекаремъ, ставилъ въ счетъ выпускнымъ воспитанникамъ якобы утерянныя ими, въ продолженіе курса, книги; сумму этихъ фантастическихъ счетовъ онъ соразмѣрялъ со средствами каждаго, правильно соображая, что на радостяхъ никто изъ выпускныхъ ни спорить, ни торговаться не станетъ.

Хуже всѣхъ былъ гувернеръ съ итальянскою фамиліей. Этотъ принадлежалъ уже прямо къ противному типу дѣльцовъ, впослѣдствіи распустившемуся на Руси столь пышнымъ цвѣтомъ. Французъ, нѣмецъ и русскій, унимая нашъ шумъ, видѣли въ этомъ исполненіе своей обязанности; господинъ же съ итальянскою фамиліей не допускалъ шума только потому, что онъ мѣшалъ ему писать дѣловыя письма и бумаги, которымъ онъ посвящалъ вечера своихъ дежурствъ. Черствый, сухой, мстительный по натурѣ, онъ смотрѣлъ на дѣтей, какъ на неизбѣжное зло, которое поневолѣ приходится выносить. Мы никогда не слышали отъ него ничего, кромѣ командныхъ словъ, очень умѣстныхъ на плацпарадѣ, но ненужныхъ въ учебномъ заведеніи, и рѣшительно всѣ терпѣть его не могли. Вся повадка его нисколько не отвѣчала общепринятому представленію о педагогѣ. Поступь спесивая: голова назадъ, животъ впередъ, походка въ развалку, огромныя плоскія ступни носками вмѣстѣ. При томъ, и голосъ рѣзкій, какъ трубный звукъ. Занимался онъ какими-то выгодными дѣлами, доставившими ему впослѣдствіи хорошія средства къ жизни; должность же воспитателя, очевидно, служила ему только переходною ступенью къ дальнѣйшей карьерѣ.

Почти всѣ эти лица оставались нашими гувернерами въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ гимназическаго курса; но если бы ихъ и вовсе не было, мы ничего не потеряли бы, потому что заимствоваться отъ нихъ намъ было нечѣмъ. Гораздо полезнѣе ихъ были, пожалуй, для насъ наши «дядьки»: тѣ хоть чистили намъ сапоги и платье. На старшемъ отдѣленіи (съ IV класса) вмѣсто мосье Робэна появился новый гувернеръ, полуфранцузъ, полунѣмецъ, воспитавшійся въ Россіи и свободно говорившій по-русски. Онъ былъ молодъ, подвиженъ и болтливъ, но никогда не говорилъ съ нами по-французски, почему не могъ быть полезенъ намъ и со стороны практики въ этомъ языкѣ. Кстати замѣчу, что преподаваніе иностранныхъ языковъ было поставлено въ нашей гимназіи нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ привилегированныхъ. Кто поступалъ въ гимназію безъ знанія языковъ, тотъ не научался имъ и къ окончанію курса, едва успѣвая достигнуть,

съ грѣхомъ пополамъ, умѣнія ошибочно читать по-нѣмецки и по-французски и еще ошибочнѣе понимать прочитанное.

Другіе «предметы» преподавались также далеко неблестяще и въ младшихъ, и въ старшихъ классахъ. Не было учителей, которые хотѣли или умѣли бы заинтересовать насъ своимъ «предметомъ», а потому и все ученіе представлялось намъ формальностью, которую мы, по непонятному капризу начальства, должны выполнять. Представлялось непонятнымъ, для чего намъ нужно знать алгебру, тригонометрію, латинскій языкъ и т. д., о которыхъ никогда не бываетъ и помина въ бесѣдахъ нашихъ взрослыхъ родственниковъ и знакомыхъ. Поэтому учились мы вяло, механически, какъ-бы отбывая повинность. Если мы и принимали на вѣру общепринятую истину, что каждый долженъ стремиться къ образованію, то все же оставалось неяснымъ, почему для этого необходимо знать «предметы», на нашъ взглядъ, никому ненужные. Самый способъ преподаванія ихъ внушалъ намъ большія сомнѣнія. Учителя, держась программы, сухо излагали въ классѣ, что̀ положено, а потомъ «спрашивали» и ставили отмѣтки—только и всего. Не знаешь урока—вотъ тебѣ единица (по школьной терминологіи «колъ» или «дубина»), а дальше разбирайся самъ, какъ умѣешь. Но какъ разобраться, когда сразу не понялъ, а дальнѣйшихъ объясненій не даютъ? Конечно, отсталыхъ оказывалось очень много.

Въ числѣ другихъ, вспоминается мнѣ учитель исторіи—предмета очень благодарнаго въ воспитательномъ отношеніи. Толстенькій, чистоплотный господинъ въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ; ни дать, ни взять—сытый, самодовольный купчикъ. Войдетъ изысканною, почти кокетливою походкой, какъ-бы пританцовыя на гибкихъ щиколкахъ; сядетъ за каѳедру, аккуратно расправивъ фалды вицмундира и, послѣ обычной переклички и записи отсутствующихъ, раскроетъ на пюпитрѣ печатный учебникъ. Затѣмъ, граціозно подперевъ подбородокъ выхоленною рукой съ бирюзовымъ колечкомъ на мизинцѣ, начинаетъ читать по книгѣ, дѣлая видъ, будто говоритъ «своими словами». Ни поясненій, ни эпизодическихъ вставокъ для оживленія скучнаго и сухого разсказа учебника, вообще—ничего «посторонняго». «Спартанцы дрогнули и отступили»—слово въ слово какъ въ книгѣ. Въ слѣдующій же урокъ происходитъ уже «спрашиваніе».

— Тихоновскій, *вы* разскажите!

А у Тихоновскаго отъ всего урока только и осталось въ головѣ, что спартанцы дрогнули и отступили; но онъ понимаетъ, что на этомъ далеко не уѣдешь, а потому сосредоточенно молчитъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ единицы, послѣ чего мрачно опускается на скамью. А учитель вызываетъ уже другого:

— Тубановъ, *вы* разскажите!

Тубановъ, ловко считывая съ заслоненной тетрадью книги, кое-какъ передаетъ урокъ. Потомъ еще два-три вызванныхъ, а тамъ и звонокъ: урокъ, слава Богу, конченъ. Чтобъ ему пусто было!

IV.

Демократизація состава гимназіи.—В. И. Водовозовъ, какъ наставникъ.—М. А. Языковъ и его коммиссіонерская контора.—Селеніе Стекляннаго Завода.—Незаурядная дѣвушка.

Время шло и съ каждымъ годомъ свободнѣе стали проникать въ стѣны гимназіи отголоски усиливавшагося въ обществѣ преобразовательнаго движенія. Возвращаясь изъ воскреснаго отпуска, многіе изъ насъ приносили различныя вѣсти, отражавшія настроеніе взрослыхъ. Кое-что оставалось для насъ неяснымъ, но, въ общемъ, чувствовалось дуновеніе чего-то свѣжаго, явившагося на смѣну крѣпостническимъ понятіямъ. Слухи о готовившейся крестьянской реформѣ давали обильную пищу нашей отроческой мысли, расширяя нашъ умственный кругозоръ. Къ тому же и самый составъ воспитанниковъ существенно освѣжился притокомъ новаго элемента, въ лицѣ «приходящихъ», пріемъ которыхъ въ гимназію былъ допущенъ около этого времени, отчасти, благодаря, настояніямъ нашего почтеннаго инспектора, В. С. Бардовскаго. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ допущенія вольноприходящихъ, безъ всякихъ сословныхъ ограниченій, и успѣлъ отстоять свою мысль. Столь знаменитаго впослѣдствіи «кухаркина сына» мы еще не видѣли—въ ту пору онъ еще не успѣлъ народиться, но въ нашей, до тѣхъ поръ исключительно дворянской средѣ начали появляться дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и мелкихъ купцовъ. Само собою разумѣется, что это не могло не способствовать демократизаціи нашихъ понятій. Чрезъ товарищей-плебеевъ, мы стали знакомиться съ разными сторонами жизни, до тѣхъ поръ мало или слишкомъ поверхностно извѣстными намъ. Съ другой стороны, и плебеи почерпали отъ насъ немало такого, чего не почерпнули бы въ окружавшей ихъ житейской обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи происшедшее въ стѣнахъ гимназіи «сліяніе сословій» было очень полезно для обѣихъ сторонъ и вполнѣ отвѣчало господствовавшимъ тогда въ публикѣ стремленіямъ. Къ тому времени, когда я былъ уже въ V классѣ, среди моихъ товарищей можно было уже по пальцамъ сосчитать тѣхъ, которые еще не успѣли освободиться отъ нѣкоторыхъ, привитыхъ имъ съ дѣтства сословныхъ предразсудковъ. Я помню, какое презрѣніе, смѣшанное съ негодованіемъ, вызывалъ въ насъ воспитан-

никъ VI класса Г., которому крѣпостной человѣкъ его отца, жившій въ Петербургѣ на оброкѣ, приносилъ раза два въ годъ по парѣ сапогъ, въ видѣ дани. Г., щеголеватый и очень занятый своею наружностью юнецъ, принималъ приношеніе, какъ должное, и даже, не говоря ни слова благодарности, сухо отпускалъ бѣднаго сапожника, имѣвшаго скорбный видъ тогдашняго угнетеннаго городского ремесленника. Мы корили Г. даровыми сапогами, дразнили его «побирушкой» и всячески досаждали ему; онъ выходилъ изъ себя и видимо страдалъ отъ насмѣшекъ, но отказаться отъ дани не рѣшался: бѣдняга слишкомъ любилъ щеголять «собственными» сапогами, на высокихъ каблукахъ, такъ выгодно отличавшимися отъ грубо стачанныхъ казенныхъ. Помню также, какъ сторонились многіе изъ насъ отъ другого воспитанника старшаго класса, похвалявшагося тѣмъ, что братъ его служитъ квартальнымъ надзирателемъ и можетъ получать изъ лавокъ даромъ все, что захочетъ.

Припоминая обстоятельства, способствовавшія въ гимназіи нашему умственному и нравственному развитію, не могу не упомянуть съ горячею признательностью объ учителѣ русской словесности въ старшихъ классахъ, покойномъ Вас. Ив. Водовозовѣ. Память этого прекраснаго наставника, я увѣренъ, чтится многими изъ его бывшихъ учениковъ. Одинаково простой въ обращеніи, какъ съ нами, такъ и съ гимназическимъ начальствомъ, онъ былъ для насъ, прежде всего, образцомъ нравственной порядочности. Живая, увлекательная рѣчь его на урокахъ (которые онъ, чтобы поднять насъ въ собственныхъ глазахъ, называлъ «лекціями») приковывала къ себѣ вниманіе всего класса. Даже облѣнившіеся и опустившіеся ученики, въ другіе часы предпочитавшіе играть на заднихъ скамьяхъ подъ столомъ въ шашки—и тѣ охотно прислушивались иной разъ къ словамъ Василія Ивановича. Голосъ его былъ неособенно пріятенъ и походилъ на кряканіе, да и наружностью Водовозовъ похвалиться не могъ; но когда, истолковывая намъ какое-нибудь литературное произведеніе, онъ прочитывалъ отрывки изъ него, снабжая ихъ пространными объясненіями, мы жадно слушали его. Онъ обладалъ даромъ освѣщать разбираемое произведеніе съ такою яркостью, что достоинства или слабыя стороны его становились видны слушателямъ, какъ на ладони. Онъ умѣлъ заохотить насъ къ самостоятельному прочтенію всей вещи, отрывки изъ которой прочитывалъ на урокѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заронить въ сердце слушателя то эстетическое чутье, при отсутствіи котораго красоты произведенія остаются незамѣченными читателемъ. На урокѣ онъ весь уходилъ въ излагаемый предметъ, говорилъ съ увлеченіемъ и, вѣроятно, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, хотя и смотрѣлъ на насъ сквозь очки расширенными глазами. Его возбужденное настроеніе передавалось и намъ, и, по окончаніи урока, почти у

каждаго изъ насъ оставалось пріятное впечатлѣніе живой умственной работы. Но Василій Ивановичъ, помимо своихъ увлекательныхъ лекцій, заботился еще и о томъ, чтобы пріучить насъ къ самостоятельному труду. Онъ задавалъ намъ темы для сочиненій, заставляя насъ писать разборы литературныхъ произведеній, дѣлать описанія видѣннаго нами въ жизни и т. п. Работы эти часто служили ему потомъ канвою для новой блестящей «лекціи». Рутиннаго «спрашиванія» онъ избѣгалъ, но по двумъ-тремъ вопросамъ, сдѣланнымъ какъ бы мимоходомъ, всегда умѣлъ опредѣлить степень познаній и развитія каждаго изъ своихъ учениковъ. Охотою къ чтенію, распространившеюся между нами въ старшихъ классахъ, многіе изъ насъ были обязаны преимущественно вліянію Водовозова. Изъ всѣхъ учителей только ему одному обязаны мы были также и тѣмъ, что уже на полпути гимназическаго курса въ насъ начали слагаться опредѣленныя этическія начала. Надо прибавить, что онъ едва-ли не первый напалъ на мысль о важномъ значеніи выразительнаго чтенія. Съ цѣлью научить насъ ему, онъ давалъ намъ разъучивать мѣста изъ произведеній Гоголя, которыя мы и разъигрывали въ лицахъ [1]).

Подъ вліяніемъ «лекцій» Василія Ивановича, никогда не ограничивавшихся рамками ихъ непосредственнаго предмета, въ головахъ нашихъ объединялись и осмысливались тѣ впечатлѣнія, которыя мы получали внѣ стѣнъ гимназіи въ свободные отъ ученія дни. Въ этомъ отношеніи я многимъ обязанъ также и моему дядѣ, который, по мѣрѣ моего подвигавшагося развитія, все чаще вступалъ со мною въ собесѣдованія. Кромѣ того, немало пользы принесло мнѣ посѣщеніе нѣсколькихъ другихъ домовъ, особенно же дома Михаила Александровича Языкова, небезъизвѣстнаго по литературнымъ воспоминаніямъ Панаева, который былъ его школьнымъ товарищемъ и пріятелемъ. Языковъ былъ отнюдь не дюжинною натурой. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ старинному барскому роду и получилъ соотвѣтственное воспитаніе. Въ характерѣ его были, однако, нѣкоторыя черты, не часто встрѣчавшіяся въ средѣ тогдашнихъ помѣстныхъ дворянъ. Живой и подвижный, несмотря на нѣкоторую тучность, онъ весь проникнутъ былъ духомъ почина и склоненъ ко всякому новшеству, носившему въ себѣ признаки свѣжихъ началъ. Нельзя сказать, чтобы склонность эта была у него плодомъ продуманныхъ убѣжденій; скорѣе, она обусловливалась просто впечатлительностью его натуры. Онъ имѣлъ обширныя связи въ различныхъ кругахъ, преимущественно же въ высшемъ служебномъ, и

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ достойномъ человѣкѣ сообщены въ книгѣ В. И. Семевскаго „Вас. Ив. Водовозовъ. Біографическій очеркъ". Спб., 1888 г.

вездѣ былъ любимъ, какъ остроумный и пріятный собесѣдникъ; общительности его, быть можетъ, способствовало и то, что въ немъ не было принципіальной прямолинейности, исключающей слишкомъ большое разнообразіе знакомствъ. Свѣтское воспитаніе сдѣлало изъ него человѣка покладистаго, способнаго внѣшнимъ образомъ мириться съ явленіями, которыхъ онъ въ глубинѣ души не одобрялъ, и относиться пассивно къ воззрѣніямъ, которыхъ раздѣлять не могъ, обладая яснымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Бывая въ «свѣтѣ», гдѣ онъ имѣлъ не мало родственныхъ связей, онъ отдавалъ, однако, предпочтеніе обществу людей литературнаго и артистическаго склада. Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ просторной квартирѣ его на Троицкомъ подворьѣ частенько собирались литераторы и ученые, принадлежавшіе или примыкавшіе къ кружку Бѣлинскаго. Молодые, начинающіе писатели нерѣдко впервые встрѣчались и знакомились здѣсь съ тогдашними вожаками литературы. Здѣсь неразъ раздавались горячія рѣчи Бѣлинскаго, слышались блестяще-остроумныя выходки Герцена, и въ пылкихъ спорахъ отшлифовалась, вѣроятно, не одна дѣльная мысль. Не было почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго литератора, съ которымъ Языковъ не былъ бы знакомъ болѣе или менѣе близко, и остается только пожалѣть, что онъ не оставилъ послѣ себя записокъ.

Около того времени, когда я, еще ребенкомъ лѣтъ шести-семи, бывалъ съ родителями на Троицкомъ подворьѣ, Языковъ, одержимый, какъ уже сказано, стремленіемъ къ новшествамъ, сдѣлалъ смѣлый шагъ, сильно повредившій ему въ глазахъ «свѣта». Продавъ свое наслѣдственное имѣніе, онъ основалъ первую по времени въ Россіи коммиссіонерскую контору, съ цѣлью снабженія провинціи всевозможными товарами, справками и т. п. При тогдашнемъ жалкомъ состояніи торговли въ провинціальныхъ населенныхъ пунктахъ, при бездорожьѣ и скудости газетъ, нынѣ разносящихъ во всѣ углы массы всякихъ объявленій, предпріятіе это имѣло особенно цѣнное значеніе для провинціаловъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ его были поставлены знающіе люди изъ интеллигентнаго круга. Но во мнѣніи «свѣта» дѣло это было недостойно дворянина, и на Языкова многіе стали смотрѣть косо за его неумѣстный починъ; потомственный дворянинъ въ роли купца казался прямо непристойностью. Смѣлый иниціаторъ нашелъ, однако, въ себѣ достаточно мужества, чтобы пренебречь предразсудкомъ. Контора (если не ошибаюсь, подъ фирмою «Дѣятельность») была открыта у Аничкина моста, на углу Невскаго и Фонтанки, и дѣла ея сразу пошли превосходно: справки всякаго рода, заказы, предложенія посыпались со всѣхъ сторонъ Россіи, какъ только свѣдѣнія о небываломъ учрежденіи достаточно распространились. Поступали просьбы о рекомендаціи учителей и гувернантокъ, получались заказы на дамскіе

костюмы и шляпки, съ сообщеніемъ о цвѣтѣ волосъ и тѣлосложеніи заказчицъ и съ просьбами подобрать вещь «къ лицу»; выписывались сѣмена, книги, мануфактурный товаръ, фортепіано, билліарды и т. д. Новинка была слишкомъ заманчива, а денегъ у помѣщиковъ имѣлось тогда достаточно. Заказы, добросовѣстно выбранные и бережно упакованные, разсылались гужомъ и водою въ огромныхъ массахъ. Дѣло быстро развивалось; уже конторѣ приходилось зафрахтовывать цѣлые пароходы для доставки въ Петербургъ заграничныхъ товаровъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, послѣдовалъ крахъ. Обнаружились крупныя растраты, въ кассовыхъ книгахъ оказались вырванные кѣмъ-то листы... Подозрѣніе пало на управляющаго конторой, интеллигентнаго господина съ служебными и литературными связями; возникли пререканія, назначенъ былъ третейскій судъ, въ собраніи котораго потрясенный Языковъ едва не упалъ въ обморокъ, но дѣло кончилось ничѣмъ; виновнаго найдено не было, а контора оказалась вынужденною ликвидировать свои дѣла.

Человѣкъ практическій, вѣроятно, съумѣлъ бы еще какъ-нибудь выпутаться изъ затрудненій и спасти гибнувшее предпріятіе; но Языковъ былъ полною противоположностью практическаго человѣка. Широкій замыселъ, смѣлая фантазія — это было его дѣломъ, практическое же осуществленіе своихъ плановъ онъ постоянно поручалъ другимъ, зная, что самъ онъ на это не годится. Впослѣдствіи, послѣдовательно занимая видныя служебныя должности въ трехъ губернскихъ городахъ, онъ въ каждомъ изъ нихъ оставилъ по себѣ слѣды, свидѣтельствующіе о его неутомимомъ починѣ: въ одномъ городѣ учредилъ клубъ съ читальнею, въ другомъ завелъ общество потребителей (одно изъ первыхъ въ Россіи), въ третьемъ—публичную библіотеку. Хлопотъ по такимъ поводамъ онъ не жалѣлъ: то и дѣло, являлся въ Петербургъ и «ходатайствовалъ». Бывало, всѣхъ на ноги подниметъ, всѣ свои связи въ ходъ пуститъ, а ужъ просимаго добьется, послѣ чего ѣдетъ обратно, довольный и счастливый. Наладивъ дѣло и сдавъ его съ рукъ на руки умѣлымъ людямъ, онъ отстранялся отъ него. Неразъ говаривалъ онъ мнѣ послѣ, когда я уже былъ взрослымъ:

— Что же мнѣ было дальше-то мѣшаться? Вѣдь я въ этихъ дѣлахъ рѣшительно ничего и не умѣю, и не понимаю. Еще, пожалуй, напутаешь.

Такъ же поступалъ онъ и на службѣ. Стоя во главѣ учрежденія, онъ никогда не зналъ подробностей его отправленій и заботился только о томъ, чтобы окружить себя честными, добросовѣстными и знающими сотрудниками. При знаніи людей, онъ рѣдко ошибался въ выборѣ.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ Языкова считали его человѣкомъ легкомысленнымъ и, виня его въ дилеттантизмѣ, снисходительно смотрѣли на

него сверху внизъ; но онъ дѣлалъ (и сдѣлалъ), что́ могъ и какъ умѣлъ, а строгіе судьи его такъ и остались до гроба при одномъ самообольщеніи собственнымъ глубокомысліемъ. На чьей же сторонѣ тутъ преимущество?

Въ продолженіе гимназическаго курса я ходилъ въ отпускъ то къ дядѣ, то къ Языковымъ, гдѣ у меня былъ сверстникъ и пріятель, ихъ старшій сынъ. Они жили тогда на Стеклянномъ Заводѣ, директоромъ котораго состоялъ Михаилъ Александровичъ. Теперь отъ Знаменской площади вплоть до Александро-Невской лавры тянутся сплошные ряды высокихъ каменныхъ домовъ и проложены рельсы паровой городской дороги; но въ тѣ годы не только эта часть Невскаго проспекта, но и предшествующая Знаменской площади представляли совершенно другую картину. Начиная отъ Надеждинской улицы, называвшейся тогда Шестилавочною, проспектъ имѣлъ видъ запущенной улицы какого-нибудь провинціальнаго города. Гладкіе фасады старомодныхъ домовъ были выкрашены охрою, и въ нижнихъ этажахъ, вмѣсто нынѣшнихъ щегольскихъ магазиновъ, ютились грязные, засоренные лабазы, вонючія мелочныя, шорныя и каретныя лавки, гдѣ сидѣли купцы и прикащики въ чуйкахъ и тулупахъ, ничуть не похожіе на нынѣшнихъ франтовъ въ яркихъ галстухахъ. За Николаевскою улицей, по справедливости носившею въ то время лестное названіе Грязной, начинали уже встрѣчаться накренившіеся сѣрые заборы изъ барочнаго лѣса. Знаменская площадь представляла собою заброшенный пустырь, гдѣ появленіе въ ночную пору сопряжено было съ рискомъ попасть въ руки лихому человѣку. Помнится, площадь не была даже мощена, хотя прилегающій къ ней конецъ Невскаго проспекта уже былъ вымощенъ отборнымъ, крупнѣйшимъ булыжникомъ. На площади, сколько помню, стояла полицейская будка, изъ которой иногда выходилъ будочникъ и смотрѣлъ на небо, чтобы узнать, который часъ. Слѣва виднѣлись рѣдкія лачужки Песковъ, нынѣ застроенныхъ и освѣщаемыхъ электрическими фонарями; вправо тянулась вдоль загнившей Лиговки скорѣе деревня, чѣмъ городъ, населенная ямщиками и извощиками. Малочисленные фонари освѣщались ламповымъ масломъ, которое подвозилъ къ нимъ въ ручной телѣжкѣ обтрепанный фонарщикъ; въ видахъ наибольшаго свѣтового эфекта, онъ протиралъ фонарныя стекла засаленною тряпкой.

Отъ площади до Лавры дорога шла уже совершенною пустыней. Еслибы не заборы по сторонамъ, нельзя было бы и догадаться, что городъ еще не кончился. Само-собою разумѣется, что по такимъ мѣстамъ я рѣшался ходить на Стеклянный Заводъ только въ дневную пору, а если случались деньги, то предпочиталъ ѣздить на извозчикѣ, что̀, по тогдашнимъ цѣнамъ, обходилось копѣекъ въ двадцать; если же хорошенько поторговаться, то свезутъ, бывало, и за 17 копѣекъ. Скром-

ной цѣнѣ соотвѣтствовало и устройство извозчичьяго экипажа. Нынѣшнихъ пролетокъ тогда еще не водилось; ѣздили на длинныхъ дрожкахъ, похожихъ на бѣговыя и называвшихся «гитарою». Мужчины садились на нихъ верхомъ, а дамы бокомъ, свѣсивъ ноги на подножку. Извозчикъ помѣщался на маленькихъ козлахъ; костюмъ его состоялъ изъ деревенскаго армяка, высокой войлочной шляпы (гречаникъ) и рукавицъ; на спинѣ его болталась привѣшенная на ремешкѣ нумерная жестянка въ видѣ бубноваго туза. Поэтому сѣдокъ, когда бывалъ недоволенъ, билъ извозчика не по спинѣ (чтобы не оцарапать руку объ жестянку), а по шеѣ; такъ же поступали и будочники, когда, по ходу событій, требовалось ихъ вмѣшательство. Полицейскіе же офицеры предпочитали бить извозчиковъ прямо по лицу, или, выражаясь техническимъ терминомъ, «по мордѣ». Извощикъ, съ своей стороны, по тогдашней своей безотвѣтственности, могъ на такіе способы воздѣйствія отвѣчать только тѣмъ, что снималъ шляпу и просилъ прощенія: онъ зналъ, что въ кварталѣ съ нимъ обошлись бы еще хуже.

Стеклянный Заводъ, съ его селеніемъ фабричныхъ, являлъ собою прямо захолустье. Мѣстность эта, и нынѣ не могущая похвалиться ни чистотою, ни благоустройствомъ, была въ тѣ времена тиха и малолюдна. Въ жалкихъ домикахъ селенія жизнь шла вяло и безцвѣтно. На улицѣ лишь изрѣдка встрѣчались двое-трое какихъ-нибудь идущихъ по дѣлу прохожихъ, на которыхъ порою залаетъ откуда-нибудь изъ-подъ воротъ соскучившаяся отъ праздности собака. Если, бывало, пріѣдешь на извозчикѣ, то въ иномъ окнѣ замѣтишь какое-нибудь женское лицо, интересующееся узнать, кто ѣдетъ и куда именно проѣдетъ. Совсѣмъ какъ въ деревнѣ.

Языковъ занималъ просторный одноэтажный деревянный домъ, обращенный двумя сторонами къ обширному саду при заводѣ. Семья Михаила Александровича состояла изъ его жены [1]), двоихъ (впослѣдствіи пятерыхъ) дѣтей, сестры жены и молодого человѣка, А. А. Попова, впослѣдствіи пріобрѣвшаго извѣстность, какъ художникъ. Въ этомъ домѣ мнѣ бывало несравненно веселѣе, чѣмъ у дяди: здѣсь не было размѣренности въ образѣ жизни, и господствовало оживленіе. Гости бывали часто, и сами Языковы нерѣдко выѣзжали, имѣя свой экипажъ. Иногда вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ Языковъ возилъ и меня къ своимъ богатымъ и бонтоннымъ родственницамъ, быть можетъ, съ цѣлью пріучить меня къ свѣтскому обращенію, которое, впрочемъ, такъ и не далось мнѣ. Я дп-

---

[1]) Екатерины Александровны. Она занималась мозаикою и хорошо рисовала. Сохранился прекрасно исполненный ею (карандашомъ) портретъ В. Г. Бѣлинскаго, снятый съ натуры незадолго до его смерти. Знатоки находили въ немъ большое сходство съ оригиналомъ.

чился въ домахъ этихъ дамъ высокаго полета и никакъ не могъ побороть моей застѣнчивости, когда онѣ снисходительно осматривали меня въ лорнетъ. У одной изъ нихъ, пользовавшейся вліяніемъ и почетомъ, вслѣдствіе близости ея къ нѣкоему высокому сановнику, былъ «салонъ», куда собирались именитыя лица, дипломаты и люди, искавшіе карьеры; квартира ея была роскошно убрана, и чай разносилъ статный арапъ въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ. Его сверкавшіе по временамъ зубы занимали меня гораздо больше, чѣмъ сама хозяйка и ея аристократическіе гости. Съ дѣтьми послѣднихъ, разодѣтыми, какъ куколки, и уже достаточно усвоившими великосвѣтскія манеры, я сойтись не могъ по слишкомъ большому различію между нашими вкусами и привычками, хотя бы еще и дѣтскими. Словомъ, я не любилъ ѣздить въ эти дома и бывалъ доволенъ, когда меня туда не брали.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ я становился старше, я началъ въ посѣщеніяхъ семьи Языковыхъ находить новый интересъ. Все чаще началъ я заходить въ отдаленную комнату, гдѣ, среди груды книгъ и неописуемаго безпорядка, жила сестра г-жи Языковой, милая и добрая Элликонида Александровна Б. Тамъ проводилъ я долгіе часы, слушая ея нескончаемые разсказы и объѣдаясь вареньемъ, которое она мастерски варила. Элликонида Александровна была преоригинальная личность. Дѣвушка лѣтъ двадцати, бойкая и подвижная, съ большими живыми черными глазами и свѣжимъ смѣхомъ въ минуты веселаго настроенія, она легко могла бы сдѣлать хорошую «партію», еслибы мысли ея были направлены въ эту сторону. Не одинъ изъ молодыхъ людей, бывавшихъ въ домѣ Языкова, втайнѣ питалъ нѣжное чувство къ этой дѣвушкѣ, ходившей, по державшейся еще тогда модѣ, въ буклякъ; говорятъ, даже степенный и вялый Ив. Ал. Гончаровъ увлекся ею на столько, что едва не сдѣлалъ ей предложеніе. Но она не думала о замужествѣ: ей хотѣлось учиться. Лѣтъ восемнадцати она, продавъ свою долю имѣнія, отправилась въ Парижъ, посѣщала Сорбонну и, вернувшись потомъ въ Петербургъ, продолжала свои разностороннія учебныя занятія. Работая одна, безъ руководителя, она не съумѣла систематизировать свое ученіе, но все же развила свой ясный отъ природы умъ и выработала себѣ опредѣленные взгляды. Но главною чертою ея натуры была необыкновенная доброта и отзывчивость къ чужой нуждѣ. Никто не съумѣлъ бы съ такою нѣжностью и съ такимъ тактомъ ободрить унывающаго, поддержать ослабѣвшаго, одушевить равнодушнаго, словомъ—«подковать» человѣка, если можно такъ выразиться. Однако, при всемъ томъ, на нее находили порою припадки взбалмошности, какимъ-то чудомъ уживавшейся въ ней съ разсудительностью и высокою гуманностью. Быть можетъ, въ этомъ сказалась наслѣдственность помѣ-

щичьей среды, изъ поколѣнія въ поколѣніе рождавшей самовластные характеры.

Привычки Элликониды Александровны были крайне просты: она готова была довольствоваться самою скудной обстановкой, самою скромною пищей, не говоря уже объ одѣяніи, которое очень мало занимало ее. Впослѣдствіи, когда она рѣшила начать трудовую жизнь и поселилась отдѣльно отъ Языковыхъ, никто по образу жизни и одеждѣ не призналъ въ ней бывшей помѣщицы. При своихъ родственныхъ связяхъ въ «свѣтѣ», она, конечно, могла бы заручиться хорошо оплачиваемою работой, дорогими уроками; но она, совершенно чуждая корыстолюбивыхъ помысловъ, всю жизнь свою довольствовалась малымъ заработкомъ, давая уроки преимущественно дѣтямъ семей средняго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ обучая безвозмездно и нѣсколькихъ дѣтей бѣдняковъ. Одно время она занималась съ дочерью одной изъ своихъ богатыхъ родственницъ и жила у послѣдней; но какъ ни желала эта родственница доставить наставницѣ дочери всѣ удобства роскошной жизни, Элликонида Александровна избрала себѣ для жилья двѣ тѣсныя каморки въ дальнемъ углу дома и устроилась тамъ по-студенчески.

Работая неустанно, скромно питаясь и часто хворая, она дожила до глубокой старости и умерла въ бѣдности, спокойно озираясь на свою безупречную труженическую жизнь.

V.

Женскіе институты въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.—Духъ гимназистовъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.—Шпіонъ въ гимназіи.

По мѣрѣ приближенія того момента, когда, наконецъ «порвалась цѣпь великая», прогрессивныя идеи захватывали все болѣе широкіе круги русскаго общества. Естественнымъ путемъ проникая въ мужскія учебныя заведенія, онѣ не могли, конечно, не проникнуть и въ женскіе институты, хотя затворническій строй послѣднихъ, казалось бы, долженъ былъ предохранить ихъ отъ «заразы либерализма», какъ выражались поборники старыхъ порядковъ, все еще не хотѣвшіе сдаться и надѣявшіеся запрудить хлынувшій потокъ живой воды. Извѣстно, что въ тѣ времена институтки, во все продолженіе курса, оставались почти безотлучно въ стѣнахъ своего заведенія. Съ родными онѣ могли видѣться только въ опредѣленные дни, когда допускались на нѣсколько часовъ свиданія съ посѣтителями. Затворническая жизнь подъ ферулою чопорныхъ классныхъ дамъ и начальницы, которую воспитанницы называли своею

«maman», налагала на бѣдныхъ дѣвушекъ своеобразную печать. Теперь едва-ли многіе еще помнятъ странный типъ тогдашней институтки, къ счастью отошедшій нынѣ въ область преданій. Выростая, подобно тепличному растенію, за оградой, куда едва-ли проникали отголоски внѣшней жизни, дѣвушки выходили потомъ на свѣтъ Божій нравственными уродцами. Смотря по натурѣ, онѣ являлись въ люди либо ханжами и лицемѣрками, либо существами наивными до невмѣняемости. Совершенное незнаніе людей, романтическая мечтательность и болѣзненная сантиментальность—таковы были отличительныя черты тогдашней институтки. Каждой изъ нихъ, при вступленіи въ жизнь, приходилось перестраивать за-ново все свое міросозерцаніе, замѣнять привитыя институтскою дрессурой понятія новыми. Главною заботой института было то, чтобы воспитать дѣвушку въ правилахъ прописной морали и соблюсти голубиную чистоту ея помысловъ. Въ этихъ видахъ, въ классахъ дѣлались даже пропуски въ читаемыхъ произведеніяхъ и вносились поправки въ заучиваемыя стихотворенія. Стихи, въ родѣ: «Поднявши хвостъ и разметавши гриву», читались въ измѣненной согласно требованіямъ приличія редакціи: «Поднявши носъ» и т. д. Объ остальномъ, въ томъ числѣ и о снабженіи воспитанницъ нужными въ жизни познаніями, институтское начальство не особенно заботилось. Задача его заключалась въ томъ, чтобы изъ института выходили дѣвушки, окруженныя ореоломъ непорочности, скромныя и стыдливыя, словомъ, такія, про которыхъ въ какой-то опереткѣ поется:

Elle est tellement innocente
Qu'elle ne comprend presque rien [1]).

Нетрудно представить себѣ, сколько тяжелыхъ минутъ, сколько порою сердечныхъ мукъ приходилось переживать этимъ дѣвушкамъ, когда, прямо изъ института попавъ въ гувернантки, онѣ со столь жалкою подготовкой оказывались зажатыми въ стальныя клещи обыденной жизни, такъ непохожей на рисовавшуюся ихъ институтскому воображенію!

Но вотъ свѣжій воздухъ, которымъ повѣяло на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, проникъ и сквозь институтскіе затворы. Новое настроеніе, вторгавшееся туда въ пріемные дни чрезъ родныхъ и знакомыхъ, и появленіе въ институтахъ такихъ учителей, какъ Ушинскій, Милюковъ, Водовозовъ и друг.,—все это вдохнуло новую жизнь въ эти заведенія. Я видѣлъ это по моей сестрѣ, которую иногда посѣщалъ по воскресеньямъ. Чѣмъ ближе подвигался я къ окончанію гимназическаго курса, тѣмъ замѣтнѣе становилась для меня происшедшая въ мысляхъ и чувствахъ сестры перемѣна. Все болѣе спадала съ нея пелена, наброшенная на нее первыми годами пребыванія въ институтѣ. Наив-

[1]) Она до того невинна, что почти ничего не понимаетъ.

ная восторженность и пасторальная мечтательность съ каждымъ годомъ замѣтнѣе уступали мѣсто болѣе правильному отношенію къ окружающему. Это ставило насъ обоихъ въ сознательно-дружественныя взаимныя отношенія. Вскорѣ обнаружилось, что и со многими изъ однокурсницъ сестры случилась та же метаморфоза. Дѣвушки, еще недавно предававшіяся потайному чтенію раздирательныхъ романовъ, обзавелись серьезными книгами, стали осмысленно относиться къ преподаваемымъ по программѣ «предметамъ». Словомъ, тутъ—какъ всегда и вездѣ—оправдалось слово, что тьмѣ не объять свѣта.

У насъ, въ гимназіи, въ 1861 г., когда я перешелъ въ послѣдній (VII) классъ, все шло уже совсѣмъ не такъ, какъ было при моемъ поступленіи шесть лѣтъ тому назадъ. Тогда выпускные воспитанники, большею частью великовозрастные (такъ какъ просиживали въ каждомъ классѣ по два года), вмѣняли себѣ въ достоинство свое молодечество, гордились физическою силой, а идеаломъ счастья считали военную службу. Побить слабѣйшаго, безъ нужды оскорбить грубымъ словомъ гувернера или учителя изъ мягкосердечныхъ—это и другія подобныя выходки признавались доблестными поступками. Теперь же, подъ вліяніемъ новаго теченія, все это вывелось: девизомъ стали порядочность, честность и... цивизмъ. Какъ ни смѣшно звучитъ это слово въ примѣненіи къ гимназисту, мы именно ставили себѣ цѣлью сдѣлаться стойкими гражданами, хотя и понимали роль гражданина по-книжному, такъ-сказать, въ отвлеченіи. Мы съ жадностью поглощали статьи руководящихъ критиковъ и публицистовъ въ тогдашнихъ журналахъ, добывали себѣ новѣйшія переводныя книги и старались держаться ужасно серьезными людьми. Намъ казалось, что мы уже совершенно приготовлены ко вступленію въ житейскую борьбу и что насъ совершенно напрасно задерживаютъ въ гимназіи еще на цѣлый годъ. Начали среди насъ появляться подражатели Базарова, котораго они, впрочемъ, тоже понимали по-своему, чисто съ внѣшней стороны. Пусть все это было дѣтски-нелѣпо и каррикатурно, но грѣшно было бы отнестись къ тогдашнему нашему настроенію со злою насмѣшкой: оно родилось изъ чистаго источника, и подъ его покровомъ таились благородныя и безкорыстныя стремленія, во многихъ изъ насъ оставившія по себѣ глубокій слѣдъ на всю жизнь. То была поистинѣ свѣтлая пора нашего существованія, когда мы цѣликомъ, какъ говорится—всѣмъ нутромъ отдавались одушевлявшимъ насъ идеаламъ добра и справедливости. Въ торжество ихъ—и, притомъ, самое скорое, почти въ непосредственномъ будущемъ—мы слѣпо вѣрили. Помню, что подъ вліяніемъ увлеченія общественными вопросами (понимаемыми, правда, довольно неопредѣленно и сбивчиво), я даже прекратилъ издававшійся мною рукописный сатирическій журналъ, посвященный осмѣиванію гимназическихъ порядковъ, и началъ

рисовать карикатуры для «Искры». Помѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ очень льстило моему самолюбію: выходило, какъ будто я уже «служу обществу». Кстати замѣчу, что журналъ мой, гдѣ помѣщались и стихи одного изъ моихъ товарищей, впослѣдствіи ставшаго «соредакторомъ» журнала, вовсе не былъ изданіемъ подпольнымъ, хотя и выходилъ безъ цензуры гимназическаго начальства. Вас. Степ. Бардовскій нерѣдко просматривалъ съ улыбкою наши писанія и рисунки и не налагалъ на насъ своего veto.

Завели мы было у себя также кружокъ любителей чтенія, который, впрочемъ, скоро распался: каждый убѣдился, что читать въ одиночку удобнѣе, съ точки зрѣнія затраты времени. Мѣстомъ собраній служила намъ квартира одного товарища, сына милліонера, въ его отцовскомъ домѣ. Мы сходились тамъ въ воскресные вечера; кто-нибудь читалъ избранную книжку, а остальные пили чай и слушали. Впрочемъ, толстякъ Т., послѣ двухъ-трехъ страницъ, обыкновенно впадалъ въ дремоту, заранѣе выпивъ стакана три чая и съѣвъ множество сухарей. По окончаніи чтенія, возникали разсужденія и споры по поводу прочитаннаго, причемъ, какъ всюду водится на Руси, пылкія рѣчи легко переходили въ колкости и «личности»; но это не мѣшало дебатамъ быть до извѣстной степени полезными для ихъ участниковъ и слушателей.

Комическую сторону нашихъ собраній составляло то, что мы окружали ихъ большою таинственностью. Зная, по слухамъ, что партія реакціи ведетъ глухую интригу противъ освободительнаго теченія, мы полагали, что, устраивая собранія, мы косвенно соучаствуемъ въ борьбѣ либераловъ съ консерваторами, и что поэтому наша затѣя, имѣя «политическій» характеръ, можетъ вызвать противъ себя гоненія. Мы были «либералами» и не хотѣли даваться въ руки противникамъ, чтобы не ослабить «нашей партіи». Мы серьезно вѣрили, что наше содѣйствіе что-нибудь да значитъ. Что дѣлать—мы были слишкомъ юны, а зеленой юности все представляется въ прикрашенномъ видѣ. У насъ, въ тѣсномъ кружкѣ, возникла было даже мысль объ изданіи тайнаго печатнаго органа—до такой степени преувеличивали мы свое значеніе и свои силы! И еще хорошо, что проектъ этотъ не осуществился. Не говоря уже о тяжкихъ послѣдствіяхъ такого замысла для насъ самихъ, что, кромѣ пустыхъ фразъ, могли бы сказать мы въ нашемъ «органѣ»? Да и кому онъ былъ бы нуженъ?

Нелѣпые, но все же благородные помыслы! Молодежь тѣмъ и дорога, что она способна къ безкорыстнымъ порывамъ, безъ примѣси узкихъ личныхъ разсчетовъ. При умѣломъ обращеніи съ нею, при благоразумномъ руководствѣ, изъ рядовъ ея всегда можно подготовить немало будущихъ полезныхъ слугъ отечества самой высокой пробы. Велика и непростительна ошибка тѣхъ педагоговъ, которые къ чистымъ порывамъ

молодежи относятся съ недовѣріемъ и подозрительностью, усматривая въ ея увлеченіяхъ, вполнѣ естественныхъ при незнакомствѣ ея съ дѣйствительностью, признаки злой воли.

Къ сожалѣнію, всегда были и будутъ люди, съ спокойной совѣстью набрасывающіе тѣнь подозрѣнія на молодежь, въ порывахъ которой имъ мнится опасность. Не было недостатка въ такихъ людяхъ и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Разскажу эпизодъ, случившійся въ гимназіи незадолго до нашего выпуска.

Однажды зимою одинъ изъ приходящихъ учениковъ VI класса явился поутру сильно взволнованный и, тотчасъ же собравъ группу слушателей, спѣша и задыхаясь, разсказалъ престранную исторію. Неподалеку отъ гимназіи онъ былъ остановленъ на улицѣ неизвѣстнымъ господиномъ, который сказалъ ему, приблизительно, слѣдующее:

— Въ воскресенье въ вашей гимназіи будетъ обыскъ. Если у кого-нибудь изъ вашихъ товарищей есть что-нибудь запрещенное—пусть уничтожатъ. Берегитесь, среди васъ есть шпіонъ. Смотрите же, скажите всѣмъ.

Съ этими словами неизвѣстный быстро удалился.

Извѣстіе это произвело у насъ переполохъ, особенно въ нашемъ, VII классѣ. Съ одной стороны лестно: значитъ, и мы не лыкомъ шиты, если у насъ хотятъ сдѣлать обыскъ! Съ другой—какъ будто боязно: что, если мы окажемся политическими преступниками? Что грѣха таить—у насъ дѣйствительно ходили по рукамъ списки кое-какихъ недозволенныхъ стиховъ; были и разрозненные нумера «Колокола», невѣдомымъ путемъ попадавшіе къ намъ въ руки; но у кого же въ то время не было всего этого? Былъ у насъ даже свой собственный стихотворецъ, сочинявшій порою сокрушительные стишки. Все запретное было, конечно, немедленно предано уничтожешію. Потомъ разсказывали, что въ ближайшее воскресенье, когда большинство воспитанниковъ было въ отпуску, классные шкапы наши подверглись деликатно произведенному осмотру особо командированными для того лицами, разумѣется, ничего запретнаго не нашедшими. Тѣмъ дѣло это и кончилось бы, еслибы не роковая вѣсть о присутствіи въ нашей средѣ предателя; она заронила въ насъ сѣмена раздора. Стали доискиваться виновнаго, заподозрѣвали то того, то другого изъ товарищей. Заподозрѣнный оказывался въ тѣмъ болѣе тягостномъ положеніи, что товарищи, не бросая ему обвиненія прямо въ лицо, начинали демонстративно сторониться отъ него. Скверно было то, что подозрѣнія основывались на простыхъ догадкахъ, созидаясь почти исключительно на внѣшнихъ признакахъ, на несимпатичныхъ чертахъ характера того или другого лица и т. п. Помню, какъ глубоко и надолго оскорбленъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей, К., оказавшійся неповинно заподозрѣннымъ въ шпіонствѣ. Это былъ юноша съ не по-юношески

развитымъ умомъ, лучшій ученикъ по математикѣ и отличный діалектикъ; во всѣхъ теоретическихъ спорахъ онъ почти всегда бралъ верхъ надъ своими противниками. Холодный и сдержанный по природѣ, онъ не только не имѣлъ въ гимназіи друзей, но и былъ непріятенъ многимъ изъ насъ. Мы считали его своекорыстнымъ практическимъ человѣкомъ, цѣнящимъ выше всего свои личные интересы. Этого оказалось достаточно для того, чтобы на него пало позорное подозрѣніе. Конечно, онъ сразу замѣтилъ, что вокругъ него образовалась пустота, и отлично понялъ причину этого явленія, но не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки оправдаться. Больше прежняго замкнувшись въ себѣ, онъ отвѣтилъ намъ гордымъ презрѣніемъ и ни съ кѣмъ не промолвилъ ни слова до тѣхъ поръ, пока дѣло объ истинномъ предателѣ не разъяснилось окончательно. Только тогда, собравъ насъ всѣхъ однажды въ классъ, онъ—какъ всегда, сдержанный, но весь блѣдный—взошелъ на каоедру и ровнымъ, спокойнымъ голосомъ произнесъ намъ превосходно построенную рѣчь, которою, какъ плетью, ударилъ по нашей совѣсти. Онъ указалъ намъ на несправедливость нанесеннаго ему оскорбленія, объявилъ, что приписываетъ это не столько нашей гнусности, сколько недомыслію, и заключилъ заявленіемъ, что теперь, когда съ него снято позорное пятно, онъ самъ не желаетъ имѣть товарищескихъ сношеній «со стадомъ барановъ». Наше искреннее раскаяніе не тронуло его: до самаго выпуска онъ такъ и остался въ гордомъ одиночествѣ.

Разъяснилась же исторія о шпіонѣ совершенно неожиданнымъ для насъ образомъ. Внезапно уволенъ былъ изъ гимназіи одинъ изъ воспитанниковъ III класса, перешедшій къ намъ изъ кадетскаго корпуса. Вскорѣ мы узнали, что уволенъ онъ по настоянію В. С. Бардовскаго, бывшаго въ то время уже директоромъ. Оказалось, что доносъ, послужившій поводомъ къ оффиціальному осмотру нашихъ шкаповъ, сдѣланъ былъ именно этимъ воспитанникомъ, котораго всѣ у насъ знали за крайне порочнаго мальчишку. Онъ былъ изъ числа приходящихъ и, вѣроятно, унаслѣдовалъ свои великолѣпныя душевныя качества отъ той среды, которая окружала его за стѣнами гимназіи. Директоръ не нашелъ возможнымъ допустить дальнѣйшее пребываніе такой «паршивой овцы» во ввѣренномъ ему стадѣ, что̀ дѣлаетъ честь его педагогическому такту.

Мнѣ думается, что, случись вся эта исторія не въ годы моего ученія, а десятью—пятнадцатью годами позже, когда на учебныхъ заведеніяхъ тяготѣло подозрѣніе въ неблагонадежности, дѣло могло бы, пожалуй, принять мрачный оборотъ и немало мальчиковъ зачислено было бы въ опасные преступники. И это—единственно за чтеніе недозволенныхъ стишковъ и изданій, свободно распространявшихся въ публикѣ.

А. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

VI [1]).

Петербургскіе пожары въ 1862 г.— Наше участіе въ ихъ тушеніи.— Люди нажившіеся на чужомъ несчастіи.— Публичное наказаніе кнутомъ.

Весною 1862 г. мы сдавали выпускные экзамены. Время было тогда въ Петербургѣ тревожное: общее вниманіе поглощено было студенческими волненіями и пожарами, по поводу которыхъ ходили самые разнообразные толки. Пожары приписывались поджогамъ, но никто не могъ сказать, кѣмъ и съ какою цѣлью они производятся. Одни подозрѣвали тутъ польскую интригу, другіе винили студентовъ, третьи намекали на возможность участія въ этомъ дѣлѣ недовольныхъ крестьянскою реформой. То и дѣло распространялись по городу слухи о захваченныхъ, будто-бы, въ томъ или другомъ мѣстѣ поджигателяхъ. Подметнымъ письмамъ съ предупрежденіемъ о предстоявшихъ пожарахъ не было числа; люди находились въ постоянномъ страхѣ и жили какъ на бивакахъ, заблаговременно завязавъ свои вещи въ узлы и уложивъ въ сундуки, чтобы легче было вынести ихъ въ случаѣ опасности. Городъ ежедневно загорался въ различныхъ мѣстахъ, и пожарные сбились съ ногъ, едва поспѣвая туда, гдѣ требовалась ихъ помощь. Жаркая и сухая погода способствовала распространенію огня въ кварталахъ, гдѣ были скучены деревянныя постройки. Огромныя пространства выгорали съ необыкно-

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

венной быстротой, что объясняется какъ характеромъ тогдашнихъ строеній, такъ и недостаточностью противопожарныхъ средствъ. Надо было видѣть, что представлялъ собою до пожара выгорѣвшій тогда Апраксинъ дворъ. То были ряды сбитыхъ въ кучу ветхихъ деревянныхъ лавчонокъ и ларей, стоявшихъ такъ тѣсно и до такой степени загроможденныхъ всевозможнымъ хламомъ, что мѣстами между ними можно было пробраться не иначе, какъ бокомъ. Старое платье, тюфяки, перья, пухъ и разный мелкій скарбъ—все это грудами висѣло и валялось здѣсь, загромождая дорогу. Не менѣе опасно въ пожарномъ отношеніи было положеніе извощичьихъ дворовъ, тянувшихся сплошными рядами вдоль Лиговки. Жалкія деревянныя клѣтушки, служившія конюшнями, покривившіеся досчатые заборы, тѣсные дворы, полные навоза, соломы и всякаго сухого мусора, придавали этой части города видъ забытаго Богомъ захолустья. Водопровода не было тогда еще и въ поминѣ [1]), а мелководная Лиговка не могла дать достаточнаго количества воды въ случаѣ пожара. А пожаръ не заставилъ себя долго ждать; я видѣлъ его и никогда не забуду этой страшной картины. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ загорѣлось въ одномъ домишкѣ,—и уже оба берега Лиговки были охвачены пламенемъ. Обитавшая здѣсь бѣднота была объята паникой. Люди суетливо вытаскивали изъ пылавшихъ костромъ домовъ свой скарбъ и, какъ безумные, давя другъ друга, сваливали его въ кучу у рѣчки; нагроможденныя вещи падали въ Лиговку, запружая ея и безъ того узкое русло. Среди треска пламени, въ адской жарѣ, въ одинъ общій гулъ смѣшивались крики, стоны, причитанія, удары лома и топоровъ. Хищники растаскивали вынесенное изъ домовъ имущество въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не успѣвали оцѣпить войсками. Дрожки, столы, табуретки, расколовшіеся комоды загромождали проѣздъ, затрудняя доступъ пожарнымъ. Въ воротахъ били чѣмъ попало лошадей, испуганныхъ общею сумятицею и не дававшихъ вывести себя со двора; многія изъ нихъ падали и гибли въ пламени. Надъ толпою взвивались горѣвшія головни, въ раскаленномъ воздухѣ захватывало дыханіе. Вспоминается мнѣ растерянное лицо бабы, стоявшей съ иконою въ рукахъ подъ окнами своей квартиры: всѣ надежды свои она возложила на заступничество иконы. Помню: недалеко отъ меня кто-то выбросился изъ окна и, тяжело хлюпнувшись на землю, остался недвижимъ, а черезъ него уже бѣжали потерявшіе всякое соображеніе люди. Группы добровольцевъ, потные и грязные, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ, отчаянно работали пожарными насосами, помогая пожарнымъ; пожарные рукава сопѣли, высасывая жидкую грязь со дна обезводѣвшей Лиговки.

---

[1]) Съ ужасомъ вспоминаю, какъ мы пили воду изъ Фонтанки. Какъ мы только уцѣлѣли?

Къ вечеру почти вся Лиговка представляла собою два длинныхъ ряда тлѣвшихъ и дымившихся развалинъ.

Свидѣтелемъ этого и нѣсколькихъ другихъ пожаровъ мнѣ довелось быть потому, что нашъ классъ рѣшилъ посвящать промежутки между экзаменами спасанію погоравшихъ. Сдавъ тотъ или другой экзаменъ, каждый спѣшилъ къ условленному мѣсту пожара и, не дожидаясь прибытія товарищей, принимался за дѣло. Для насъ это было не спортомъ, не развлеченіемъ; намъ казалось, что наше ничтожное участіе дѣйствительно можетъ облегчить горе иного бѣдняка, и къ этому мы относились, какъ къ дѣлу чести. По этому поводу опять повторю, что зеленая молодежь смотритъ на все по-своему и что эту черту ея необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ ея поступковъ. Само собою, толку отъ нашей страстной работы на пожарахъ было мало, но намѣренія наши были хороши. Лучшее, чего намъ удавалось достигнуть, ограничивалось тѣмъ, что мы успѣвали иногда поспѣть кстати, чтобы снести съ переполненной дымомъ лѣстницы какого-нибудь растерявшагося отъ страха человѣка, какую-нибудь старушку, или вынести на улицу ту или другую вещь, которую, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ похищали воры. Въ остальномъ мы были совершенно безполезны и нерѣдко смѣшны. Разъ мы, въ пылу усердія, съ большимъ трудомъ выбросили на улицу изъ третьяго этажа чье-то фортепіано; отъ него навѣрное остались послѣ этого одни осколки, и хорошо еще, если оно не придавило какого-нибудь случайнаго прохожаго. Лично себѣ я ставлю въ заслугу спасеніе кипѣвшаго самовара: съ опасностью жизни я снесъ его съ пятаго этажа подъ ворота, гдѣ на него тогда же наѣхали пожарные. Не думаю, чтобы владѣльцы самовара были особенно благодарны мнѣ за такую услугу.

Тогдашніе пожары были для большинства людей недостаточнаго класса гораздо болѣе тяжелымъ бѣдствіемъ, чѣмъ нынѣшніе: теперь страхованіе имущества практикуется этими людьми довольно часто, а въ то время о немъ мало кто думалъ. Поэтому множество людей, разъ погорѣвъ, надолго лишалось возможности обзавестись заново необходимымъ скарбомъ. Зато, съ другой стороны, находились предпріимчивые людишки, для которыхъ общее бѣдствіе служило источникомъ легкой наживы. Разсказывали, что послѣ истребленія огнемъ Апраксина двора выкраденное оттуда имущество послужило основаніемъ для богатства кое-какихъ скупщиковъ, со временемъ обратившихся въ крупныхъ торговцевъ и достопочтенныхъ домовладѣльцевъ. Кто знаетъ, не ихъ ли почину обязано было столичное населеніе поджогами?

Изъ сильныхъ впечатлѣній, пережитыхъ мною въ этотъ годъ, особенно ярко запечатлѣлось въ моей памяти воспоминаніе о первой и послѣдней видѣнной мною сценѣ публичнаго наказанія кнутомъ. Не умѣю объяснить, что именно побудило меня отправиться на это потрясаю-

щее зрѣлище; не думаю, чтобы мною руководилъ при этомъ инстинктъ жестокости, такъ какъ ни тогда, ни послѣ, я не ощущалъ его въ себѣ. Помню только, что, идя на мѣсто казни вмѣстѣ съ товарищемъ, которому принадлежала иниціатива въ этой затѣѣ, я испытывалъ величайшее волненіе. Дѣло было очень раннимъ утромъ; тѣмъ не менѣе, когда мы пришли на Конную площадь, гдѣ назначено было совершеніе казни, народа было уже тамъ видимо-невидимо. Толпа состояла изъ людей всякаго званія, но преобладало простонародье; были тутъ же и дѣти, которыхъ старшіе поднимали на рукахъ, чтобы и имъ было видно. Съ нашего мѣста можно было разглядѣть вдали высокій помостъ, на которомъ стояла «кобыла», а около нея человѣкъ въ красной рубахѣ съ засученными рукавами. Разсмотрѣть лица его я не могъ за дальностью разстоянія и съ біеніемъ сердца вслушивался въ раздававшіяся отрывочныя фразы ближайшихъ сосѣдей. Говорили объ искусствѣ палача, о томъ, что онъ умѣетъ, если захочетъ, однимъ ловкимъ ударомъ забить человѣка на-смерть. Гулъ толпы то крѣпчалъ, то ослабѣвалъ; мнѣ чувствовалось въ немъ возбужденное настроеніе собравшейся здѣсь массы людей. Вдругъ гулъ затихъ, и въ толпѣ произошло усиленное движеніе къ центру; насъ сдавили со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ мы увидѣли, что на помостѣ происходитъ какое-то замѣшательство; потомъ все какъ будто пришло въ порядокъ, и стало видно, что на кобылѣ роспростертъ человѣкъ съ обнаженной спиной. Палачъ, отступивъ отъ него, поправилъ свой засученный рукавъ, издалъ какой-то рѣзкій звукъ и взмахнулъ кнутомъ. Я невольно зажмурился и уже не видалъ, какъ опустилась плеть; я только услышалъ отчаянный, пронзительный вопль наказуемаго и, зажавъ уши, сталъ изо всѣхъ силъ протискиваться вонъ изъ толпы. Пробиться сквозь эту плотную массу людей, приковавшихъ взоры къ роковому помосту, было крайне трудно, и, пока я работалъ локтями и плечами, расчищая себѣ путь и получая тумаки, до слуха моего долетѣло еще нѣсколько раздирающихъ душу воплей съ помоста. Когда, весь мокрый и дрожащій, я выбрался, наконецъ, на свободное мѣсто, я увидѣлъ около себя моего товарища, о которомъ совсѣмъ было позабылъ. Онъ тоже дрожалъ, былъ блѣденъ и смотрѣлъ на меня расширенными глазами. Не сказавъ другъ другу ни слова, мы бросились почти бѣгомъ прочь отъ этого ужаснаго мѣста.

VII.

Наше дѣтское самомнѣніе, обусловленное незнаніемъ жизни.—Практическіе плоды гимназическаго ученія.

Говоря выше о чистотѣ и безкорыстіи нашихъ юношескихъ стремленій въ выпускномъ классѣ, я отнюдь не имѣлъ намѣренія выставлять моихъ товарищей, а тѣмъ менѣе себя самого, образцами добродѣтели. Въ насъ, несомнѣнно, было много очень непохвальныхъ качествъ. Иначе и быть не могло: вѣдь мы были плоть отъ плоти и кость отъ кости нашихъ взрослыхъ современниковъ. Природа не допускаетъ скачковъ, и никогда не можетъ случиться, чтобы молодое поколѣніе не имѣло значительнаго сходства со старымъ. Но молодежи всегда было и будетъ свойственно считать себя представительницею совершенно новаго типа, не имѣющаго никакихъ точекъ соприкосновенія съ предшествующимъ поколѣніемъ. Такъ смотрѣли на себя и мы, и отсюда происходили тѣ несуразные поступки наши, которые внесли горе и страданіе во многія почтенныя семьи. Многіе изъ насъ, ослѣпленные ничѣмъ не оправдывавшимся самомнѣніемъ, нисколько не щадили чувствъ своихъ родителей и родныхъ, которымъ обязаны были своимъ воспитаніемъ, и явно—иногда даже до наглости—давали имъ чувствовать свое якобы превосходство надъ ними. Много родительскихъ, особенно любящихъ материнскихъ сердецъ было жестоко ранено въ то время не въ мѣру заносчивыми дѣтьми, которыя вообразили себя солью земли. Пылкіе юноши, отрицая естественность семейныхъ привязанностей, думали поставить на ихъ мѣсто холодно-разсудочныя отношенія, которыхъ, какъ извѣстно, оказывается недостаточно даже для поддержанія добраго знакомства съ посторонними. Вмѣсто того, чтобы быть людьми ума и сердца вмѣстѣ, они хотѣли стать простыми мыслящими машинками. Но какой же отецъ, какая мать—если они сами не искалѣченные нравственно люди—могутъ удовлетвориться однимъ разсудочнымъ отношеніемъ къ нимъ ихъ дѣтей?

Да, приняли-таки мы тогда грѣха на душу! При всей нашей гуманности, при всемъ благородствѣ нашихъ стремленій, мы были несправедливы и жестоки къ хорошимъ людямъ, которымъ были очень многимъ обязаны. Виною тому была наша чрезмѣрная заносчивость и прямолинейность, обыкновенно сопутствующая односторонности. Не зная жизни, мы считали всѣ наши розовыя мечты осуществимыми и такъ какъ во взрослыхъ замѣчали сомнѣніе на этотъ счетъ, то готовы были видѣть въ нихъ противниковъ. Мы были «передовыми», а они «постепеновцами»; но зачѣмъ же—разсуждали мы—прогрессу совершаться по-

степенно, если все можетъ быть сдѣлано сразу? Какъ это сдѣлать? Очень просто: декретировать «свободу, равенство и братство»; только и всего. Какъ только предписаніе выйдетъ, всѣ тотчасъ же обратятся въ братьевъ и заживутъ какъ нельзя лучше. Не будетъ ни униженныхъ, ни оскорбленныхъ, ни обездоленныхъ матеріально, потому что всякій вѣдь только того и ждетъ, чтобы ему позволили поступиться собственными интересами въ пользу ближняго.

Повторяю: не зная жизни и людей, мы приписывали массѣ тѣ же мысли и чувства, которыя одушевляли насъ самихъ. Въ этомъ отношеніи мы, пожалуй, очень походили на институтокъ недавняго прошлаго; зато и насъ, подобно имъ, дѣйствительность начала съ первыхъ же шаговъ гладить противъ шерсти. Въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ отроку надо бы уже знать что-нибудь о тѣхъ условіяхъ, которыя ожидаютъ его по выходѣ даже изъ средней школы, а главное—о тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководится въ жизни большинство, ставящее низменные интересы превыше всякихъ идеаловъ. Но мы не знали этого; въ нашихъ рыцарскихъ мечтаніяхъ не было мѣста для такой «унизительной» мысли. Не испытавъ сами гнетущей нужды, мы не имѣли и не могли имѣть живого представленія о томъ, какъ отражается она въ большинствѣ случаевъ на всемъ духовномъ складѣ человѣка. Отсюда наша крайняя нетерпимость ко всему, что̀ не совпадало съ нашими радужными ожиданіями, и къ людямъ, порою возражавшимъ намъ на основаніи житейскаго опыта. Такихъ людей мы безъ дальнихъ разсужденій зачисляли въ ретрограды и, по возможности, сторонились отъ нихъ. Прямые преемники такъ-называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ», мы не очень-то далеко ушли отъ нихъ въ отношеніи склонности къ идеологіи, хотя и приписывали себѣ — неизвѣстно, почему — качества «практическихъ» людей въ хорошемъ значеніи этого слова. Принимая за источникъ человѣческихъ поступковъ единственно духовныя побужденія, мы, въ сущности, совершали такую же ошибку, въ которую впали позднѣйшія поколѣнія юнцовъ, рѣшившія, съ чужого голоса, что источникомъ всего служитъ единственно желудокъ. Мнѣ кажется, что виною этихъ ошибокъ является наша школа; въ ней несомнѣнно есть изъянъ, объ устраненіи котораго давно пора бы позаботиться

Относительно насъ могу сказать одно: по выходѣ изъ гимназіи, мы обладали извѣстнаго рода развитіемъ, знали пройденные по программѣ «предметы» и имѣли совершенно неправильныя представленія о дѣйствительности. Въ смыслѣ подготовительной ступени къ высшему образованію, такого багажа было, пожалуй, и достаточно; но куда годились тѣ изъ насъ, которымъ, въ силу обстоятельствъ, либо нельзя было поступить въ университетъ, либо не удалось окончить въ немъ курса? Не зная ни ремесла, ни какого-нибудь другого практическаго дѣла, что̀ могли

они предпринять, кромѣ обычной розничной продажи своихъ школьныхъ познаній, въ формѣ грошовыхъ уроковъ, кромѣ занятій перепискою, изготовленіемъ для рынка сомнительнаго качества переводовъ и т. п.? Притомъ, гимназія всѣмъ своимъ строемъ отрывала своихъ питомцевъ недворянскаго происхожденія отъ интересовъ той среды, изъ которой они вышли. Сыновья купцовъ ни за что не хотѣли заняться торговлей: зная темныя стороны купеческой дѣятельности, они относились къ ней съ понятною брезгливостью. То же было съ дѣтьми мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ и иного званія людей. По существу, это можетъ быть названо явленіемъ хорошимъ: никто не хотѣлъ служить дѣлу, которое признавалъ неблагороднымъ. Но не должна ли бы входить въ число задачъ школы забота о томъ, чтобы юношество, просвѣтляясь духовно, вмѣстѣ съ тѣмъ выростало съ сознаніемъ, что наибольшую пользу прогрессу всякій можетъ принести честною работой въ той средѣ, которая всего ближе знакома ему съ ранняго дѣтства? И не должна ли средняя школа, помимо столь занимательныхъ предметовъ, какъ стереометрія, латинская грамматика и проч., вооружать своихъ питомцевъ также и тѣми познаніями, которыя могутъ пригодиться имъ въ практической жизни? Здѣсь, конечно, не мѣсто рѣшать эти вопросы, но въ школьныхъ воспоминаніяхъ нельзя не коснуться ихъ попутно хотя-бы вскользь.

VIII.

Спектакль и литературный вечеръ въ гимназіи.—Мих. Ив. Семевскій, какъ актеръ и разскащикъ.—Депутація къ французскимъ артисткамъ.—Пьяный поэтъ.—Чтеніе Некрасова, Майкова, Писемскаго и Бенедиктова.—Разсказы И. Ѳ. Горбунова.

Зима 1862 г., предшествовавшая нашему выпуску, ознаменовалась въ гимназіи двумя небывалыми до тѣхъ поръ въ ея стѣнахъ событіями: устройствомъ спектакля и литературнаго вечера съ благотворительною цѣлью. Такихъ спектаклей и вечеровъ бывало тогда въ Петербургѣ множество, и всѣ они, по новости дѣла, имѣли большой успѣхъ. Это подало нашему наставнику В. И. Водовозову мысль воспользоваться стремленіемъ публики къ зрѣлищамъ, чтобы путемъ спектакля собрать хоть какія-нибудь средства для тѣхъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ, которые, по выходѣ изъ гимназіи, не имѣли бы возможности даже экипироваться. Дѣятельнымъ помощникомъ его въ осуществленіи этой мысли явился близкій къ нему въ то время человѣкъ, Мих. Ив. Семевскій, впослѣдствіи основатель «Русской Старины», а тогда еще

начинавшій писатель изъ молодыхъ офицеровъ. Оба эти лица энергично взялись за дѣло. Не безъ труда и хлопотъ добыли они разрѣшеніе на постановку запретной до тѣхъ поръ пьесы Островскаго «Доходное мѣсто», пріискали исполнителей и исполнительницъ ролей и руководили ихъ репетиціями. Двѣ роли пришлись на долю воспитанниковъ старшаго класса гимназіи. Уже первыя считки показали, что пьеса, во всякомъ случаѣ, не «провалится», а можетъ быть сойдетъ даже и совсѣмъ гладко. Достали на прокатъ у театральнаго предпринимателя въ Измайловскомъ полку декораціи, соорудили въ большомъ рекреаціонномъ залѣ заправскую сцену, наняли оркестръ. Надо было, сверхъ того, пригласить нѣсколько лицъ для участія въ предполагавшемся послѣ спектакля дивертисментѣ; съ этою цѣлью воспитанники выбрали изъ своей среды двѣ депутаціи, на которыя и были возложены разъѣзды по знаменитостямъ. Въ одну изъ нихъ попалъ и я, что̀ дало мнѣ случай разъ въ жизни увидѣть во-очію установленныя всякими ненужными вещами и сильно парфюмированныя жилища нѣкоторыхъ артистокъ тогдашней французской труппы Михайловскаго театра. Мой товарищъ и я, вдвоемъ составлявшіе эту депутацію, чрезвычайно конфузились въ совершенно непривычной для насъ обстановкѣ и навѣрное были очень смѣшны въ нашихъ парадныхъ мундирчикахъ, изъ которыхъ успѣли немного вырости; но, сознавая важность возложенной на насъ миссіи, мы бодрились и старались не уронить своего достоинства. Помнится, мы прежде всего побывали у г-жи Мокуръ, очень посредственной, но бывшей въ модѣ актрисы. Она вышла къ намъ въ какомъ-то «доводящемъ умъ до восторга» пеньюарѣ и съ ярко накрашенными губами; потомъ поѣхали къ плѣнительной, хотя и черезчуръ полной Мила́, были и у красавицы Деверіи, о которой въ то время ходило по городу столько заманчивыхъ анекдотовъ. Не знаю, вслѣдствіе ли нашего неумѣнія обходиться съ дамами этого круга или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, только изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами звѣздъ французской сцены одна лишь Деверіа съ первыхъ же словъ выразила согласіе помочь доброму дѣлу и—что̀ важнѣе всего—исполнила свое обѣщаніе: послѣ спектакля, на который она пріѣхала въ гимназію въ сопровожденіи красиваго кирасирскаго офицера, она продекламировала со сцены какое-то слащавое стихотвореніе, начинавшееся словами: «Donnez aux pauvres!»

Спектакль нашъ сошелъ какъ нельзя лучше, при переполненномъ зрительномъ залѣ. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю жены нашего учителя географіи Д. Д. Семенова, впослѣдствіи сдѣлавшаго удачную педагогическую карьеру; роль Фелицаты Герасимовны (въ «Доходномъ мѣстѣ») исполнена была этою дамою дѣйствительно мастерски. Недуренъ хотя недостаточно натураленъ, былъ въ роли благороднаго Жадова Мих. Ив. Семевскій. Естественность, кажется, и вообще не была свой-

ственна его характеру. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ держался либеральнаго образа мыслей и былъ не прочь щегольнуть свободомыслiемъ въ «сценахъ изъ народнаго быта», которыя охотно разсказывалъ. Съ легкой руки И. Ѳ. Горбунова, такихъ разскащиковъ развелось тогда немало, но всѣ они, какъ почти всегда бываетъ съ подражателями, не съумѣли достигнуть той степени искусства, какою обладалъ ихъ оригиналъ. Общій недостатокъ ихъ «сценъ» заключался въ вымученности темы и въ замѣнѣ живого, естественнаго юмора смѣшными словами. Не былъ свободенъ отъ этого недостатка и Семевскій, какъ сочинитель и разскащикъ «сценъ». Слушая его, нельзя было не получить впечатлѣнія, что онъ говоритъ не совсѣмъ то и не совсѣмъ такъ, что и какъ думаетъ, а какъ будто немного фальшивитъ. Такой же неискренній тонъ приданъ былъ имъ и роли Жадова; тѣмъ не менѣе, благодаря самой сущности этой роли, онъ былъ награжденъ бурными рукоплесканіями зрителей.

Спектакль, согласно программѣ, завершился дивертисментомъ, который ознаменовался, между прочимъ, довольно характернымъ для того времени скандаломъ. Надо сказать, что за кулисами у насъ устроенъ былъ буфетъ для угощенія участниковъ представленія. Дамы пили чай и кушали фрукты, мужчины приналегли преимущественно на напитки и закуску. Въ числѣ участниковъ дивертисмента находился одинъ изъ весьма небезъизвѣстныхъ въ ту пору поэтовъ, любезно согласившійся прочесть одно изъ своихъ стихотвореній. Поэтъ этотъ, къ сожалѣнію, принадлежалъ къ многочисленной тогда группѣ литераторовъ-алкоголиковъ, не только не стыдившихся своего недуга, но даже какъ будто щеголявшихъ выставленіемъ его напоказъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію вполпьяна и, конечно, тотчасъ же пристроился къ бутылкамъ у буфета: пилъ-пилъ, даже не закусывая, и къ тому времени, когда пришла пора выходить ему на сцену, оказался пьянъ, какъ сапожникъ. Какъ ни старались распорядители спровадить его домой, онъ, съ шумомъ и поползновеніемъ къ буйству, ворвался на сцену. Я какъ сейчасъ помню этотъ отвратительный эпизодъ. Ослѣпленный свѣтомъ лампъ, пьяный поэтъ остановился посрединѣ сцены и нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ осоловѣлыми глазами на публику, какъ-бы соображая, куда онъ попалъ. Зрители въ недоумѣніи притихли; всѣ бывшіе за сценой съ тревогою прониклп къ щелямъ въ кулисахъ. Поэтъ постоялъ, пошатываясь, потомъ громко икнулъ и вдругъ, взмахнувъ рукою, началъ декламировать заплетающимся языкомъ что-то безсвязное.

— Занавѣсъ! — трагическимъ шопотомъ командовали за сценою растерявшіеся распорядители.

— Н-не надо! Погоди!—крикнулъ поэтъ и, жестикулируя, сѣлъ на полъ.

Пока спускали занавѣсъ, онъ успѣлъ, среди общаго смущенія, довольно громко и отчетливо продекламировать:

„Одѣяло сбито... свернуто въ комокъ...
Съ головы свалился шелковый платокъ“...

Но тутъ его уже силою убрали со сцены. Изъ залы неслось шиканье и слышались свистки.

По нынѣшнимъ нравамъ, сцена эта должна быть признана невѣроятною; но я не выдумалъ ее я изобразилъ все такъ, какъ было въ дѣйствительности. Повторяю, среди тогдашнихъ литераторовъ была многочисленная группа алкоголиковъ, и пьянство ихъ, даже публичное появленіе ихъ въ пьяномъ видѣ, весьма многихъ тогда нисколько не шокировало. Я не хочу называть именъ, потому что имѣю въ виду не обличеніе, а только обрисовку нѣкоторыхъ чертъ той удивительной поры, когда въ одномъ и томъ же человѣкѣ наилучшія стремленія, умъ, порою даже значительный талантъ, могли уживаться съ привычками и нравами дикаря. Нѣсколько далѣе мнѣ придется еще разъ коснуться этой непривлекательной темы; теперь же скажу только, что въ запискахъ моихъ нѣтъ вымысла.

Вскорѣ послѣ такъ нелѣпо закончившагося театральнаго вечера, устроенъ былъ у насъ еще и вечеръ музыкально-литературный, съ тою же, какъ и прежде, благотворительною цѣлью. Изъ литераторовъ участвовали въ немъ Некрасовъ, Майковъ, Писемскій и почему-то приглашенный Бенедиктовъ, уже задолго передъ тѣмъ вышученный Добролюбовымъ съ его прежней литературной позиціи. Въ виду существовавшаго тогда почти всеобщаго охлажденія публики къ этому поэту, никто не думалъ, чтобы онъ могъ имѣть успѣхъ на вечерѣ, но вышло наоборотъ. При появленіи на эстрадѣ Бенедиктова, маленькаго тщедушнаго, франтовато одѣтаго старичка съ гладко зачесанными впередъ височками, въ залѣ послышались лишь очень жидкія рукоплесканія, какія обыкновенно расточаются публикою изъ простой вѣжливости; но когда онъ съ пафосомъ прочиталъ выбранное имъ небольшое стихотвореніе, зала огласилась бурными кликами одобренія и аплодисментами: старикъ подкупилъ слушателей какъ пламенемъ своей декламаціи, такъ и темою прочитанной вещицы. Въ стихахъ, сколько помню, говорилось о томъ, что на смѣну старымъ бойцамъ пришли новые, молодые, которымъ поэтъ и говоритъ въ послѣдней строкѣ: «шагайте черезъ насъ!» Къ такому призыву, конечно, не могла не отнестись сочувственно тогдашняя публика, возлагавшая необыкновенныя надежды на «молодое поколѣніе». Особенно неистово кричали въ залѣ мы, гимназисты, принявшіе возглазъ Бенедиктова прямо на свой счетъ. Поэтъ былъ видимо растроганъ горячимъ пріемомъ, котораго, быть можетъ, не ожидалъ, и съ поклонами на всѣ стороны, пятясь, удалялся съ эстрады среди общаго шума.

Потомъ мы увидѣли на эстрадѣ плотную, тяжеловѣсную фигуру Писемскаго. Онъ какъ-то мужиковато сѣлъ за поставленный для него столикъ съ традиціонными при публичныхъ чтеніяхъ двумя свѣчами въ высокихъ подсвѣчникахъ и, развернувъ книгу, прочелъ отрывокъ изъ какой-то своей повѣсти. Читалъ онъ грубымъ голосомъ и имѣя строгій видъ, но оттѣнки разговоровъ своихъ персонажей передавалъ мастерски; окончивъ же чтеніе, самымъ спокойнымъ образомъ поднялся со стула и, мало обращая вниманія на рукоплесканія, ушелъ какъ-бы чѣмъ-то недовольный.

Некрасовъ и Майковъ, читавшіе нѣсколько позже, по окончаніи различныхъ вокальныхъ и инструментальныхъ нумеровъ программы, оказались декламаторами двухъ совершенно несходныхъ между собою школъ. Майковъ, прочитавшій, сколько мнѣ помнится, свое извѣстное стихотвореніе «Поля», увлекъ всю залу пыломъ и энергіей своей декламаціи; онъ не пѣлъ, не подвывалъ на тѣхъ словахъ и фразахъ, которымъ требуется придать особенную выпуклость, т. е. не впадалъ въ шаржировку, свойственную декламаторамъ, лишеннымъ чувства эстетической мѣры. Съ другой стороны, онъ не читалъ стиховъ, какъ прозу, съ остановками на точкахъ среди стиха на столько продолжительными, что для слушателя утрачивается возможность наслаждаться плавностью, какъ-бы музыкальностью пьесы и звучностью рифмъ. Такая шероховатая манера чтенія была, какъ извѣстно, свойственна Полонскому, декламація котораго производила мѣстами такое впечатлѣніе, будто чтецъ либо заикнулся, либо споткнулся. У Майкова же, при отсутствіи какъ излишней пѣвучести, такъ и спотыканія, каждое слово выдѣлялось съ надлежащею полнотой, а между тѣмъ стихи оставались стихами, не сбиваясь на прозу. Что касается Некрасова, то его чтеніе нельзя было бы назвать декламаціей. Не говоря о томъ, что уже въ тотъ вечеръ, когда мнѣ впервые довелось слышать его, голосовыя средства его были подточены болѣзнью и говорилъ онъ сиплымъ голосомъ, самая манера его поражала однообразіемъ и унылою монотонностью. Ни пониженій, ни повышеній тона, все ровно, одинаково, какъ шорохъ песку подъ колесами медленно движущагося воза. На нашемъ вечерѣ Некрасовъ прочиталъ свое стихотвореніе на смерть Добролюбова, которое, конечно, многіе еще помнятъ:

„Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ:
Подъ землею въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ“ и т. д.

Къ такой вещи и манера, и слабый голосъ Некрасова, пожалуй, подходили: они, въ параллель самой темѣ, вызывали въ слушателяхъ скорбное, кладбищенское настроеніе. Но достаточно представить себѣ,

что такимъ же могильнымъ тономъ были бы прочитаны строфы, полныя огня и энергіи, и несостоятельность некрасовской манеры выкажется сама собою.

Музыкально-литературный вечеръ нашъ, говоря вообще, прошелъ блестяще. Огромный успѣхъ имѣли пѣвицы-любительницы, которыхъ, помимо прекрасныхъ голосовъ, публика горячо привѣтствовала преимущественно за самый фактъ появленія ихъ на подмосткахъ. Въ ихъ лицѣ чествовался либеральной починъ особъ, порвавшихъ связь съ недавнимъ еще нелѣпымъ предразсудкомъ, признававшимъ сценическую дѣятельность унизительною. Давно ли для актрисъ закрыты были двери въ «порядочные» дома, а на воспитанницъ Театральнаго училища смотрѣли какъ на дѣвушекъ, которыхъ сама судьба предназначила для карьеры наложницъ? И вотъ являются дамы и дѣвицы изъ вполнѣ «порядочнаго» круга, которыя смѣло—даже не подъ тремя звѣздочками, а съ пропечатаніемъ полной фамиліи на афишѣ—выступаютъ публично на подмосткахъ! Это была одна изъ перчатокъ, которыя въ то время бросаемы были новымъ временемъ старому; тогдашняя чуткая публика цѣнила это.

Успѣху вечера немало способствовалъ также и юный актеръ Ив. Ѳед. Горбуновъ, уже успѣвшій въ то время создать себѣ извѣстность разсказами изъ народнаго быта, вызвавшими вскорѣ, какъ уже было сказано, множество подражателей. Разсказы его, частью появившіеся потомъ въ печати, дышали здоровымъ юморомъ и обличали въ авторѣ тонкую наблюдательность; но особенный, какъ говорится, «смакъ» они получали въ устной передачѣ самого Горбунова. Лицо его, очень заурядное, изъ тѣхъ, какія часто встрѣчаются среди смышленыхъ простолюдиновъ, обладало необычайною подвижностью; благодаря этому, а также умѣнію соотвѣтственно распоряжаться своими тѣлодвиженіями, Горбуновъ мастерски воспроизводилъ разнообразнѣйшіе типы. При этомъ природа надѣлила его настолько гибкимъ голосомъ, что еслибы прослушать съ закрытыми глазами какую-нибудь изъ его сценъ, гдѣ идетъ разговоръ въ толпѣ, слушателю едва ли повѣрилось бы, что передъ нимъ говоритъ всего одинъ человѣкъ. Переходы отъ одного голоса къ другому не представляли для Горбунова никакой трудности, такъ что непосредственно вслѣдъ за фистулою какого-нибудь мастерового до уха слушателей доходилъ сиплый басъ городового, убѣждающаго толпу разойтись, а городового почти на полусловѣ перебивалъ уже новый голосъ, не похожій на прежніе. Впослѣдствіи извѣстность этого талантливаго разскащика еще болѣе упрочена была созданнымъ имъ типомъ резонера генерала Дитятина; но рѣчей Дитятина мнѣ, къ сожалѣнію, не доводилось слышать лично отъ Горбунова.

IX.

Первые шаги по выходѣ изъ гимназіи.—Частные кружки; ихъ карикатурная сторона.—Увлеченія и разочарованіе.

Выше уже было говорено, что наша гимназія, по внутреннему своему строю, была не хуже, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше другихъ. Тѣмъ не менѣе, она ни въ одномъ изъ насъ не возбудила привязанности къ себѣ, и уже одно это является осуждающимъ приговоромъ ей, какъ воспитательному заведенію. Получивъ на руки аттестаты объ окончаніи курса, мы безъ сожалѣнія покинули гимназическое зданіе, чтобы уже никогда больше не заглядывать въ него. Взаимная связь наша прекратилась такъ же прозаически, какъ прекращаются чисто дѣловыя отношенія. Обѣ стороны какъ-бы исполнили нѣчто въ родѣ договора: мы терпѣливо высидѣли въ гимназіи семь лѣтъ, она, съ своей стороны, снабдила насъ аттестатами—и дѣло съ концомъ. Никакихъ такъ-называемыхъ «телячьихъ нѣжностей», въ родѣ теплаго напутствія выбывающему на волю юношеству, добраго совѣта на дорогу и проч., не было: просто—ступайте, молъ, и разбирайтесь сами, какъ знаете, въ житейской гущѣ!

И вотъ мы стали разбираться.

Прежде всего, по традиціи, устроили въ складчину прощальное товарищеское пиршество въ скромной кухмистерской. Ѣли, пили, говорили рѣчи, приличныя вольнымъ людямъ, и, прогулявъ рубля по три на человѣка, разошлись по домамъ въ самомъ приподнятомъ настроеніи и въ увѣренности, что будущее Россіи въ нашихъ рукахъ. Никто изъ насъ и не подумалъ бы тогда, что руки-то у насъ коротки.

Университетъ въ тотъ годъ стоялъ закрытый, вслѣдствіе предшествовавшихъ безпорядковъ; поэтому намъ предстоялъ продолжительный досугъ. Кто могъ, пользовался имъ для чтенія всяческихъ книгъ и журналовъ, кто не могъ, тотъ старался пріискать себѣ какое-нибудь хлѣбное занятіе—уроки, переписку или переводы, такъ какъ ничего другого дѣлать мы не умѣли. Нѣкоторые, чтобы не терять года, рѣшили поступить въ другія высшія учебныя заведенія. Но и тѣ, и другіе, и третьи особенно страстно бросились въ разговоры, причемъ многимъ довольно скоро удалось выработаться въ заправскихъ говоруновъ и настолько обнаглѣть, чтобы непререкаемо рѣшать сплеча самые сложные вопросы. Надо замѣтить, что подобные говоруны пользовались въ то время въ извѣстныхъ кружкахъ нѣкотораго рода почетомъ: легковѣрные люди принимали ихъ шумное краснобайство за чистую монету, не допуская даже мысли, чтобы за красивыми фразами могъ скрываться просто

пустой болтунъ. Я далекъ отъ намѣренія бросить камнемъ въ лучшую, серьезную часть тогдашняго общества, давшую немалое число вполнѣ почтенныхъ дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ, но не вижу надобности умалчивать и объ обратной сторонѣ медали, затушевывать каррикатурную сторону петербургскаго настроенія той эпохи. Безъ каррикатуры же дѣло не могло обойтись уже потому, что тогдашнее общественное движеніе, разлившись очень широкою волной, вынесло на поверхность немало незрѣлыхъ и несерьезныхъ элементовъ. Они-то (выражаясь цвѣтисто) и составили ту мутную накипь на варившемъ великія реформы котлѣ, которая впослѣдствіи сослужила такую хорошую службу реакціонной партіи. Эту каррикатурную сторону эпохи общественнаго пробужденія составляли образовавшіеся тогда въ Петербургѣ, въ значительномъ числѣ, кружки и собранія для пустопорожнихъ разговоровъ. Въ разныхъ домахъ съѣзжались въ опредѣленные дни люди, нерѣдко даже недостаточно близко знакомые съ хозяевами, и «дѣлились мыслями» по современнымъ вопросамъ. Почти всѣ дни недѣли были разобраны: у кого собирались по воскресеньямъ, у кого по вторникамъ, у кого по субботамъ, такъ что праздному человѣку, любящему поговорить, можно было хоть каждый вечеръ проводить въ гостяхъ. Въ этомъ, конечно, еще не было ничего дурного, тѣмъ болѣе, что существовали дома, въ которыхъ дѣйствительно собиралось дѣльное и трезвое общество, соотвѣтственно чему и происходившій тамъ обмѣнъ мнѣній могъ только способствовать умственному подъему присутствовавшихъ. Но значительное, если не большее, число тогдашнихъ собраній, впослѣдствіи получившихъ названіе «говориленъ», походило просто на забаву досужихъ людей. Два-три такихъ кружка мнѣ довелось наблюдать довольно близко; не называя лицъ, я попытаюсь обрисовать, въ общихъ чертахъ, эти собранія въ томъ видѣ, въ какомъ они запечатлѣлись въ моей памяти. Прибавлю кстати, что въ консервативныхъ кружкахъ я не бывалъ и характера ихъ не знаю, а потому и буду говорить только о либеральныхъ или, вѣрнѣе, о *якобы*-либеральныхъ или, пожалуй, даже просто безголовыхъ.

Обыкновенный ходъ дѣлъ на подобныхъ собраніяхъ бывалъ таковъ: въ назначенный разъ навсегда день, хозяинъ закупалъ сыру, колбасы, сардинъ или иныхъ закусокъ, смотря по средствамъ, и часовъ съ девяти вечера начиналъ поджидать гостей. Хозяйка, въ большинствѣ случаевъ, даже при скудныхъ средствахъ мужа, не принимала участія въ хозяйственныхъ хлопотахъ, такъ какъ не считала такихъ мелочей заслуживающими вниманія «развитой» женщины (а какая же женщина не считала себя тогда развитою?). Устройство банкета возлагалось на прислугу, а прислуга чаще всего бывала изъ дешевыхъ, простая деревенская дѣвушка съ весьма невысокими понятіями о чистоплотности.

Это, конечно, не особенно выгодно отражалось на сервировкѣ стола: на немъ появлялись исцарапанный отъ чистки пескомъ тусклый самоваръ, далеко не безукоризненной чистоты чайная и иная посуда и грубо, какъ для судорабочихъ, нарѣзанныя колбаса, селедка и проч. Впрочемъ, и гости не бывали особенно требовательны; по тогдашней либеральной модѣ, большинство интеллигенціи прямо бравировало неряшествомъ. Юноши ходили нестриженными и нечесанными, потому что имъ «некогда» было заниматься такими пустяками; по той же причинѣ дѣвушки демонстративно не мыли себѣ шею по цѣлымъ мѣсяцамъ и нимало не заботились о чистотѣ костюма. Странно было то, что одна и та же причина вызывала два совершенно противоположныхъ результата у молодыхъ людей двухъ половъ: юноши, за недосугомъ, отпускали себѣ длинные волосы, а дѣвушки, напротивъ, остригались въ скобку—и тоже за недосугомъ. Но подобный вздоръ оставался тогда незамѣченнымъ, и примѣру дѣвицъ вскорѣ начали подражать пожилыя дамы, на склонѣ лѣтъ внезапно замѣтившія, что коса мѣшаетъ имъ «заниматься».

Мало-по-малу квартира наполнялась или даже переполнялась посѣтителями всѣхъ возрастовъ. За недостаткомъ мебели размѣщались гдѣ случится: на подоконникахъ, на отнятой у прислуги табуреткѣ, на письменномъ столѣ хозяина, и вообще держали себя непринужденно. Шумъ, говоръ, смѣхъ не прерывались ни на минуту; общество то окружало какого-нибудь оратора, среди облаковъ табачнаго дыма произносившаго заглушаемую общимъ движеніемъ рѣчь, то разбивалось на группы, причемъ шумъ становился оглушительнымъ. Въ одномъ углу кто-нибудь читалъ вслухъ отрывки изъ послѣдняго русскаго заграничнаго листка, въ другомъ декламировалось безцензурное стихотвореніе, въ третьемъ съ азартомъ, свойственнымъ русскому человѣку (которому, какъ извѣстно, и споръ не въ споръ, если онъ безъ крика), дебатировались тѣ или другіе отвлеченные или общественные вопросы. Иной изъ посѣтителей, заранѣе обдумавшій шансы подготовленнаго имъ эффекта и все время переходившій отъ одной группы къ другой съ загадочной улыбкой, внезапно—но такъ, чтобы всѣ видѣли—удалялся въ переднюю, откуда черезъ минуту возвращался съ печатнымъ листкомъ въ рукѣ. Листокъ этотъ — конечно, безцензурный — онъ мужественно носилъ съ собою, тая его подъ стелькою калоши до востребованія. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ постоянно встрѣчались двѣ-три фигуры въ русскихъ боярскихъ костюмахъ; такіе костюмы были носимы тогда даже лицами, имѣвшими вовсе не русскія фамиліи. Это дѣлалось въ подражаніе извѣстному изслѣдователю отечественной старины Хмырову, щеголявшему въ цвѣтной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ шароварахъ. Встрѣчались и люди, одѣтые по-крестьянски, наподобіе другого извѣст-

наго писателя, Якушкина, носившаго совсѣмъ простонародное одѣяніе. Всегда можно было встрѣтить здѣсь и нѣсколькихъ литераторовъ, преимущественно изъ разряда алкоголиковъ, о которыхъ я уже упоминалъ ранѣе. Изъ нихъ мнѣ чаще всего доводилось видѣть двухъ братьевъ Ш., рѣдко бывавшихъ трезвыми. Оба были талантливы и умны; одинъ пользовался извѣстностью, какъ недурной беллетристъ, другой писалъ иностранное обозрѣніе въ «толстомъ» журналѣ, но оба были горькими пьяницами, нѣсколько разъ допивались до бѣлой горячки и умерли потомъ въ ужаснѣйшей обстановкѣ въ какихъ-то трущобахъ. Одного изъ нихъ—того, что̀ писалъ иностранныя обозрѣнія—мнѣ довелось однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтить зимою, въ трескучій морозъ, на Сѣнной, въ ужасномъ видѣ: засунувъ окоченѣвшія руки въ карманы брюкъ и весь съежившись отъ холода, онъ пробирался черезъ площадь рысцою; все одѣяніе его состояло изъ фуражки съ порваннымъ козырькомъ, порыжѣлаго фрака, видимо съ чужого плеча, и галошъ, надѣтыхъ на босую ногу. Несчастный недугъ обоихъ этихъ писателей не препятствовалъ имъ, однако, пользоваться радушнымъ пріемомъ во многихъ домахъ. Какъ уже было сказано, пьянство не ставилось тогда въ вину интеллигентному человѣку. Былъ даже одинъ стихотворецъ, человѣкъ весьма даровитый, но размѣнявшійся на мелочь, который открыто похвалялся тѣмъ, что не можетъ писать иначе, какъ въ состояніи опьяненія—и ничего: въ иныхъ домахъ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Трудно подыскать объясненіе такому тогдашнему взгляду на пьянство, но, если не ошибаюсь, дѣло заключалось въ ошибочной оцѣнкѣ причинъ этого порока. Предполагалось, что человѣкъ прибѣгаетъ къ вину не вслѣдствіе безхарактерности и внутренней дряблости, а потому, что окружающая дѣйствительность слишкомъ угнетаетъ его умъ, который и вынужденъ искать забвенія въ одурманеніи. Про литератора-пьяницу говорили тогда: «При его впечатлительности, онъ не можетъ равнодушно переносить господствующаго въ мірѣ зла». При этомъ упускали, однако, изъ вида, что быть равнодушнымъ зрителемъ зла нѣтъ никакой надобности, а если требуется бороться съ нимъ то ужь, во всякомъ случаѣ, не пьянствомъ. Оставляли безъ вниманія также и то соображеніе, что, потакая пьянству во имя впечатлительности натуры, можно было логически дойти до утвержденія, что чѣмъ впечатлительнѣе человѣкъ, тѣмъ большее количество спиртныхъ напитковъ должно ему требоваться.

Какъ бы ни было, присутствіе пьяныхъ было въ ту пору не только терпимо на вечеринкахъ, но даже мало кого шокировало. Само собою разумѣется, что людямъ, пьянствовавшимъ «отъ впечатлительности», охотно подражали многіе, никакою впечатлительностью не обладавшіе, но желавшіе этимъ способомъ засвидѣтельствовать свою «близость къ

народу», который, какъ извѣстно, тоже не прочь отъ выпивки. Слово «народъ» вообще не сходило тогда съ языка у всѣхъ говорунов, начиная отъ недавнихъ откупщиковъ, высосавшихъ изъ крестьянскаго населенія милліоны, и кончая помѣщиками, выдѣлившими крестьянамъ негодные для обработки земельные надѣлы. О народѣ же разлагольствовали на всѣ лады и либеральные петербургскіе чиновники, и мы, зеленая молодежь, большею частью въ глаза не видавшіе деревни. Все «народное» вдругъ сдѣлалось всѣмъ чрезвычайно милымъ и «мужички» (какъ называли тогда крестьянъ) обратились въ идеальныя созданія. Начавшееся вскорѣ послѣ того «хожденіе въ народъ» слишкомъ ясно показало, однако, что, при всей нашей нѣжности къ «мужичку», между нимъ и нами лежитъ зіяющая пропасть и что понять другъ друга мы не можемъ, потому что говоримъ на разныхъ языкахъ. А мы-то, отуманенные нашими теоретическими выводами, на которые мы были такіе мастера, полагали, что «мужички» только того и ждутъ, чтобы вышли впередъ мы, бойцы за право и справедливость, и повели ихъ за собою!

Разговоры начинались за чаемъ, не прерывались въ теченіе всего вечера и достигали кульминаціоннаго пункта послѣ закуски. Къ этому времени всеобщее возбужденіе бывало обыкновенно уже настолько велико, что требовало выхода въ усиленныхъ тѣлодвиженіяхъ: начинались танцы подъ плохенькое фортепіано, отъ времени до времени смѣнявшіеся пѣніемъ. Отъ исполнителей требовалась не столько изящная передача данной пьесы, сколько «идейность» выбора: надо было, чтобы пьеса была непремѣнно съ гражданскою начинкой, какъ будто дѣло шло не о пріятномъ препровожденіи времени, а о пробужденіи въ слушателяхъ цивическихъ чувствъ. Нужды нѣтъ, что вся «идейность» извѣстной вещицы не стоила ломаннаго гроша и ни для кого не была новостью—содержанію всегда отдавалось предпочтеніе передъ формою. Исполненіе, хотя бы даже плохое, какихъ-нибудь стишковъ, похожихъ на отрывки изъ передовыхъ статей, положенные на музыку, цѣнилось выше художественно спѣтаго поэтическаго романса, въ которомъ не было гражданскаго элемента. Если же такіе романсы и бывали исполняемы, то развѣ только съ сатирическою цѣлью скопировать какого-нибудь изъ современныхъ извѣстныхъ пѣвцовъ. Невозможно, конечно, предположить, чтобы подобное отношеніе къ искусству раздѣлялось всѣми участниками вечеринокъ, особенно изъ «стараго поколѣнія» (т. е. въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ); но едва-ли будетъ ошибкою, если предположить, что многіе лукавили и не высказывали своего мнѣнія, чтобы не прослыть «отсталыми». При такихъ условіяхъ неудивительно, что успѣхъ выпадалъ порою на долю людей самой посредственной даровитости и только кружилъ имъ голову, развивая въ нихъ преувели-

ченное представленіе о собственныхъ силахъ. Всего комичнѣе было то, что подобнымъ собраніямъ участники ихъ придавали серьезное общественное значеніе: они видѣли въ нихъ одно изъ средствъ служенія прогрессу. Неудивительно, что при такомъ взглядѣ на дѣло многіе, уходя съ вечеринки, уносили съ собою сознаніе исполненнаго гражданскаго долга. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о нашемъ тогдашнемъ недомысліи и о нашей склонности создавать себѣ миражи, въ чемъ, наравнѣ съ извѣстною частью взрослыхъ, были повинны и мы, юноши того времени, которымъ средняя школа не дала мѣрки для сужденія о житейскихъ дѣлахъ.

Мѣрка эта начала слагаться у каждаго изъ насъ лишь впослѣдствіи, когда, подъ вліяніемъ усилившагося консервативнаго теченія, многіе недавніе либералы неожиданно обратились въ чистѣйшей воды консерваторовъ. Для насъ это было первымъ разочарованіемъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Въ началѣ мы приписывали происшедшую въ нашихъ недавнихъ единомышленникахъ перемѣну ихъ «измѣнѣ убѣжденіямъ» и только потомъ разгадали, что и измѣнять-то имъ было нечему, такъ какъ люди эти были просто говорильными машинками и умѣли лишь поворачивать носъ по вѣтру.

А. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

X [1]).

Плутоватые юнцы.— Очень обязательный чиновникъ.— Дачный романъ въ Павловскѣ.

Не скажу, чтобы всѣ мои товарищи по выпуску поголовно были такими наивными мечтателями, какъ изображено выше. Само собою разумѣется, что на каждомъ изъ насъ отразилось, въ извѣстной степени, вліяніе среды, въ которой тотъ или другой воспитанникъ вращался внѣ стѣнъ гимназіи во время отпусковъ и каникулъ. Поэтому были среди насъ и юнцы съ чисто практическою складкой, люди, какъ говорится, «себѣ на умѣ». Ихъ не манили идеалы правды и справедливости, но и они, слѣдуя общему теченію, старались выставить себя такими же «гражданами», какъ и прочіе. Въ сужденіяхъ своихъ они ничѣмъ не отличались отъ юношей, искренно вѣрившихъ въ близкое торжество помянутыхъ идеаловъ, но преимущество ихъ (въ житейскомъ отношеніи) надъ горячими головами заключалось въ томъ, что, блистая либеральными фразами, они съумѣли устроиться такъ, что оставались въ ладахъ съ нужными людьми и «противнаго лагеря», искусно скрывая это, до поры, до времени, отъ товарищей. Въ сущности, это были «юные старички», люди съ преждевременно увядшею душой. Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы назвать «наиболѣе приспособленными для борьбы за существованіе», тѣмъ болѣе, что они почти всѣ дѣйствительно очень хорошо устроились

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

потомъ въ жизни. Но еще вопросъ—какому сорту молодежи слѣдуетъ отдать предпочтеніе: юнымъ ли старичкамъ, уже на школьной скамьѣ постигшимъ, гдѣ раки зимуютъ, или тѣмъ подлиннымъ юнцамъ, у которыхъ въ груди горитъ благородное пламя и сердце рвется къ подвигу на пользу ближнихъ? Практическое разрѣшеніе этого вопроса не входитъ, конечно, въ предѣлы моей компетенціи.

Почувствовавъ себя, по полученіи гимназическаго аттестата, вольнымъ казакомъ, я рѣшилъ, что я теперь уже взрослый (а мнѣ пошелъ тогда всего 17-й годъ) и что потому мнѣ неприлично жить у дяди, на его счетъ, а слѣдуетъ устроиться самостоятельно. Въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія или въ какомъ-то другомъ присутственномъ мѣстѣ—хорошенько не помню—хранились небольшія деньги, положенныя на мое имя отцомъ еще въ дни моего дѣтства; съ ними-то мнѣ и надо было начать самостоятельное существованіе, въ надеждѣ на коекакіе дополнительные заработки, отчасти уроками, отчасти путемъ поставки каррикатуръ для «Искры», благо тамъ не отказывали въ помѣщеніи моихъ рисунковъ. Присутственное мѣсто, откуда мнѣ предстояло получить мои деньги, помѣщалось на Большой Садовой (нынѣ просто Садовая), въ тогдашнемъ зданіи Управы Благочинія (а можетъ быть деньги лежали въ самой Управѣ—не умѣю теперь сказать этого). И вотъ, нанявъ себѣ комнату на Петербургской Сторонѣ, у нѣкоего вдовца-художника, я предпринялъ хожденіе въ Управу. Никогда не бывавъ до тѣхъ поръ ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, я былъ, при первомъ посѣщеніи казеннаго зданія на Большой Садовой, странно пораженъ господствовавшею тамъ нечистотою и какимъ-то непріятнымъ, тяжелымъ запахомъ, державшимся на парадной лѣстницѣ, несмотря на то, что, по случаю лѣтняго времени, двери и окна были открыты настежь. Швейцаръ въ заношенной ливреѣ, узнавъ отъ меня, что мнѣ нужно, направилъ меня наверхъ. Тамъ я попалъ въ просторную комнату, стѣны которой были выкрашены сизою краской; въ комнатѣ стояло нѣсколько столовъ, съ пачками «дѣлъ» на нихъ, а за столами сидѣли чиновники. Одни изъ нихъ писали, склонивъ головы на-бокъ надъ бумагами, другіе оставались праздными и, когда я вошелъ, стали съ любопытствомъ разсматривать меня. Послѣ тщетныхъ разспросовъ моихъ у нѣсколькихъ столовъ, куда мнѣ обратиться за деньгами, мнѣ указали наконецъ комнату, въ которой находился нужный мнѣ «столъ». За нимъ, перелистывая бумаги, сидѣлъ чиновникъ въ вицмундирѣ и сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ (либеральные чиновники позволяли себѣ тогда эту вольность въ костюмѣ). Онъ оказался очень обязательнымъ человѣкомъ: подробно разспросилъ меня о моемъ дѣлѣ, разсмотрѣлъ представленныя мною бумаги, сказалъ, что дѣло это очень простое и никакихъ проволочекъ не потребуетъ, и чтобы я приходилъ черезъ недѣлю,

а на прощаніе подалъ мнѣ руку. Я былъ очарованъ его любезностью и былъ радъ, что все обойдется такъ скоро; я слыхивалъ ранѣе, что дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ ведутся обыкновенно съ большою волокитой. Но когда я снова явился черезъ недѣлю, чиновникъ оказался очень занятымъ и хотя былъ по-прежнему любезенъ, однако заявилъ, что «еще не готово» и мнѣ лучше всего зайти завтра. Но и завтра, и послѣ-завтра, и на третій день выходило все то же: то опять: «еще не готово», то «справочки не получено», то: «лучше всего—зайдите-ка вы завтра утречкомъ». И все это самымъ пріятельскимъ тономъ. Признаюсь, мнѣ стало досадно: ужъ не смѣется ли надо мной этотъ господинъ въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ?

Однажды, послѣ новаго безплоднаго посѣщенія Управы, я разсказалъ о своихъ злоключеніяхъ моему квартирному хозяину, и тотъ меня надоумилъ:

— Да вы сколько ему дали?—спросилъ онъ, смѣясь.

— Какъ «сколько далъ?» Ничего не давалъ.

— Ну, такъ и будете ходить до второго пришествія!—воскликнулъ художникъ и уже прямо залился смѣхомъ.

Потомъ онъ объяснилъ мнѣ, что надо дать чиновнику рублей хоть десять, такъ какъ иначе ничего не выйдетъ. Вотъ задача! Какъ это я предложу чиновнику взятку? А если онъ оскорбится этимъ, какъ оскорбился бы я на его мѣстѣ? Къ тому же, онъ, кажется, еще и либералъ, если судить по сѣрымъ панталонамъ...

Но дѣлать было нечего: надо же мнѣ получить мои деньги! Обсудивъ дѣло, я придумалъ компромиссъ: куплю хорошихъ сигаръ и поднесу чиновнику, въ видѣ не взятки, а подарка. Такъ я и сдѣлалъ: пошелъ къ Фейку, купилъ 25 штукъ сигаръ и отправился въ Управу. Прихожу, а чиновникъ опять: «Какъ жаль, право: все еще не готово!» Тутъ я собрался съ духомъ и съ возможною учтивостью спросилъ:

— Вы курите? (А самъ чувствую, что краснѣю до корней волосъ).

— Курю. А что?

— Да вотъ я хотѣлъ... Хорошія сигары, попробуйте...

— А, благодарю, сказалъ чиновникъ. Онъ взялъ отъ меня коробку внимательно осмотрѣлъ ее и, еще разъ поблагодаривъ, вдругъ ударилъ себя рукою по лбу.

— Батюшки, да что же это я, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь дѣло-то ваше готово, а у меня и изъ головы вонъ!

Тутъ онъ порылся въ лежавшихъ на его столѣ бумагахъ и, вручивъ одну изъ нихъ мнѣ, провелъ меня въ другую комнату, гдѣ мнѣ тотчасъ же и выдали деньги.

Таково было мое первое знакомство съ тогдашними присутственными мѣстами. Для меня впервые слегка приподнялся уголокъ завѣсы,

заслонявшей дѣйствительность отъ моего взора; то были начатки «курса познанія человѣка»—важнѣйшаго изъ всѣхъ житейскихъ познаній, какъ справедливо сказалъ Гёте [1]). И какъ удачно случилось, что для начала попался мнѣ такой простой примѣръ: начинать надо всегда съ простѣйшаго. Жалкій чиновникъ въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ являлся для меня уже, до нѣкоторой степени, намекомъ на ошибочность моего тогдашняго представленія, будто людямъ свойственно стыдиться зазорныхъ поступковъ. Въ это время взяточничество такъ рѣзко клеймилось въ нашей печати, что я и представить себѣ не могъ, чтобы оно еще гдѣ-нибудь удержалось; а вдругъ оказывается, что всѣ бичи «благодѣтельной гласности» оставляютъ даже мелкаго петербургскаго чиновника совершенно равнодушнымъ. Читая полемическія статьи органовъ печати того времени, нерѣдко винившихъ другъ друга въ печатныхъ «доносахъ», я полагалъ, что лица, подвергшіяся такому обвиненію, сгораютъ отъ стыда и не рѣшаются носа показать на улицу; я, пожалуй, даже не повѣрилъ бы тогда, еслибы мнѣ сказали, что на самомъ дѣлѣ они нисколько не смущались подобными укорами. Но, какъ я уже говорилъ, молодежь на все смотритъ по-своему.

Лѣто 1862 года я прожилъ самымъ беззаботнымъ образомъ: кое-что почитывалъ (именно почитывалъ, а не читалъ), но безъ системы, руководствуясь въ выборѣ книгъ тогдашнею модой, если можно такъ выразиться; много ходилъ пѣшкомъ, дѣлалъ попытки «сближенія съ народомъ», преимущественно въ лицѣ дворниковъ и извощиковъ, причемъ—каюсь—въ бесѣдахъ съ ними нерѣдко поступался даже правильностью рѣчи, разсчитывая расположить ихъ этимъ въ свою пользу. Сильно насѣлъ я также на моего квартирнаго хозяина, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ «развить» его (тогда почти всѣ молодые люди заняты были «развиваніемъ» всякаго встрѣчнаго); но хозяинъ оказался неподатливымъ и охотно увиливалъ отъ собесѣдованій, либо начиная играть на гитарѣ, либо принимаясь за свою картину, которую писалъ уже года полтора и все не могъ окончить. Къ дядѣ, котораго я всегда любилъ, сталъ я ходить лишь изрѣдка, видя въ немъ «постепеновца», какъ онъ впрочемъ, и самъ называлъ себя, но зато началъ ѣздить въ Павловскъ, гдѣ жила на дачѣ моя сестра, въ качествѣ гувернантки въ довольно богатомъ домѣ. Семья, въ которую забросила ее судьба, состояла изъ мужа, жены и девятилѣтней дочери. Сама-ли сестра съумѣла поставить себя въ надлежащія отношенія къ патронамъ, родство ли ея съ такимъ видномъ чиновникомъ, какъ нашъ дядя, помогло, или же патроны сами имѣли правильный взглядъ на значеніе воспитательницы ихъ дочери—

[1]) „Das höchste Studium der Menschheit ist der Mensch“ (Самый высокій предметъ изученія для человѣчества, это—человѣкъ).

только положеніе молоденькой гувернантки въ домѣ не было для нея тягостнымъ, что̀, какъ извѣстно, не часто встрѣчается. Какъ мужъ, такъ и жена относились къ ней даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, благодаря той мягкости и тому такту, съ которыми она улаживала часто случавшіяся между супругами ссоры. Дѣло въ томъ, что хозяинъ дома, человѣкъ, впрочемъ, достаточно образованный, обладалъ крайне необузданнымъ характеромъ: любилъ кутнуть внѣ дома, заводилъ на сторонѣ связи и, случалось, дѣлалъ женѣ ужасныя сцены, когда возвращался домой во хмелю. Жену свою онъ любилъ, но «странною любовью»; говоря словами Некрасова,

„....по натурѣ бурлацкой,
Онъ то̀ ноги ея цѣловалъ,
То стегалъ ее плетью казацкой".

Жена же была красивая, полная брюнетка, отчасти восточнаго типа, съ большими жгучими черными глазами, и, втайнѣ отъ мужа, имѣла поклонника, въ лицѣ стройнаго кавказца рѣдкой красоты. Зная за собою эту вину, она, конечно, не могла обнаруживать надлежащаго безстрашія при столкновеніяхъ съ мужемъ и потому особенно цѣнила миротворное вмѣшательство моей сестры въ ихъ семейныя ссоры и, кажется, была искренно привязана къ ней. Но положеніе сестры было дурно въ томъ отношеніи, что въ тѣсномъ домашнемъ кругу, особенно на дачѣ, ей стоило большого труда держать свою маленькую питомицу вдали отъ вреднаго вліянія распрей и потасовокъ между родителями. Неразъ жаловалась она мнѣ на затруднительность своего положенія въ этомъ отношеніи и неразъ порывалась уйти изъ этого дома. Она не знала (да и я не зналъ), что, перемѣнивъ мѣсто, она легко могла бы очутиться въ такихъ же, если не худшихъ (для дѣтей) условіяхъ семейной жизни, такъ какъ въ дурно сложившихся семьяхъ недостатка у насъ тогда не было, какъ нѣтъ и теперь.

Объ отношеніяхъ черноокой дамы къ красавцу-кавказцу мнѣ не трудно было догадаться: въ отсутствіе ея мужа, мы всѣ вмѣстѣ ходили на музыку въ вокзалъ и тамъ неизмѣнно встрѣчали этого молодого, одѣтаго съ иголочки господина, который немедленно и подсаживался къ своей дамѣ, причемъ сестру мою и меня онъ привѣтствовалъ приподнятіемъ своего лоснящагося цилиндра. Господинъ этотъ держалъ себя съ спокойною самоувѣренностью, видимо зная себѣ цѣну; дама же его была недостаточно сдержанна и неосторожно выдавала свои чувства къ нему игрою глазъ и всею своею манерой. А дочь ея сидѣла тутъ же рядомъ и, можетъ быть, несмотря на свои дѣтскіе годы, уже дѣлала свои заключенія.

Говоря вообще, «свободная любовь» не представлялась мнѣ пред-

осудительною; скорѣе напротивъ. Но въ этомъ случайно замѣченномъ мною дачномъ романѣ мнѣ инстинктивно чувствовалось что-то нечистоплотное, сопряженное съ обманомъ мужа. Было какъ-то непріятно, какъ будто стыдно присутствовать при этихъ воровскихъ свиданіяхъ, какъ-бы въ качествѣ участника или сообщника, а потому мы съ сестрою обыкновенно уходили съ музыки въ паркъ и уводили съ собою дѣвочку. И все-таки въ душѣ оставалось скверное впечатлѣніе какъ-бы косвеннаго пособничества нечистому дѣлу. Я не могъ не видѣть, что такое же непріятное чувство испытывала и моя сестра, дѣвушка необыкновенно чистыхъ помысловъ; мнѣ было жаль ея въ такіе вечера. Къ счастью, замужество вскорѣ избавило ее отъ необходимости тянуть лямку гувернантки. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, мнѣ и самому пришлось отвѣдать прелестей, сопряженныхъ съ ролью воспитателя въ богатой петербургской семьѣ, и я по опыту могъ бы разсказать, въ какой гнилой атмосферѣ приходится иногда выростать дѣтямъ людей даже вполнѣ обезпеченнаго класса.

XI.

Моя „пропаганда“ въ семьѣ столяра.—Петербургскія увеселенія.—Г-жа Гебгардтъ.—Танцклассы.—Моя неудачная литературная попытка.—Петербургское настроеніе въ зиму 1862—63 г.—Широкіе замыслы восторженныхъ юнцовъ.—Люди подъ маскою революціонеровъ.

На зиму 1862—63 г. я перебрался съ Петербургской Стороны въ городъ, нанявъ комнату въ Большой Подъяческой, у семейнаго столяра. Конечно, я первымъ дѣломъ озаботился тѣмъ, чтобы «развить» не только его, но и его жену, очень работящую и хозяйственную женщину; ребенка ихъ я рѣшилъ пока оставить въ покоѣ, такъ какъ онъ былъ еще грудной и потому едва-ли могъ бы вмѣстить мои толкованія. Оказалось, однако, что разглагольствія мои о томъ, какъ слѣдуетъ людямъ устроиться, чтобы быть счастливыми, встрѣтили въ этой семьѣ такъ же мало сочувствія, какъ и у прежняго моего квартирнаго хозяина, художника. Бывали даже минуты, когда, среди разговоровъ, мнѣ вдругъ представлялось, что слушатели смотрятъ на меня съ плохо скрытымъ сожалѣніемъ, какъ бы на свихнувшагося умомъ.

Упоминаю объ этомъ, сильно огорчавшемъ меня обстоятельствѣ потому, что тутъ дѣло касалось не одного меня лично (въ такомъ случаѣ оно не представляло бы никакого интереса); подобно мнѣ поступали въ ту пору очень многіе юнцы, считавшіе своею задачей пропагандированіе «здравыхъ понятій», какъ этическихъ, такъ и политиче-

скихъ. Движеніе это приняло впослѣдствіи форму извѣстнаго «хожденія въ народъ», плачевные результаты котораго такъ ярко очерчены были позже Тургеневымъ въ «Нови». Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго сорокъ лѣтъ—періодъ, болѣе чѣмъ достаточный для того, чтобы можно было спокойно отнестись къ тогдашнему настроенію и тогдашнимъ поступкамъ молодежи. Теперь, на разстояніи столькихъ лѣтъ, представляются даже не совсѣмъ понятными тѣ опасенія, которыя вызывала тогда вся эта «агитація». Попытки сближенія пылкихъ юнцовъ съ народомъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы вызвать сколько-нибудь серьезныхъ пертурбацій уже по одному тому, что обѣ стороны рѣшительно не понимали другъ друга. Въ этомъ отношеніи опасности не было никакой. Напротивъ, стоило только умѣло воспользоваться самоотверженнымъ стремленіемъ молодыхъ людей сослужить службу народу, направивъ юныя силы въ легальное русло—и дѣло просвѣщенія народной массы, необходимость котораго признана теперь всѣми, только выиграло бы. Въ распоряженіи власти сразу явилось бы множество добросовѣстнѣйшихъ учителей для городовъ, деревень и селъ. И даже еслибы тѣ или другіе изъ нихъ оказались, въ роли учителей, проповѣдниками тѣхъ «здравыхъ понятій», о которыхъ упомянуто выше, бѣды въ томъ не было бы: простонародье, вплотную занятое своими ближайшими, непосредственными нуждами, далеко не такъ легковѣрно и податливо, какъ у насъ принято думать; нѣтъ уголка, гдѣ не нашелся бы свой «голоплёкскій Еремѣй», изображенный въ романѣ Тургенева.

Но тогда ко всему этому отнеслись иначе, и, можетъ быть, тѣмъ самымъ тогдашнее зрѣлое поколѣніе возложило на себя отвѣтственность за ужасы, свидѣтелями которыхъ мы были лѣтъ двадцать спустя. Если вспомнить о молодыхъ силахъ, донынѣ самоотверженно отдающихъ себя въ разныхъ углахъ нашего отечества общественному служенію на поприщѣ учителей и учительницъ въ народныхъ училищахъ, въ качествѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ случаяхъ эпидемій и народныхъ бѣдствій и т. д., то нельзя найти достаточно сильныхъ словъ для похвалы побужденій, движущихъ русскимъ юношествомъ. Въ дни моей молодости этого не съумѣли понять и оцѣнить. Что дѣлать! прошлаго не воротишь, но нельзя не пожелать, чтобы впредь было иначе и чтобы силы, могущія быть полезными родинѣ, не гибли безплодно вслѣдствіе недоразумѣній.

Во всякомъ случаѣ, неправы были тѣ, кто въ устройствѣ общественныхъ развлеченій, принявшемъ въ ту пору въ Петербургѣ широкіе размѣры, находилъ наилучшее средство отвлечь бродившіе умы отъ «политики».

Многіе видѣли въ этомъ подражаніе практикѣ, введенной въ Парижѣ правительствомъ второй имперіи и находившей у насъ поклонниковъ и подражателей.

Франція была тогда у всѣхъ на виду, вступивъ въ апогей внѣшняго блеска, и иные изъ нашихъ администраторовъ, а за ними и близорукіе политиканы изъ общества, стремились копировать пріемы тюильрійскихъ правителей. Въ извѣстной части публики явилась даже наклонность перенять внѣшность Наполеона III, причемъ вошло въ моду ношеніе эспаньолки, съ вытягиваніемъ кончиковъ усовъ наподобіе иголокъ [1]). Поэтому, когда вышло разрѣшеніе устроивать публичные балы, сочетая ихъ съ пѣніемъ куплетовъ съ эстрады, публика съ радостью встрѣтила эти, до тѣхъ поръ небывалыя у насъ развлеченія. До тѣхъ поръ единственнымъ увеселителемъ Петербурга былъ извѣстный Излеръ, содержавшій памятныя столичнымъ старожиламъ «Минерашки», какъ назывался въ игривомъ тонѣ его увеселительный садъ въ Новой Деревнѣ, на мѣстѣ нынѣшней «Аркадіи»; а тутъ вдругъ разомъ открылся цѣлый рядъ заведеній почти въ такомъ же родѣ, но еще и съ присоединеніемъ танцевъ, и съ дешевою входною платой. Центровъ для развлеченія явилось множество, но, съ какой бы стороны ни разсматривать ихъ, они не могли бы быть признаны полезными, а ужь въ смыслѣ отвлеченія отъ «политики» ихъ прямо слѣдовало отнести къ числу «попытокъ съ негодными средствами», какъ говорятъ юристы. Во всѣхъ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, открывшихся подъ разными вычурными названіями, въ родѣ «Вилла Боргезе», «Палэ де Кристаль», «Эльдорадо» и т. п., сразу установился самый непристойный тонъ, отклонявшій людей сколько-нибудь нравственно-чистоплотныхъ. Въ публикѣ всѣ они не замедлили пріобрѣсти общее, объединяющее названіе «танцклассовъ». А такъ какъ танцовать публично, на глазахъ массы незнакомыхъ, петербуржцы еще не имѣли въ то время привычки и, по новости дѣла, дичились, то учредителямъ танцклассовъ пришлось прибѣгнуть къ приглашенію наемныхъ танцоровъ и танцующихъ дамъ, чѣмъ вскорѣ же вызвано было появленіе особаго класса танцоровъ-профессіоналовъ, получавшихъ весьма приличное вознагражденіе. Впереди всѣхъ ихъ стоялъ нѣкій г. Фокинъ, имя котораго окружено было ореоломъ славы. Говорили, что онъ умѣетъ исполнять канканъ ничуть не хуже парижскаго, съ хожденіемъ на рукахъ, засучиваніемъ рукавовъ и проч. Къ величайшей горести моей, я долженъ сознаться, что видѣть эту гордость тогдашняго веселящагося Петербурга мнѣ не довелось ни раза, хотя я и бывалъ въ нѣсколькихъ танцклассахъ (впрочемъ, безъ участія въ танцахъ). Говорили, что иниціаторшею въ дѣлѣ устройства увеселительныхъ заведеній этого рода была извѣстная въ то время г-жа Гебгардтъ, впослѣдствіи осно-

[1]) Въ нынѣшнее время, какъ извѣстно, мода требуетъ закручиванія усовъ кверху—тоже подражаніе, но уже другому образцу.

вательница «Зоологическаго сада». Первые шаги этой предпріимчивой особы и время появленія ея въ Петербургѣ были, какъ говорится въ старинныхъ учебникахъ исторіи, «покрыты мракомъ неизвѣстности». Существовала легенда, что нѣкогда она занималась продажею горячихъ вафель на Невскомъ проспектѣ, а потомъ, благодаря своей привлекательной наружности или по другимъ причинамъ, нашла себѣ богатаго и вліятельнаго покровителя, послѣ чего получила возможность безбѣднаго существованія. Какъ бы ни было, зима 1862—63 г. застала ее обладательницею одного изъ крупнѣйшихъ танцклассовъ, помѣщавшагося, если не ошибаюсь, на Большой Садовой. Заведеніе ея усердно посѣщалось публикою, чему, въ извѣстной степени, способствовала всегдашняя готовность предупредительной хозяйки содѣйствовать установленію знакомства между наиболѣе достойными гостями и лучшими изъ «этихъ дамъ», какъ нѣкогда деликатно выразился Тьеръ, озабочиваясь «очищеніемъ» Парижа. Общее впечатлѣніе отъ нѣсколькихъ видѣнныхъ мною танцклассовъ осталось у меня не особенно пріятное. Въ залахъ, освѣщенныхъ керосиновыми лампами, стоитъ сизый, тяжелый воздухъ, пропитанный запахомъ табаку, кухни, духовъ и человѣческихъ испареній; прифрантившіеся кавалеры, порою въ заношенномъ бѣльѣ, но съ яркими цвѣтными галстухами, неуклюже отплясываютъ фигуры кадрили, выкидывая самыя смѣлыя «колѣна»; дамы съ подрумяненными лицами стараются не уступать имъ въ развязности. Среди танцующихъ проталкиваются люди, отдающіе предпочтеніе буфету, причемъ случаются и перебранки съ задѣтыми локтемъ танцорами. А надъ всѣмъ этимъ, покрывая шарканье ногъ по пыльному полу и отдѣльные возгласы танцующихъ, завываетъ дешевый струнный оркестръ, помѣстившійся на эстрадѣ. Еще два-три «легкихъ» танца и потомъ перерывъ, во время котораго «артистки» въ коротенькихъ юпочкахъ, оставляющихъ движенію ногъ полную свободу, исполняютъ болѣе чѣмъ пикантные куплеты, а «артисты» либо разсказываютъ сцены изъ народнаго или еврейскаго быта, либо тоже поютъ куплеты. Нечего сказать, умѣлое «отвлеченіе умовъ»! Если добавить, что въ ту зиму (а, кажется, и въ слѣдующую) въ трактирахъ, мелкихъ ресторанахъ и закусочныхъ, съ разрѣшенія полиціи, во множествѣ засѣдали тьеровскія «эти дамы» и «вольное» вино лилось рѣкою, то получится достаточно отчетливая картина тогдашняго ночного Петербурга, мало извѣстная людямъ, избѣгавшимъ соприкосновенія съ «улицею».

Присматриваясь къ этой сторонѣ столичной жизни, я началъ подумывать о томъ, что надо бы «предать ее благодѣтельной гласности», какъ тогда говорилось. Задумалъ я написать беллетристическій очеркъ, чтобы изобразить несчастное положеніе «жертвъ общественнаго темперамента» (какъ назвалъ ихъ Герценъ), на которыхъ наглядѣлся въ

*

танцклассахъ. Намѣреніе это я исполнилъ нѣсколько позже, но скажу объ этомъ дѣлѣ теперь же, забѣгая впередъ.

Въ «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтлова появлялись тогда коротенькіе беллетристическіе очерки, плѣнявшіе юныхъ читателей (и меня въ томъ числѣ) чрезвычайнымъ реализмомъ; по крайней мѣрѣ, они казались намъ тогда полными реализма. Въ художественномъ отношеніи, вещицы эти не стоили ровно ничего; форма ихъ тоже не заслуживала похвалы: авторъ щеголялъ растрепанностью и небрежностью слога, словно съ умысломъ показать, что ему до такихъ мелочей, какъ стиль, нѣтъ дѣла. Судя по встрѣчавшимся въ его очеркахъ на каждомъ шагу психологическимъ несуразностямъ, можно думать, что онъ былъ еще очень молодъ. Въ памяти моей почему-то до сихъ поръ удержалась слѣдующая черточка въ одномъ изъ его разсказовъ, прямо свидѣтельствующая, что этотъ человѣкъ еще совсѣмъ не былъ знакомъ съ человѣческою натурой: излагая душевныя муки, которыя испытывалъ (не помню, по какому случаю) его герой, авторъ говорилъ, что истерзанный герой «сознательно рванулся къ книгѣ» и, погрузившись въ ея чтеніе, тотчасъ позабылъ свое горе. Не ясно ли, что самъ авторъ не успѣлъ еще извѣдать истиннаго горя, которое заставляетъ забыть даже о существованіи книгъ? Но мы вѣрили ему на слово и съ удовольствіемъ читали его разсказы, потому что въ нихъ изображались все «новые люди» и, притомъ, такіе, какихъ не бываетъ, съ небывалыми чувствами, небывалыми пріемами. Вотъ эти-то очерки я и взялъ себѣ за образецъ.

Правда, художественный вкусъ мой былъ воспитанъ на произведеніяхъ образцовыхъ нашихъ и иностранныхъ писателей, и я не могъ не видѣть недостатковъ избраннаго мною автора; но таковъ ужь былъ тогда туманъ въ моей (да и не только въ моей) головѣ, что новая, вывихнутая манера казалась мнѣ «современнѣе» старой. Вѣдь я былъ «новый человѣкъ», «дѣятель», такъ досугъ ли мнѣ былъ заниматься обдумываніемъ и внѣшнею отдѣлкой произведенія, когда надо «проводить» идеи. Да и вообще, что тамъ за эстетика? На кой прахъ она? И вотъ я началъ «проводить».

Тема моего очерка была такая: молодой человѣкъ, конечно изъ «новыхъ», возвращаясь вечеромъ съ урока заходитъ къ Излеру (естественнѣе чего трудно представить себѣ что-нибудь). На плечахъ у него, разумѣется, пледъ, подмышкою нѣсколько книгъ изъ библіотеки (Карлъ Фогтъ, Молешотъ, Бокль). Гнушаясь исполняемыми на сценѣ куплетами, онъ задумчиво бродитъ по саду, мысленно осуждая его посѣтителей, и вдругъ замѣчаетъ сидящую на скамейкѣ молодую нарумяненную дѣвушку изъ числа «падшихъ». Она плачетъ, но старается скрыть свои слезы отъ публики. Она несчастна. Надо ей помочь, вывести ее изъ ужаснаго ея положенія. Герой заводитъ съ ней разговоръ,

развертываетъ передъ нею потрясающую картину ея существованія, горячо говоритъ о чувствѣ собственнаго достоинства, о значеніи личности и т. д. Конечно, дѣвушка потрясена; рыдая, она сообщаетъ молодому человѣку, что сама уже пять лѣтъ какъ ищетъ выхода изъ «этой жизни», но никакъ не можетъ найти его. Тогда мой герой (кстати, приверженецъ идеи о свободѣ любви) предлагаетъ ей поселиться съ нимъ вмѣстѣ, чтобы совмѣстно развиваться и работать на общую пользу. Дѣвушка, конечно, соглашается—но тутъ и очерку конецъ. Словомъ, все, до послѣдней мелочи, было у меня почти такъ же натурально, какъ въ разсказахъ автора, взятаго мною за образецъ. Разсказецъ написался у меня какъ-то очень скоро, гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и вышелъ значительно короче, чѣмъ я думалъ. Перечитывая его, я самъ чувствовалъ, что онъ хромаетъ, въ смыслѣ литературности, но пренебрегъ этимъ, соображая, что форма въ разсказѣ—послѣднее дѣло; была бы только идея хороша. Поэтому я переписалъ свое произведеніе набѣло и рѣшилъ отнести его въ «Русское Слово».

Сердце мое сильно билось, когда я прибылъ въ редакцію и предсталъ предъ Г. Е. Благосвѣтловымъ. Онъ принялъ меня довольно сухо—видно юные авторы, въ родѣ меня, успѣли уже достаточно надоѣсть ему—и сказалъ, чтобы я зашелъ черезъ двѣ недѣли. Не скрою, что эти двѣ недѣли я провелъ въ большомъ возбужденіи, терзаясь вопросомъ, попадетъ ли или не попадетъ мой очеркъ въ печать. Нечего и говорить, что напечатанъ онъ не былъ: въ назначенное время редакторъ, безъ всякихъ объясненій, возвратилъ мнѣ его. Объ этой попыткѣ моей выступить беллетристомъ, какъ и обо всемъ прочемъ, касающемся меня лично, я упоминаю здѣсь только потому, что въ ту пору не я одинъ, не имѣя еще никакихъ житейскихъ познаній, покушался на литераторство: такихъ, какъ я, было тогда весьма достаточно, такъ что меня, до нѣкоторой степени, можно считать во многихъ отношеніяхъ лицомъ собирательнымъ.

Неудачный исходъ моей попытки былъ очень полезенъ для меня въ томъ отношеніи, что понудилъ вникнуть поглубже въ вопросъ о томъ, достаточно ли ясны для меня характеры людей, которыхъ я взялся было описывать. Самолюбіе говорило: «достаточно», а разсудокъ нашептывалъ противное, и мысли мои стали двоиться. Но окружающая атмосфера—всѣ эти кружковыя вечеринки, непререкаемыя сужденія сверстниковъ, подпольные листки и проч. не давали мнѣ (да и не мнѣ одному) возможности сосредоточиться. Несомнѣнно, что въ тогдашнемъ воздухѣ было что-то гипнотизирующее, тѣмъ болѣе, что противная реформамъ партія все выше поднимала голову, заставляя либеральную партію настораживаться. Казалось—особенно намъ, молодежи—будто

между противниками, готовится схватка, и ужь само собою разумѣется, что мы не сомнѣвались въ будущемъ торжествѣ «нашего» лагеря. Какъ водится, мы были ослѣплены нашими невѣрными представленіями о дѣйствительности и, вмѣсто несомнѣннаго усиленія консервативнаго теченія въ обществѣ, видѣли побѣдоносное шествіе либерализма. Учащавшіеся въ Петербургѣ аресты ничуть не являлись для насъ предзнаменованіемъ совершавшейся въ обществѣ перемѣны; напротивъ, мы видѣли въ нихъ доказательство слабости нашихъ противниковъ, которые, на нашъ взглядъ, будто бы растерялись и не знаютъ, что дѣлать. Даже такой явный общественный симптомъ, какъ рѣзкая перемѣна фронта со стороны Каткова, изъ поклонника англійскихъ конституціонныхъ порядковъ открыто обратившагося въ проповѣдника противоположныхъ началъ и бросившаго перчатку Герцену, не уяснила намъ истиннаго положенія дѣлъ. Мы не поняли, что поступокъ Каткова знаменовалъ собою поворотъ въ общественномъ настроеніи—поворотъ, послѣдствія котораго дали знать себя черезъ нѣсколько лѣтъ. Каждый изъ насъ навѣрное призналъ бы тупицею того, кто осмѣлился бы доказывать намъ, что взглядъ московскаго публициста ближе и понятнѣе массѣ, чѣмъ наши проекты переустройства общественныхъ отношеній, не имѣвшіе почвы и потому смахивавшіе на воздушные замки.

Юные умы искали дѣятельности и не находили ея, отчасти по неподготовленности ни къ какому практическому дѣлу, отчасти по неумѣнію отличить возможное отъ невозможнаго. Стремленія народа, тѣхъ самыхъ «мужичковъ», о которыхъ столько толковали тогда, оставались загадкою; поэтому принято было a priori, что народъ хочетъ именно того, чего хотимъ мы, т. е. «свободы, равенства и братства». Слѣдовательно, намъ оставалось только взять на себя руководительство и «организовать» движеніе. Большія надежды возлагались, между прочимъ, на раскольниковъ, какъ элементъ «оппозиціонный»; многимъ казалось, что ничего нѣтъ легче, какъ «поднять» ихъ: пріѣхать въ какой-нибудь скитъ, потолковать по душѣ—и дѣло въ шляпѣ. Потомъ махнуть въ другой скитъ, въ третій и т. д. А когда всѣ раскольники «поднимутся», тогда... но какъ поступить въ такомъ случаѣ, объ этомъ и мысли не было. Повидимому, предполагалось, что все сдѣлается само собою, въ силу «логики вещей». Нѣкоторые предлагали оставить раскольниковъ въ покоѣ, причемъ ссылались на ихъ односторонность, предлагая вмѣсто нихъ лучше «поднять» югъ и Поволжье. Странно одно: среди юнцовъ, обсуждавшихъ подобные вопросы, было немало людей, далеко не глупыхъ, но и изъ нихъ никто, кажется, не видѣлъ нелѣпости словопреній на такія темы. Всѣмъ казалось, что въ этомъ-то и заключается подлинное «дѣло», которое

надо дѣлать. Отсюда та энергія, съ которою, среди большихъ личныхъ опасностей и при скудости матеріальныхъ средствъ, были печатаемы и распространяемы всякаго рода отдѣльные листки и брошюрки. Все это было плодомъ какъ недомыслія и незнакомства тогдашней молодежи съ жизнью, такъ и неумѣнія или нежеланія лицъ, стоявшихъ у власти, дать надлежащее приложеніе бродившимъ молодымъ силамъ.

Само собою разумѣется, что къ увлекавшейся молодежи не замедлили пристроиться разные люди «себѣ на умѣ», потерпѣвшіе неудачу на жизненномъ поприщѣ и съумѣвшіе подъ маскою радикаловъ и революціонеровъ поставить себя въ возможность эксплуатировать довѣрчивыхъ юношей, отдававшихъ имъ свои послѣдніе гроши «на дѣло». Со временемъ начали появляться экземпляры смышленыхъ людей и ихъ сожительницъ или «гражданскихъ женъ», по тогдашнему модному выраженію, которые собственно никакихъ услугъ «дѣлу» не оказывали, а между тѣмъ жили на средства, слагавшіяся изъ складчины; а складчина эта собиралась среди невѣдомой имъ, жившей впроголодь, но фанатизованной молодежи. Впослѣдствіи, когда движеніе получило нѣкоторую организацію, явились еще и какіе-то закулисные диктаторы, которые, сидя гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ, таинственно руководили оттуда группами молодыхъ людей, подводя ихъ подъ удары рока. Роль ихъ удачно очерчена Тургеневымъ въ лицѣ «Василія Ивановича» («Новь»). **Р.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЫЛОЕ.

Изъ воспомпнаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

XII [1]).

Моя поѣздка въ Малороссію въ 1863 г.—Два дорожныхъ спутника.—Ѣзда въ дилижансѣ.—Мои харьковскіе пріятели.—К. К. Гаттенбергеръ.

Весною 1863 г. я поѣхалъ въ имѣніе бабушки, въ Полтавскую губернію. Въ это время желѣзная дорога изъ Петербурга доходила только до Москвы, а оттуда надо было ѣхать на Харьковъ либо на почтовыхъ, либо въ дилижансѣ, съ тѣмъ, чтобы на почтовыхъ или «на долгихъ» сдѣлать еще 120 верстъ въ сторону до того уѣзда Полтавской губерніи, гдѣ жила моя бабушка. Я тронулся въ путь въ гордомъ сознаніи своей самостоятельности и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ подходилъ къ буфету съ видомъ хотя и молодого, но уже видавшаго виды человѣка. Въ глубинѣ души я испытывалъ радость по поводу того, что снова увижу мѣста, гдѣ такъ весело жилось мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ, и бабушку, которая рисовалась въ моемъ воображеніи совершенно такою же, какою она была тогда. Но петербургская сутолока уже успѣла наложить на меня свою печать: я даже самъ передъ собою становился на ходули, не сознавая того, и отгонялъ отъ себя радостное настроеніе ни для чего не нужною въ данномъ случаѣ серьезностью. Пока поѣздъ медленно тащился до Москвы, я старался направить мои мысли на «политическія» темы. Надо будетъ какъ слѣдуетъ позондировать въ Малороссіи почву, чтобы сообщить потомъ въ Петербургѣ,

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1901 г.

какъ приступить къ «поднятію» юга, когда это будетъ рѣшено. Я и карту Россіи—хотя дешевенькую—прихватилъ съ собою, чтобы лучше можно было ориентироваться, и нѣсколько разъ принимался разсматривать ее въ вагонѣ. А въ свободное отъ соображеній время я бесѣдовалъ съ моимъ случайнымъ сосѣдомъ, отъ времени до времени вставляя фразы, разсчитанныя на то, чтобы «развить» его (успѣха, къ сожалѣнію, не было). То былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, повидимому торгоговаго класса, степенный и сдержанный; а по тому, какъ онъ относился къ нѣкоторымъ моимъ заявленіямъ, я не могъ не замѣтить, что онъ «консерваторъ». Доводовъ моихъ онъ не опровергалъ и ни малѣйшаго раздраженія по ихъ поводу не проявлялъ; но, молча выслушавъ меня, только поднималъ брови и какъ-то странно, точно насмѣшливо произносилъ: «Тэкъ-съ». Я ясно видѣлъ, что это человѣкъ не «моего» лагеря, и понималъ, что по правиламъ партійной тактики мнѣ слѣдовало бы «наплевать» на него (Мы были тогда до крайности нетерпимы къ воззрѣніямъ, несогласнымъ съ нашими, и—сторонники свободы—не допускали только важнѣйшаго изъ всѣхъ ея видовъ, свободы мнѣній. А сами возмущались тѣмъ, что наши собственныя мнѣнія встрѣчаютъ препоны). Но въ этомъ человѣкѣ, при всемъ его «консерватизмѣ», было что-то привлекательное для меня. Въ немъ чувствовалась личность цѣльная, твердо стоящая на превосходно изученной имъ почвѣ. Кромѣ того, поражала меня въ немъ масса разнообразнѣйшихъ житейскихъ познаній, которыми онъ обладалъ. Онъ говорилъ и о торговлѣ, и о земледѣліи, и о провинціальной администраціи, и о лѣсномъ и иныхъ промыслахъ—и я видѣлъ, что все это онъ зналъ обстоятельно и твердо. Я слушалъ его съ величайшимъ интересомъ и уже за Чудовомъ отложилъ всякое попеченіе объ его «развитіи», а въ душу мою начинало закрадываться сомнѣніе въ собственной авторитетности. Правда, онъ не получилъ даже и средняго образованія, и навѣрное не зналъ тѣхъ «предметовъ», которымъ меня научили, такъ что я могъ бы по праву смотрѣть на него сверху внизъ; но внутренній голосъ говорилъ мнѣ другое. Невольно напрашивалось сравненіе между его живыми знаніями, съ которыми онъ могъ быть полезенъ во всякомъ мѣстѣ, и моими теплличными свѣдѣніями, обрекавшими меня на роль бѣлоручки. Положимъ, весьма пріятно знать «Энеиду» Виргилія, начало второй пѣсни которой я и до сихъ поръ помню:

«Conticuere omnes, intentique ora tenebant.
Inde toro pater Aeneas sie orsus ab alto“ и т. д.

Одинъ стихъ ея: «Votum pro reditu simulant, ea fama vagatur» мы даже пѣвали въ гимназіи хоромъ, на голосъ «Славься». Но тогда, въ вагонѣ, я охотно отдалъ бы всю латынь, съ прибавкою кое-какихъ

другихъ «предметовъ», хотя-бы за часть тѣхъ свѣдѣній, которыми располагалъ мой дорожный собесѣдникъ. Я понялъ, что не былъ бы годенъ даже на какую-нибудь маленькую должность въ провинціи, потому что имѣлъ лишь самыя сбивчивыя представленія о сельской администраціи и условіяхъ обывательскаго быта. Признаться, знакомство съ этимъ спутникомъ сбило-таки съ меня спеси, но я не безъ сожалѣнія разстался съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ мы сходили вмѣстѣ въ какой-то плохенькій трактиръ распить на прощаніе порцію чая.

Въ Москвѣ мнѣ пришлось провести болѣе сутокъ, такъ какъ мѣста въ дилижансахъ, отходившихъ только по одному въ день, были разобраны. Въ дилижансѣ помѣщалось, сколько мнѣ помнится, четверо пассажировъ внутри и двое снаружи, въ подобіи кибитки, устроенной впереди кареты, сейчасъ за козлами. Я взялъ наружное мѣсто, стоившее дешевле; въ сосѣди судьба послала мнѣ на этотъ разъ молодого офицера. Мнѣ это показалось непріятнымъ: въ нашихъ кружкахъ не долюбливали тогда военныхъ, считая ихъ отчасти грубыми «бурбонами», отчасти пустыми паркетными шаркунами; исключеніе дѣлалось только для тѣхъ офицеровъ, которые бывали на либеральныхъ вечеринкахъ и потому признавались «хорошими людьми». Недовольство мое оказалось, однако, безосновательнымъ: въ спутникѣ я нашелъ человѣка, хорошо образованнаго, еще лучше воспитаннаго и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго. Онъ былъ старше меня годами и на многое смотрѣлъ иначе, чѣмъ я, но, послѣ урока, полученнаго мною отъ попутчика на желѣзной дорогѣ, я уже не горячился по поводу его возраженій на нѣкоторыя изъ моихъ разсужденій, хотя внутри у меня что-то ныло всякій разъ, когда онъ спокойно опровергалъ мои построенія.

Дилижансъ, запряженный шестеркою почтовыхъ лошадей (четверка въ рядъ и пара на выносъ, съ мальчикомъ-форрейторомъ верхомъ на одной изъ нихъ), бойко катился по московско-курскому шоссе, вскачь взбираясь на частые и длинные подъемы (Извѣстно, что варварскій пріемъ этотъ—гнать лошадей во весь духъ, именно на крутизнахъ, гдѣ имъ слѣдовало бы идти шагомъ—до сихъ поръ не вывелся у нашихъ возницъ). Уплата прогоновъ производилась на станціяхъ ѣхавшимъ съ нами на козлахъ кондукторомъ; онъ же уплачивалъ и шоссейный сборъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существовали заставы. У тѣхъ изъ заставъ, которыя дилижансу приходилось проѣзжать въ ночную пору, кондукторъ останавливалъ на минуту ямщика, выносная пара отпрягалась и форрейторъ («фалеторъ», какъ его называли) тайкомъ отправлялся съ ними въ объѣздъ шлагбаума, чтобы миновать заставный пунктъ. Благодаря этому, кондукторъ получалъ возможность платить шоссейный сборъ всего только за четверку лошадей, что̀ составляло одинъ изъ его

«безгрѣшныхъ доходовъ». По ночамъ, когда прочіе пассажиры спали, а мнѣ почему-нибудь не спалось, мнѣ случалось замѣчать, что и на станціяхъ намъ запрягали не шестерку, а только четверку. А такъ какъ, по окончаніи поѣздки, кондукторъ получалъ на чай еще и отъ пассажировъ, то можно думать, что, съѣздивъ въ два конца, онъ всякій разъ привозилъ домой кое-что «ребятишкамъ на молочишко». Вотъ бы отличный для меня случай разъяснить ему, что лучше жить въ нуждѣ, оставаясь честнымъ, чѣмъ пользоваться чужимъ и испытывать угрызенія совѣсти! Къ сожалѣнію, присутствіе офицера стѣсняло меня, и случай этотъ былъ мною упущенъ, къ явному ущербу кондуктора.

Остановка на нѣсколько дней въ Харьковѣ памятна мнѣ особенно тѣмъ, что настроеніе молодежи я засталъ тамъ совершенно непохожимъ на то, которое господствовало въ Петербургѣ. Я остановился у двоихъ моихъ товарищей по гимназіи, поступившихъ, по выходѣ оттуда, въ Харьковскій университетъ, чтобы не потерять времени въ ожиданіи, пока возобновятся лекціи въ университетѣ Петербургскомъ. Черезъ нихъ я познакомился съ нѣсколькими мѣстными студентами, причемъ былъ отчасти озадаченъ отсутствіемъ въ ихъ средѣ той «политической» суетни и шумихи, къ которой привыкъ въ Петербургѣ. Они тоже сходились, но въ собраніяхъ ихъ господствовалъ совершенно другой тонъ, чѣмъ на столичныхъ вечеринкахъ. Въ ихъ товарищескихъ бесѣдахъ чаще всего затрогивались университетскія дѣла, дебатировались, конечно, и отвлеченные вопросы, но, рядомъ съ этимъ, велись и самые заурядные разговоры, съ шутками, смѣхомъ и молодымъ весельемъ. «Политики» касались здѣсь лишь попутно, если это приходилось кстати, причемъ никто не пытался придать себѣ такой видъ, будто «политика» составляетъ главную его заботу. Меня пріятно поражало отсутствіе ходульности на этихъ сходбищахъ, бывавшихъ, притомъ, не въ опредѣленные дни, а случайно, когда придется и когда явится охота поболтать и весело провести время. Молодые люди дѣлились не по окраскѣ ихъ «политическихъ» мнѣній, а по темпераментамъ, почему не было здѣсь тупой «партійной» нетерпимости между естественно слагавшимися группами. Какой-нибудь юный щеголь и жуиръ отнюдь не оказывался изгоемъ въ кружкѣ серьезно работавшихъ студентовъ, такъ какъ, рядомъ съ наклонностью къ жуирству и щегольству, въ немъ не могло не быть другихъ, симпатичныхъ качествъ, дававшихъ ему право на расположеніе товарищей. Въ Петербургѣ же достаточно было юношѣ одѣться пофрантовитѣе, быть уличеннымъ въ ношеніи перчатокъ и т. п., чтобы товарищи отнесли его къ числу безнадежно-пустыхъ фатовъ. Въ кружкѣ харьковскихъ студентовъ присутствующій не испытывалъ того нѣсколько угнетающаго чувства, кото-

ров одолѣваетъ всякаго нравственно-здороваго юношу въ обществѣ людей, тщательно старающихся выказать какъ можно больше ума или порисоваться силою характера. Простота и естественность моихъ новыхъ знакомыхъ прямо подкупала меня и наводила на сравненія, невыгодныя для петербуржцевъ. Здѣсь чувствовалось вѣяніе молодой, не заѣденной рефлексіею жизни, тамъ царила вызванная обстоятельствами взвинченность, неестественность, несознаваемая молодежью фальшь, а виною тому была преимущественно напряженность тогдашняго петербургскаго настроенія, впослѣдствіи распространившаяся и на провинцію.

Считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ одномъ изъ моихъ двухъ товарищей, у которыхъ я остановился тогда въ Харьковѣ—о Константинѣ Константиновичѣ Гаттенбергерѣ, оставившемъ по себѣ добрую память въ харьковскихъ студентахъ. Въ гимназіи (гдѣ онъ почему-то носилъ прозвище «Катьки») онъ однимъ изъ первыхъ сталъ подражателемъ тургеневскаго Базарова (какъ онъ его понялъ). Нельзя сказать, чтобы оригиналъ скопированъ былъ имъ вѣрно: онъ сталъ держать себя просто чудакомъ—вѣроятно, ему представлялось, что человѣку базаровскаго типа непремѣнно должно быть свойственно одѣваться неряшливо, обладать угловатыми манерами и вообще походить на полусумасшедшаго. Деликатный и застѣнчивый по природѣ, Гаттенбергеръ въ послѣднемъ классѣ гимназіи принялъ на себя обличіе циника: пересталъ причесывать волосы, неохотно умывался и усвоилъ странную походку—какъ-то бокомъ, опустивъ одно плечо ниже другого. Я готовъ думать, что этою несуразною манерой онъ пытался прикрыть свою застѣнчивость, которая его тяготила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, подобно Базарову, началъ «отрицать» все, «даже и...», какъ выражено у Тургенева. Естественныхъ наукъ онъ, однако, изучать не сталъ и, кажется, до конца жизни оставался весьма малосвѣдущъ въ нихъ. Зато его потянуло къ философіи. Когда въ нашемъ классѣ возникло было предположеніе заняться выпускомъ подпольнаго изданія, Гаттенбергеръ настаивалъ на необходимости перевести и напечатать нѣмецкую книжку подъ заглавіемъ «Was ist die Philosophie?», которую онъ досталъ у какого-то своего знакомаго, «свободнаго мыслителя». Задумавъ основательно заняться философіей, онъ началъ усердно изучать иностранные языки и хотя они давались ему съ трудомъ, дѣлалъ большіе успѣхи. Чтобы пополнить свои знанія въ латинскомъ языкѣ, онъ взялъ на себя египетскій трудъ: проштудировать отъ доски до доски громадный словарь Кронеберга, которымъ, какъ извѣстно, можно убить человѣка наповалъ, если хватить по темени. И, кажется, при своемъ поразительномъ трудолюбіи и изумительной настойчивости, онъ осилилъ его. Потомъ онъ уѣхалъ въ Харьковъ, и цѣлый годъ о немъ не было ни слуха, ни духа.

Я засталъ его въ Харьковѣ такимъ же оригиналомъ, какимъ онъ

оставилъ гимназію. Вмѣстѣ съ другимъ нашимъ товарищемъ, онъ занималъ двѣ дешевыя комнатки съ плохою мебелью неподалеку отъ университета и велъ весьма своеобразную жизнь. Проснувшись поутру, онъ не вставалъ съ постели, а только потягивался минуты двѣ, потомъ, повернувшись къ стоявшему у кровати столику, закуривалъ вчерашній окурокъ копеечной сигары, бралъ оставленную съ вечера книгу и принимался читать ее лежа. Поданный стаканъ чая съ кускомъ бѣлаго хлѣба онъ проглатывалъ, не отрываясь отъ чтенія. Вставалъ, умывался и одѣвался онъ только къ тому времени, когда надо было идти на лекцію, а если лекцій не было, то поднимался къ обѣду, который приносила своимъ квартирантамъ хозяйка. Ни въ какихъ удобствахъ онъ не нуждался и никакихъ прихотей, кромѣ куренія сигаръ по рублю за сотню, не имѣлъ; ѣлъ безпрекословно, что ни подадутъ, и ничуть не интересовался блюдами. А послѣ обѣда снова ложился на кровать и возобновлялъ чтеніе. Бывало окликнешь его, и онъ, оторвавъ глаза отъ книги посмотритъ тебѣ въ лицо сосредоточеннымъ взоромъ, какъ-бы еще повторяя мысленно послѣднюю прочитанную фразу; поговоритъ— и опять за книгу. Казалось, изъ него долженъ былъ выработаться сухой и маловоспріимчивый «гелертеръ», однако нѣтъ: въ свободные часы онъ бывалъ отзывчивымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, готовымъ, при случаѣ, и посмѣяться, и побалагурить. Неряшливость въ одеждѣ успѣла уже войти у него въ привычку: костюмъ свой онъ обновлялъ только тогда, когда все изнашивалось до послѣдней степени, и притомъ никогда не заказывалъ новыхъ вещей, а покупалъ только подержанныя. Сынъ эконома въ одномъ изъ петербургскихъ женскихъ институтовъ, онъ ежемѣсячно получалъ отъ родителей достаточную для прожитія сумму; сверхъ того, любящая мать присылала ему порою бѣлье. Но посылки подолгу валялись у сына подъ кроватью нераспакованными. Однажды ему присланы были новыя брюки, но онъ рѣшился надѣть ихъ лишь послѣ того, какъ они были, по его просьбѣ, «обношены» (а въ сущности заношены) однимъ изъ товарищей; вѣроятно, онъ стыдился показаться щеголемъ. По части искусствъ, единственною страстью его была музыка: онъ недурно игралъ на скрипкѣ, чѣмъ услаждалъ свои досуги, но при постороннихъ играть отказывался. Женскаго общества онъ чрезвычайно дичился и въ присутствіи особъ прекраснаго пола дѣлалъ неловкія попытки скрыться куда-нибудь. Мнѣ вспоминается забавный случай: къ его сожителю пришла знакомая бойкая молодая дѣвушка, какъ разъ въ то время, когда мы втроемъ сидѣли за вечернимъ чаемъ. При ея появленіи, Гаттенбергеръ сильно смутился и, по обыкновенію, хотѣлъ улизнуть; но такъ какъ его задержали, то онъ поневолѣ сѣлъ снова за столъ и, краснѣя до испарины, заслонился самоваромъ. Всякій разъ, когда дѣвушка, желая вовлечь его въ общій разговоръ, заглядывала къ нему съ одной стороны

самовара, онъ отклонялся въ другую, точно играя въ прятки. Казалось, непріятный визитъ причинялъ ему истинное мученіе, и нѣсколько времени потомъ онъ пребывалъ не въ духѣ.

По натурѣ это былъ прямой и безусловно честный человѣкъ, неспособный входить въ сдѣлки съ совѣстью и совершенно чуждый стремленія къ фразамъ и позировкѣ. Недаромъ всѣ знавшіе его относились къ нему съ полною симпатіей, хотя и подтрунивали порою надъ его странностями. Онъ былъ незлобивъ и никогда не принималъ къ сердцу товарищескихъ насмѣшекъ, добродушно оставляя ихъ втунѣ и ничуть не заботясь объ устраненіи поводовъ къ нимъ. Онъ работалъ упорно, поглощая книгу за книгою, и доработался до того, что, по окончаніи курса, сталъ профессоромъ въ пріютившемъ его университетѣ, гдѣ занялъ каѳедру сперва полицейскаго права, а потомъ (если не ошибаюсь) политической экономіи. Со своими слушателями онъ находился въ постоянномъ товарищескомъ общеніи и пользовался ихъ любовью. Къ сожалѣнію, постоянное нарушеніе элементарныхъ правилъ гигіены не прошло ему даромъ: уже въ среднемъ возрастѣ у него развилась чахотка, которая и свела его вскорѣ въ могилу.

XIII.

Провинціальный уголокъ въ 1863 г.—Бытовыя картинки.—Уѣздный городъ.—Поклонникъ Каткова.—Мои отношенія къ дворнѣ.

Бабушка моя жила въ одномъ изъ мѣстечекъ Полтавской губерніи, въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ годъ моего пріѣзда къ ней, дѣда моего уже не было въ живыхъ, и она одна управлялась въ своемъ не особенно обширномъ хозяйствѣ. По тогдашнимъ понятіямъ, она считалась въ округѣ очень образованною женщиной, такъ какъ была грамотна и умѣла держать себя въ обществѣ. При этомъ усадьба ея была значительно обширнѣе и благоустроеннѣе ближайшихъ помѣщичьихъ жилищъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ домовъ однодворцевъ и достаточно зажиточныхъ людей изъ казаковъ, а потому неудивительно, что за нею установилась репутація мѣстной аристократки, чему, впрочемъ, отчасти содѣйствовала и ея представительная наружность. Бывать у нея мѣстные жители считали за честь, но нѣкоторые изъ жившихъ въ мѣстечкѣ помѣщиковъ стѣснялись посѣщать ея домъ, гдѣ полы были выкрашены подъ цвѣтной паркетъ, окна были высокія, съ чистыми стеклами, а ея кабинетъ даже оклеенъ обоями, что̀ являлось тогда въ провинціи безумною роскошью. Обыкновенно у помѣщиковъ средней руки (я говорю только о нашемъ мѣстечкѣ), дома были маленькіе, съ некрашенными или даже просто глинобитными полами и съ выбѣленными по глинѣ стѣнами, причемъ и меблировка соотвѣт-

ствовала общему характеру жилья, состоя изъ деревянныхъ крашенныхъ диванов, такихъ же стульевъ и шкаповъ—все «своей», крѣпостной работы. Мебзльнаго магазина не было ни въ уѣздномъ городѣ, ни даже въ самой Полтавѣ, до которой, притомъ, отъ мѣстечка надо было ѣхать за 60 верстъ.

Прежде всего, меня, конечно, поразила непривычная для меня внѣшность мѣстныхъ жителей. Обычное одѣяніе хохловъ изъ простолюдиновъ состояло изъ бѣлой рубахи, заправленной въ бѣлые же холщевые штаны, которые, въ свою очередь, были заправлены въ сапоги. Въ такомъ видѣ человѣкъ представлялся вставшимъ прямо съ постели въ нижнемъ бѣльѣ, къ которому такъ не пристала традиціонная хохлацкая баранья шапка. Костюмъ иногда скрашивался сѣрою свиткой съ длинными рукавами, обшитыми у кистей рукъ кожей. Помѣщики носили, большею частью, выгорѣвшіе отъ солнца нанковые сюртуки (нельзя сказать, чтобы краснваго покроя), картузы и грубо стачанную обувь, надѣвавшуюся обыкновенно на босу-ногу. Бабушка разсказывала, что десятка за два лѣтъ передъ тѣмъ, когда она перебралась съ мужемъ сюда изъ Кишинева, гдѣ служилъ мой дѣдъ, у помѣщиковъ не водилось даже носовыхъ платковъ, и что дѣду моему нерѣдко приходилось дѣлать гостямъ серьезныя внушенія за ихъ неопрятное поведеніе въ его домѣ. Но въ годъ моего пріѣзда цивилизація уже успѣла проникнуть въ этотъ уголокъ на столько, что у большинства помѣщиковъ заведены были клѣтчатые коленкоровые платки, которыми они и пользовались при постороннихъ. Помѣстныя дамы носили ситцевыя платья городского покроя, но, говоря по совѣсти, много выиграли бы, еслибы предпочли живописный костюмъ казачекъ. Увидѣвъ первую помѣщицу, я было принялъ ее по манерѣ и разговору за кухарку; къ тому же и платье сидѣло на ней совершенно такъ, какъ оно обыкновенно сидитъ на дамахъ, принадлежащихъ къ классу кухарокъ, дворничихъ и мелкихъ лавочницъ. Дѣти помѣщичьи, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, почти ничѣмъ не отличались отъ крестьянскихъ. При видѣ посторонняго они дичились, засовывали большой палецъ въ ротъ и смотрѣли исподлобья, не отвѣчая на обращаемые къ нимъ вопросы. Большой наклонности къ умственнымъ занятіямъ въ мѣстной помѣщичьей средѣ не замѣчалось. Только одинъ изъ помѣщиковъ мѣстечка, когда-то бывшій чиновникомъ, выписывалъ «Сынъ Отечества»; за газетою онъ посылалъ разъ въ недѣлю пѣшаго человѣка за 25 верстъ въ уѣздный городъ и никому изъ сосѣдей читать ея не давалъ. Бабушка моя получала тотъ же органъ, но къ ней рѣдко обращались съ просьбами дать его почитать—развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, если внезапно разнесется слухъ, что гдѣ-то родился ребенокъ съ волчьей головой или случилось землетрясеніе. Впрочемъ, изъ уѣзднаго города иногда заносились въ мѣстечко «Московскія Вѣдомости», съ очень авторитетными въ то время въ про-

винціи статьями Каткова по поводу польскаго возстанія. Статьи эти читались со вниманіемъ, такъ какъ существовало опасеніе, какъ бы въ мѣстечко не нагрянули грѣхомъ повстанцы или «инсурхэнты», какъ ихъ называли помѣщики. Книгъ же во всемъ мѣстечкѣ не было ни у кого, кромѣ моей бабушки, которой онѣ были ранѣе присылаемы отцомъ изъ Петербурга. Изъ нихъ бабушка чаще всего пользовалась лѣчебникомъ князя Енгалычева, при помощи котораго и врачевала, какъ умѣла, обращавшихся къ ней за медицинскою помощью крестьянъ, къ великой досадѣ проживавшей въ мѣстечкѣ «шептухи». Не будь бабушки, мѣстнымъ жителямъ и лѣчиться было бы не у кого. Было это безъ малаго сорокъ лѣтъ тому назадъ, но, кто же не знаетъ, что и теперь еще есть у насъ немало уголковъ въ провинціи, въ которыхъ врача никогда въ глаза не видывали.

Хотя я былъ еще мальчишкой, помѣщики, съ которыми мнѣ случилось познакомиться, видимо немножко подтягивались передо мной, не желая уронить себя передъ «столичною штучкой»; а можетъ быть, они хотѣли понравиться мнѣ, чтобы сдѣлать пріятное бабушкѣ, пользовавшейся общимъ уваженіемъ. Со мной старались заводить разговоры о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; спрашивали про Петербургъ и освѣдомлялись, знакомъ ли я съ тѣмъ или другимъ сановникомъ, имя котораго было извѣстно въ мѣстечкѣ изъ газетъ или по слухамъ. Одинъ молодой человѣкъ, отличавшійся похвальною любознательностью, нѣсколько разъ допытывался у меня, дѣйствительно ли гора Араратъ такъ высока, какъ онъ слыхивалъ. Разспрашивали меня также на счетъ желѣзной дороги, которую, впрочемъ, называли на малороссійскій ладъ «залізною». Какъ я уже говорилъ ранѣе, одинъ помѣщикъ (кстати, мой опекунъ на-ряду съ бабушкой) никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы поѣзда могли ходить сами, безъ лошадей. Онъ познакомилъ меня со своею женой, которая оказалась простою бабой. Въ минуты семейныхъ ссоръ, случавшихся въ ихъ домѣ по весьма ничтожнымъ поводамъ, она выходила изъ себя и, стоя посреди двора, кричала мужу на малороссійскомъ нарѣчіи: «Пошлі мині, Господи, статы удовою!» (т. е. овдовѣть); а онъ, въ отвѣтъ на эго, обзывалъ ее «скаженою (бѣшеной) собакой» и грозилъ съ крыльца кулакомъ. При такихъ размолвкахъ супруговъ сосѣди подходили къ плетню ихъ усадьбы и съ интересомъ слѣдили за ходомъ дѣла.

Лучшею, послѣ бабушкиной, была усадьба довольно богатаго помѣщика, бывшаго (какъ говорили) ученика одного изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Ко времени посѣщенія мною мѣстечка, онъ уже успѣлъ совершенно опуститься: сильно пьянствовалъ, совершенно запустилъ усадьбу и имѣніе, изрѣшетилъ стѣны своего дома ружейными пулями, гарцовалъ по мѣстечку въ казачьемъ одѣ-

яніи верхомъ на кояѣ, котораго, вмѣсто нагайки, сѣкъ шашкою, травилъ еврея-шинкаря собаками и вообще производилъ всевозможныя безчинства. Все это сходило ему съ рукъ, благодаря вліянію въ уѣздѣ его отца, жившаго въ благоустроенномъ, богатомъ имѣніи, верстахъ въ пятнадцати отъ нашего мѣстечка. Безумствамъ его положенъ былъ конецъ лишь года три спустя, когда возникло дѣло, которое трудно было замять: въ пьяномъ видѣ онъ нанесъ своей любовницѣ изъ казачекъ страшныя раны на груди. Къ этому времени и отецъ, кажется, отступился отъ него, и дѣло кончилось ссылкою бѣшенаго помѣщика въ Сибирь.

Вообще же помѣщики жили тихо и смирно, обходясь даже безъ общественныхъ развлеченій и рѣдко посѣщая другъ друга. Болѣе общительности проявляли однодворцы и разжившіеся казаки; у тѣхъ былъ хоть клубъ, и клубомъ этимъ служила баня—единственная (кромѣ бабушкиной) во всемъ мѣстечкѣ и принадлежавшая одному изъ казаковъ. Туда ѣздили и нѣкоторые изъ помѣщиковъ попроще; однажды получилъ приглашеніе и я. Когда я подъѣхалъ къ воротамъ двора, гдѣ помѣщались домъ хозяина и баня, я засталъ нѣсколькихъ женщинъ и дѣвушекъ, сидѣвшихъ на крыльцѣ дома, въ ожиданіи очереди, пока мылись мужчины. Присутствіе ихъ не помѣшало, однако, хозяину выйти нагишомъ изъ бани, чтобы привѣтствовать новоприбывшаго гостя. А послѣ бани былъ балъ. Танцовали въ тѣсной хатѣ подъ звуки скрипки, сильно шаркая сапогами по некрашенному полу; мужчины выпивали и закусывали черезъ приличные промежутки времени, а дамъ и дѣвицъ хозяйка обносила вареньемъ, выложеннымъ на тарелку, въ которой лежала чайная ложечка. Каждая гостья, отвѣдавъ варенья, вѣжливо благодарила и клала облизанную ложку обратно на тарелку. Хозяйка непремѣнно хотѣла угостить и меня, но я, со всевозможною учтивостью, отказался, поклявшись, что никогда не ѣмъ варенья, такъ какъ оно мнѣ вредно.

Ѣзжалъ я также и въ уѣздный городъ, частью за покупками, частью за бабушкиной пенсіей, за лѣкарствами для ея аптечки и на почту. Не знаю, каковъ этотъ городъ теперь, но тогда, въ 1863 г., онъ почти ничѣмъ не отличался отъ большого малороссійскаго села. То же обиліе мазанокъ, крытыхъ соломой; тѣ же немощеныя, пыльныя улицы, засоренныя соломою и всякимъ мусоромъ. Базарная площадь была грязна и имѣла видъ заброшеннаго пустыря; по одну сторону ея стоялъ рядъ деревянныхъ лавокъ первобытнаго устройства, по другую—постоялый дворъ и зданіе присутственныхъ мѣстъ довольно унылаго вида. У въѣзда въ городъ, находился, конечно, острогъ, а на другомъ концѣ соборъ, подъ колокольней котораго помѣщалась почему-то еврейская фуражечная лавка. Въ городѣ господствовала почти деревенская тишина; развѣ продребезжатъ порою дрожки исправника, ѣдущаго въ острогъ или въ полицейское

управленіе съ видомъ Юпитера, ежеминутно готоваго метнуть молніею. Или проѣдетъ кто-нибудь изъ помѣщиковъ, имѣющій надобность въ городѣ, а можетъ быть уже возвращающійся оттуда домой. Городовой врачъ, большею частью, находился въ отъѣздѣ, гдѣ-нибудь въ помѣщичьемъ имѣніи, а зайдешь въ аптеку—аптекарь либо на охотѣ, либо пошелъ рыбу ловить и неизвѣстно когда вернется; оставленная же имъ въ аптекѣ баба не рѣшается безъ хозяина отпустить даже касторовaго масла, хотя ей показываешь: вотъ оно!

— Нэ смію я, панычу, нэ смію!—упорно твердитъ она на всѣ доводы.

Само собою разумѣется, что книжной лавки въ городѣ не было. Не было также ни театра, ни клуба, ни городского сада. Развлеченія ограничивались тѣмъ, что люди хаживали другъ къ другу поиграть въ карты и выпить по рюмочкѣ, или же ходили вечеркомъ на новый мостъ, строившійся на почтовой дорогѣ черезъ канаву близъ города, разсаживались на бревнахъ и, перекидываясь словами, ждали, не проѣдетъ ли кто по тракту.

Когда у меня завелись въ городѣ кое-какія знакомства, я имѣлъ случай побывать въ присутственныхъ мѣстахъ, тогда еще старыхъ и живо напомнившихъ мнѣ гоголевское ихъ описаніе. Обстановка была до того незатѣйлива, что прямо поражала непривычнаго зрителя. Писцы и канцелярскіе служители видомъ своимъ походили на людей, мѣсто которымъ, скорѣе, на постояломъ дворѣ. Въ дворянской опекѣ, гдѣ меня познакомили съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (онъ же и предсѣдатель опеки), мебель и покрывавшее столъ сукно имѣли такой подержанный видъ, что смотрѣть на нихъ было скучно. Но зато самъ предводитель оказался премилымъ старичкомъ, когда-то знавшимъ моего отца, и потому отнесся ко мнѣ чрезвычайно ласково. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ Каткова и вскорѣ перевелъ рѣчь на него, причемъ, одушевившись, нѣсколько разъ поднималъ указательный палецъ высоко надъ головою, восклицая:

— Катковъ? О! Голова! Государственный умъ!

При этомъ онъ прищуривалъ глаза и потрясалъ головой, закидывая ее немного назадъ.

Положеніе мое у бабушки казалось мнѣ нѣсколько неловкимъ, въ виду тѣхъ странныхъ отношеній, которыя установились между мною и ея дворовыми людьми. Они уже не были крѣпостными, а назывались «временно-обязанными», но, повидимому, недостаточно понимали значеніе этой перемѣны. Едва я пріѣхалъ, они бросились-было цѣловать мнѣ руку, чѣмъ страшно смутили меня; я не зналъ, что̀ сказать, и насилу отъ нихъ отбился. Бабушка слегка пожурила меня за это, говоря, что люди могутъ принять это за гордость съ моей стороны и обидѣться.

*

Я же, конечно, не могъ взять въ толкъ такого заключенія и, въ противность бабушкиному желанію, рѣшилъ держать себя съ прислугою какъ равный съ равными. Я обращался съ нею на вы, ничего отъ нея не требовалъ и, при случаѣ, вступалъ и съ женщинами, и съ мужчинами въ разговоры. Едва-ли они много понимали изъ того, что я говорилъ, такъ какъ русскій языкъ былъ хорошо знакомъ только бабушкиной горничной, а остальные объяснялись лишь по-хохлацки, почему и я понималъ ихъ мало. Но по лицамъ ихъ я, во всякомъ случаѣ, видѣлъ, что они относятся ко мнѣ съ добрымъ чувствомъ, и радовался тому. Болѣе другихъ мнѣ понравился кучеръ, молодой парень съ хорошимъ, симпатичнымъ смѣхомъ и смышлеными глазами; я, конечно, вознамѣрился просвѣтить его кое-какими свѣдѣніями, начавъ съ объясненія планетной системы. Но онъ едва-ли не думалъ, что я хочу его одурачить, и иногда смѣялся, иногда спорилъ. Помнится, мнѣ такъ и не удалось въ то лѣто убѣдить его въ ошибочности его представленія насчетъ причины наступленія ночи. Въ движеніе земли вокругъ солнца онъ рѣшительно отказался вѣрить, наступленіе же темноты объяснялъ тѣмъ, что послѣ захода солнца ангелы задергиваютъ небо темною занавѣской. Звѣзды же онъ принималъ за дыры въ этой занавѣскѣ, чрезъ которыя и просвѣчиваетъ небо. Я весьма скоро убѣдился, что безъ знанія мѣстнаго нарѣчія не могу годиться ни въ наставники, ни тѣмъ менѣе въ эмиссары для «поднятія юга». И если ужь говорить откровенно (а лукавить я не хочу), близость къ природѣ и незыблемо стоящему на землѣ сельскому быту заставляла меня противъ воли на каждомъ шагу сознаваться передъ самимъ собою въ ложности тѣхъ представленій о народѣ, которыя казались столь неопровержимыми въ шумихѣ петербургской «политической» болтовни юнцовъ. Я всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что подъ чарующимъ вліяніемъ полей, рѣки, черешневыхъ садовъ и этой благодатной, здоровой тишины подъ палящими лучами солнца, я становлюсь проще и естественнѣе, какъ человѣкъ, сошедшій съ театральныхъ подмостковъ и спокойно усѣвшійся у себя дома.

XIV.

Усиленіе вліянія „Московскихъ Вѣдомостей“ къ зимѣ 1863—64 года.—Различныя теченія въ кружкахъ. — Неудачныя попытки интеллигенціи на поприщѣ предпринимательства. — „Охранители“. — Возобновленіе лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ осенью 1863 г., я снова попалъ въ полную возбужденія среду, отъ которой началъ было отвыкать среди деревенскаго затишья. Нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ провинціи повліяли на мою восторженность отчасти охлаждающимъ образомъ. Наблюдая воочію медленное, тягучее, однообразное теченіе захолуст-

ной жизни, въ то время еще сытой и спокойной, я начиналъ убѣждаться, что въ теоретическихъ соображеніяхъ моихъ и моихъ сверстниковъ на счетъ немедленнаго обновленія всего строя общественныхъ отношеній какъ будто есть существенный изъявъ. Чувствовалось, хотя еще и смутно, что построенія наши кое-въ-чемъ похожи на зданіе, возводимое на пескѣ, и что идеаламъ правды и справедливости, пожалуй, и не восторжествовать такъ скоро, какъ мы предполагали. Вмѣстѣ съ такою перемѣной въ моихъ воззрѣніяхъ, которую я замѣтилъ и кое-въ-комъ изъ товарищей, естественно явилась у насъ потребность въ критической расцѣнкѣ словъ и поступковъ людей, въ которыхъ мы до тѣхъ поръ вѣрили съ чужого голоса. И какъ только началось такимъ образомъ наше умственное раскрѣпощеніе, недавніе кумиры стали падать одинъ за другимъ. Оказалось, что кружковая репутація многихъ «хорошихъ» людей далеко не оправдывалась обстоятельствами. Да и дѣла начали уже понемногу склоняться не совсѣмъ въ ту сторону, какъ мы ожидали, а въ замѣнъ того все чаще начинали попадаться люди, уже сопровождавшіе свои прежнія либеральныя фразы различными оговорками; и въ оговоркахъ этихъ, дѣлавшихся пока осторожно, съ отблескомъ смущенія въ глазахъ говорившаго, чувствовалось что-то похожее на отреченіе отъ прежнихъ взглядовъ. Не имѣя мужества собственнаго убѣжденія, le courage de son opinion, какъ говорятъ французы, люди лукавили передъ другими, а можетъ быть и передъ самими собою. Будь я въ то время болѣе догадливъ, я понялъ бы, что подобныя перемѣны произошли не спроста, что онѣ являлись однимъ изъ признаковъ начинавшагося охлажденія интеллигентной «толпы» къ освободительнымъ началамъ, увлекшимъ ее въ началѣ, какъ новинка. Недаромъ все чаще и громче произносилось въ разговорахъ имя Каткова, быстро занявшаго позицію представителя цѣлаго направленія, впослѣдствіи такъ твердо установившагося на десятки лѣтъ и принесшаго немало горькихъ плодовъ.

Въ возникновеніи этого направленія, конечно, еще не было бы бѣды: нельзя требовать, чтобы въ человѣческомъ обществѣ всѣ смотрѣли на вещи одинаково. Но бѣда—и бѣда большая—была въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ вскорѣ очутился вдохновитель «Московскихъ Вѣдомостей». Ядъ выражавшагося ими направленія заключался въ беззастѣнчивомъ заподозрѣваніи всякаго противнаго мнѣнія, въ приравниваніи всякой мысли съ освободительнымъ оттѣнкомъ къ преступленію. Надо отдать справедливость талантливоау московскому публицисту: онъ зналъ свою публику и умѣлъ дисциплинировать ее. При вынужденномъ безмолвіи противниковъ, ему нетрудно было наложить на либеральную печать клеймо безсилія и тѣмъ способствовать разстройству партіи, которую онъ громилъ. Но именно это обстоятельство не свидѣтельствовало ли о томъ, что въ ту пору либе-

рализмъ не имѣлъ характера органической общественной силы? Послѣдующіе годы еще болѣе ярко доказали это. Чѣмъ иначе объяснить такое, новидимому, непостижимое явленіе, какъ захуданіе на долгіе годы той самой партіи, на знамени которой начертаны были принципы правительственныхъ реформъ, тогда какъ именно противники этихъ реформъ пріобрѣли вѣсъ и значеніе, въ качествѣ «охранителей»? Что охраняли они? Старый режимъ, которому сама власть стремилась положить конецъ? Но въ такомъ случаѣ рѣчь должна бы идти не объ охранѣ, а о противодѣйствіи и внесеніи въ общество смуты.

Въ той средѣ, въ которой я тогда вращался, помимо вышеуказанныхъ уклоненій отъ прежнихъ безпримѣсныхъ мнѣній, можно было замѣтить въ зиму 1863 — 64 г. нѣсколько неодинаковыхъ теченій. Одни, наименѣе знакомые съ родною дѣйствительностью, склонялись къ такъ-называемому «хожденію въ народъ», въ надеждѣ помочь просвѣтленію массы внесеніемъ въ нее свѣдѣній, которыми она нисколько не интересовалась. Другіе, настроенные не столь идеально, бросались въ практическія предпріятія, хотя, въ большинствѣ, не въ видахъ наживы, а съ цѣлью «поставить промышленность на здравую основу». Никакой подготовки къ такому дѣлу у нихъ, конечно, не было, а всѣ разсчеты основывались на томъ соображеніи, что въ рукахъ развитого человѣка всякое дѣло должно пойти блестяще. Третьи, люди — какъ говорится — «себѣ на умѣ», прикрывались либеральнымъ флагомъ только для видимости, а въ сущности были искателями личной выгоды. Были еще и такіе, которыхъ можно бы назвать статистами; такихъ насчитывалось немало. Съ насупленнымъ, мрачнымъ видомъ, они обыкновенно безмолвствовали въ собраніяхъ единомышленниковъ, пощипывали себѣ пробивавшійся на подбородкѣ пушокъ и сардонически улыбались, слушая разсказы о тѣхъ или другихъ поступкахъ «реаковъ». Статисты эти отличались особенною страстью къ запрещеннымъ произведеніямъ печати, охотно списывали ихъ въ тетрадку и постоянно носили при себѣ. Въ сущности, это были самые безобидные люди, но смотрѣли прямо карбонарами и, въ случаѣ заарестованія (что бывало тогда часто), мужественно гибли ни за понюшку табаку, въ увѣренности, что гибнутъ за «общее дѣло».

Люди, искавшіе новыхъ формъ жизни въ устройствѣ промышленныхъ заведеній на «разумно-коммерческихъ началахъ», обыкновенно очень скоро убѣждались въ своей полной непригодности для дѣла, требующаго «купецкой» сноровки и изворотливости, или же обращались въ заправскихъ кулаковъ, смотря по темпераменту. Они заводили разнаго рода мастерскія, которыя обыкновенно скоро закрывались либо за отсутствіемъ заказовъ, либо вслѣдствіе постояннаго превышенія расходовъ надъ доходомъ, и переходили въ руки профессіоналовъ, у которыхъ тотчасъ же и начинали давать выгоду. Вспоминается мнѣ,

между прочимъ, открывшаяся было на нынѣшней Казанской (а тогда Большой Мѣщанской) улицѣ мелочная лавочка, подъ вывѣскою «Лавка дворянки (имя рекъ)». Владѣлицею лавки была недавняя институтка. Такъ какъ всѣ ея познанія въ торговлѣ ограничивались представленіемъ о выгодности этого дѣла, то завѣдываніе лавкою она вынуждена была поручить прикащику-профессіоналу, въ «хорошихъ» убѣжденіяхъ котораго не сомнѣвалась. А кончилось тѣмъ, что прикащикъ съ хорошими убѣжденіями вскорѣ сдѣлался хозяиномъ лавки, къ великому ущербу прежней владѣлицы. Заводились также молочныя фермы, въ выгодности которыхъ тоже не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо кто же не знаетъ, что молоко всякому нужно? Но и фермамъ въ интеллигентныхъ рукахъ не везло: то коровы даютъ до безстыдства мало молока, то молоко почему-то все киснетъ, коровы тощаютъ и не наклевывается покупателей. Одинъ мой знакомый выписалъ было особую печь для искусственнаго высиживанія цыплятъ, о которой прочелъ въ какомъ-то техническомъ журналѣ очень хорошій отзывъ. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, которымъ, однако, не было суждено осуществиться: печь хотя и высиживала иногда цыплятъ, но такъ рѣдко, что казалось, будто она дѣлала это единственно изъ одолженія; притомъ, каждый цыпленокъ обходился хозяину рублей въ пятнадцать. По такой цѣнѣ трудно было продать его на рынкѣ съ особеннымъ барышомъ.

Подобныя затѣи дѣлались не только молодежью, но и взрослыми ея современниками; и если въ обоихъ случаяхъ дѣло завершалось неудачей, это только свидѣтельствуетъ, что обѣ стороны были въ то время бѣлоручками, непригодными къ практическимъ дѣламъ. Это показываетъ также, что ни мы, тогдашняя молодежь, ни тогдашніе взрослые, не обладали умѣніемъ правильно оцѣнивать собственныя силы. Отсюда множество увлеченій, вызывающихъ теперь улыбку.

Но въ ту пору всѣ эти затѣи встрѣчались далеко не улыбками, особенно со стороны «охранителей».

— То-ли еще будетъ!—злорадно шипѣли они. Да «они» все на свѣтѣ вверхъ дномъ перевернутъ!

Наивность этихъ начинаній не мѣшала, однако, «охранителямъ» вопить противъ всего, что шло въ разрѣзъ съ до-реформенными воззрѣніями и нравами. Они вели травлю противъ всѣхъ проявленій новаго духа, и на нихъ, съ ихъ злобнымъ стремленіемъ посѣять въ обществѣ разладъ и подозрительность, должна пасть большая доля отвѣтственности за прискорбныя явленія двухъ послѣдующихъ десятилѣтій.

Съ усердіемъ, заслуживавшимъ лучшаго приложенія, они указывали на молодежь, какъ на опасный элементъ. Но выше сдѣлана была мною попытка обрисовать стремленія и настроеніе тогдашней молодежи, и въ этой картинѣ едва-ли найдутся устрашающія черты. И если впослѣдствіи часть молодежи вступила на ложный путь и дошла до по-

трясающихъ преступленій, то виною тому была именно посѣянная мнимыми охранителями смута. Будущій бытописатель той свѣтлой эпохи, таившей однако въ себѣ зародышъ столькихъ бѣдствій, конечно, приметъ во вниманіе эту подробность. Опасность была не въ молодежи, по свойственной ей чуткости втянувшейся въ общее движеніе, а въ томъ, что не нашлось тогда среди властныхъ людей человѣка, который съумѣлъ бы направить юныя силы въ легальное русло и не усматривалъ бы нужды въ одностороннемъ стѣсненіи печатной полемики между органами двухъ противныхъ теченій. Но такова уже судьба эпохъ, въ которыя совершается переломъ въ общественной жизни: люди теряютъ чувство мѣры и спокойствіе сужденія.

Взять хотя бы такое простое дѣло, какъ открытіе Петербургскаго университета осенью 1863 г. Въ теченіе года онъ оставался закрытымъ вслѣдствіе предшествовавшихъ студенческихъ волненій, а теперь въ немъ возобновлялось чтеніе лекцій. Къ открытію университета относились съ нѣкоторою опаской. Не трудно понять, съ какими чувствами вступали мы, юнцы, въ учебное заведеніе, встрѣчавшее насъ съ недовѣріемъ и плохо замаскированною подозрительностью. Обаяніе тогдашняго университета было для молодежи весьма невелико. Въ первый годъ студенты посѣщали лекціи неохотно, замѣняя ихъ обильнымъ чтеніемъ на дому всякихъ книгъ, преимущественно по естественнымъ наукамъ, которыя тогда особенно были любимы. Все это проглатывалось хотя и на-скоро, безпорядочно, однако все же не безъ пользы. Были примѣры того, что юноши безъ сожалѣнія покидали университетъ, не оканчивая курса. Несомнѣнно, учащееся юношество много выиграло бы, еслибы при университетѣ допущены были періодическія собранія студентовъ, при участіи профессоровъ; но такихъ собраній не было—вѣроятно, тоже вслѣдствіе какихъ-нибудь опасеній. Не было поэтому и желательной внутренней связи между университетомъ и студентами.

По обстоятельствамъ того времени, побѣдѣ суждено было остаться за направленіемъ, выразителемъ котораго являлись «Московскія Вѣдомости».

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, я долженъ сказать, что самъ вижу пробѣлы, которыми онѣ страдаютъ. Опущены многія явленія общественной жизни начала шестидесятыхъ годовъ. Но эти явленія заслуживали бы отдѣльнаго описанія, подкрѣпленнаго болѣе обстоятельными фактическими данными, чѣмъ тѣ, которыя сохранились въ моей памяти.

Р.